

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

К. Д. МУРАТОВА

М. ГОРЬКИЙ
НА
КАПРИ

1911

1913

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   Р У С С К О Й   Л И Т Е Р А Т У Р Ы
(П У Ш К И Н С К И Й   Д О М)

К. Д. МУРАТОВА

М. ГОРЬКИЙ
НА
КАПРИ

1911—1913

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД • 1971

7-2-2

124-71 (II пол.)

*Памяти друга
Сергея Дмитриевича
Балухатого*

О т а в т о р а

В 1906 г. М. Горький по поручению социал-демократической партии уехал в Америку для сбора средств на революционную работу. Выступления в защиту русской революции и агитация против предоставления зарубежной буржуазией займа царскому правительству сделали невозможным возвращение писателя на родину. Он оказался в изгнании.

Семь лет (с октября 1906 по декабрь 1913 г.) Горький прожил в Италии, на острове Капри. Это был один из наиболее сложных периодов его литературной, общественно-политической и личной жизни.

В эти годы Горький еще более сблизился с партией, с большевиками. Он участник VII (Лондонского) съезда, который укрепил его уверенность в близости новой революции. После съезда, воспринятого как праздник, возникает дружеская переписка писателя с В. И. Лениным, возобновляются встречи с ним в Париже и на Капри.

Вместе с тем это годы острой напряженной борьбы за литературу, укрепляющую у читателя-демократа веру в свои силы, в победу новых начал жизни.

«Революционер — не тот, кто становится революционером при наступлении революции, — писал В. И. Ленин, — а тот, кто при наибольшем разгуле реакции, при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает принципы и лозунги революции».¹ Именно таким революционером и был автор «Матери».

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 309.

Путь Горького-писателя и революционера не был безошибочным. Он, как известно, отдал дань увлечению идеями впереводцев,² преодолеть которое ему помогла дружеская помощь В. И. Ленина.

Первые годы пребывания Горького на Капри и его дружба с В. И. Лениным уже широко освещены в исследованиях о писателе. Малоизученным оказалось последнее каприйское трехлетие, которому и посвящена настоящая книга. Цель ее показать, как насыщена была всегда жизнь писателя и как многообразна была его литературная и общественная работа.

1911—1913 годы были особенно трудными для Горького. Он только что пережил сложный для него разрыв с впереводцами и неудачу повести «Исповедь», не принятую революционными кругами. Талант литератора органически сочетался у Горького с талантом организатора, его имя неразрывно связано с историей русской журналистики и книгоиздательского дела. Потребность в организаторской деятельности остро ощущалась писателем и в изгнании, но здесь он не мог использовать полностью свои силы, и это угнетало его.

Горький хорошо знал, что делалось в России. Он получал основные журналы и газеты, вел переписку с большим числом лиц, продолжал встречаться с представителями различных общественных групп. Остров Капри стал своеобразным местом паломничества русских людей. Среди приезжавших было немало революционеров, но еще больше переставших верить в революцию и утративших жизненную перспективу. Письма Горького несут признания: «...первы никуда не годятся. Вести из России — точно плевки в лицо и подчичины»,³ «...болею мучительной жалостью к родине, но жалость эта перекипает у меня в злость».⁴ Многие посетители Капри кажутся ему «мертвенькими».⁵ В декабре 1911 г. он пи-

² См. статью П. А. Трифонова «А. В. Луначарский и М. Горький. К истории литературных и личных отношений до Октября» (в сб.: М. Горький и его современники. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 140—157).

³ Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1956, стр. 145.

⁴ М. Горький, Собр. соч. в 30 томах, т. XXIX, Гослитиздат, М., 1955, стр. 129. — Далее ссылки на это издание даны в тексте: римская цифра — том, арабская — страницы.

⁵ Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 147.

шет: «... всю ночь не спал, думая на неисчерпаемую тему:

О край мой! Что же это значит,
Что никакой другой народ
Так не тоскует и не плачет,
Так дара жизни не клянет?»⁶

Лавина чужих бед, темных чувствований и разочарований подавляла Горького, приводя порою к признанию, что он «дьявольски одинок». Все яснее становилось, как далеко разошлись пути автора «Матери» и «Лета» и недавних его товарищей по «Знанию» — Л. Андреева, Скитальца и др.

Но даже в самое трудное время грустные раздумья соседствовали с утверждением: «... все говорят о России очень печально. А я не верю» (XXIX, 208). Усталость от большой напряженной работы и резкое обострение болезни (туберкулез) усиливали порой мрачные мысли, но вместе с тем писатель продолжал говорить о неизменности своей гражданской и литературной позиции: «Свою линию я не теряю, напротив».⁷

Линия эта заключалась в твердой уверенности в том, что «Россия проснулась и — не заснет»⁸ и что основная задача писателей — содействовать всеми силами этому пробуждению.

В курсе истории русской литературы, прочитанном в каприйской школе для рабочих (1909 г.), и в ряде своих критических статей Горький настойчиво говорил о литературе как «национальном деле первостепенной важности».⁹ Мысль эта воодушевляла крупнейших русских писателей, неотступно владела она и Горьким.

Наиболее примечательная черта горьковского характера — одержимость в высоком значении этого слова. В ранней юности будущий писатель хотел стать борцом за справедливость и тогда же почувствовал неукротимое стремление к творчеству. Автобиографическая трилогия показала, как вызревало и то и другое. Оба стремления были нераздельны.

⁶ Там же, стр. 131.

⁷ Там же, стр. 90.

⁸ Там же, стр. 60.

⁹ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 91.

Горький не мыслил себя вне практической революционной деятельности. Он — *борец по натуре*. Таким же страстным и непримиримым борцом выступал он и как литератор. Собственное творчество было для него одним из средств ускорить движение к революции, служением ей. Личная жизнь была *всецело* подчинена этому устремлению. Писатели-знальцевцы единодушны в признании огромного впечатления, которое производил на них Горький своей преданностью литературе как делу революционному. Он казался им могучим проповедником, рыцарем духа.

В 1896 г. Горький писал своей невесте: «У меня, Катя, есть своя правда, совершенно отличная от той, которая принята в жизни, и мне много придется страдать за мою правду, потому что ее не скоро поймут и долго будут издеваться надо мной за нее».¹⁰ Он еще не мог точно определить, в чем заключается эта правда и каковы пути ее достижения, но уже знал, что не отступит от борьбы за нее, чего бы это ни стоило. Дальнейшие письма к жене раскрывают напряженные поиски этой правды, которые привели в годы первой русской революции к признанию, что только теперь, став социал-демократом, он понял, что такое настоящий революционер: «... до сей поры я — революционером не был. Я только становлюсь им. Те люди, которых мы привыкли считать революционерами, — только реформаторы. Самое понятие революции — должно углубить. И возможно!».¹¹ Роман «Мать» и пьеса «Враги» — манифесты новой социалистической правды.

Говоря о «ежедневной драке», которую он вынужден «вести до конца дней», Горький писал в годы реакции: «Не преувеличивая ни сил своих, ни своего значения в русской литературе, я знаю, что моя линия — ближе к правде, чем другие, и нужнее для нашей страны. Этого вполне достаточно, чтобы чувствовать себя на месте и у дела; затем — хоть в ступе меня толки, хоть кожу сдирай — я не охну».¹²

Личный авторитет Горького как писателя-революционера бесспорен в эти годы не только для друзей, его живо

¹⁰ Архив А. М. Горького, т. V. Гослитиздат, М., 1955, стр. 13.

¹¹ Там же, стр. 183.

¹² Там же, стр. 84.

ощущали и враги писателя. Вот одно из характерных суждений по этому поводу. «Можно разное судить о художественном даровании М. Горького, — писал М. Гершензон, — можно относиться совершенно отрицательно к его политическим и социальным взглядам, — одно не подлежит сомнению: это эстетическая и моральная красота его личности. Через полвека и больше люди будут с удивлением повторять историю его жизни, похожую на сказку и ставшую сказкой не вследствие сцеплений исключительно счастливых случайностей, как это иногда бывает, а в силу заложенного в нем самом могучего стремления к свету, к свободе, к раскрытию своего „я“ ... Он один из немногих, чья личность и деятельность говорят людям о красоте и силе, потенциально присущей человеку, кто своим примером и словом проповедует искание лучшего мира».¹³

Все личное отодвигалось в сторону, когда писатель принимался за новое произведение, которое должно было ускорить — он был убежден в этом — пробуждение социального сознания, или же когда он выступал в роли организатора революционной и демократической печати.

На Капри Горьким была создана большая библиотека, ибо, по его мысли, время требовало от литератора не только широкого познания самой жизни, но и глубокого освоения передовых социальных и научных идей века. К сожалению, точный состав этой библиотеки неизвестен. Горький любил книги, но обычно не берег свои книжные собрания; при переездах сохранялась лишь небольшая часть особенно нужных или любимых книг.¹⁴ Однако мемуаристы, да и сам писатель свидетельствовали, что каприйская библиотека была обширна и разнообразна. Это подтверждается многочисленными письмами Горького к заведующему издательством «Знание», С. П. Боголюбову, и другим лицам с просьбами прислать те или иные книги. Известно также его стремление тщательно подбирать литературу по особо интересующим проблемам.

¹³ Русская молва, 1913, № 231, 4 августа.

¹⁴ Так расплылась нижегородская библиотека. Каприйская, видимо, была оставлена русской колонии на острове. Не уцелела и петроградская библиотека, часть которой была передана в Дом ученых. Соррентийская библиотека в большей части своей осталась в Италии.

Так, в связи с предполагавшейся работой (вместе с А. Луначарским) над историей русской литературы Горький значительно обогатил соответствующие разделы своей библиотеки. Изучение прошлого народа, связанное с работой над повестью «Жизнь Матвея Кожемякина» и циклом «По Руси», в свою очередь вызвало создание большого исторического отдела.

Писатель пристально следил за развитием современной общественной мысли и художественной литературы. Все сколько-нибудь значимое в этой области попадало на Капри. Не ускользали из его поля зрения и научные открытия, особенно в области физики и естествознания.¹⁵ Благодаря адвокату О. О. Грузенберга в 1909 г. за предложение начать хлопоты о возвращении в Россию, автор «Матери» так определил свою позицию писателя и человека: «Мне полезно побыть здесь, и мне надо многому учиться, и я понемножечку учусь. У меня более трех тысяч книг, я читаю восемь газет, все журналы и не чувствую себя оторванным от родины. Около меня хорошие люди, мое уважение к человеку не падает, а растет, принимая все более ясные формы. Нет, в Россию мне рано возвращаться. А если бы я этого хотел, или если бы считал нужным для чего-нибудь — я вернулся бы в Иркутск, Архангельск, в тюрьму, если это угодно жалчайшему и бездарнейшему из правительств европейских.

У меня много задач, может быть, они мелки, но — это мои задачи, и я их должен решить. Верю в себя, верю, что моя работа полезна, а где работать — все равно. Я слишком русский, хорошо заряжен с юности, и пороха у меня хватит надолго, пусть могильщики зарывают меня живым в землю, я все равно до последнего дня буду говорить, что считаю нужным».¹⁶

Раскрыть свое понимание основ русской психики, продолжая борьбу за жизнедеятельную литературу, и организовать новые демократические органы печати — вот что входило наряду с другим в задачи Горького в годы нового революционного подъема.

¹⁵ См. об этом частично в кн.: М. Юнович. А. М. Горький — пропагандист науки. Изд. «Советский писатель», М., 1955, 224 стр.

¹⁶ О. О. Грузенберг. Вчера. Париж, 1938. — В письме содержится намек на критиков, провозгласивших «конец Горького» в связи с социалистическими взглядами писателя.

Глава первая

1

В годы нового революционного подъема в среде писателей возникает стремление к идейно-творческому сплочению. «Негде работать, и уже давно я только давалец рассказов, но не *сотрудник*. И все мечтаю, и все толкую о некоем своем журнале»,¹ — писал Л. Андреев Горькому в декабре 1912 г. Отдельные лица и группы литераторов пытаются организовать новые ежемесячники, проясняющие их общественно-литературные устремления. О журнале мечтают символисты, ведут переговоры писатели-сибиряки, М. Арцыбашев² и другие лица.

«Все и везде хотят издавать журналы: в обеих столицах, в провинции, на окраинах, и все жалуются, что денег для журналов нет у них. Так что „дела“ — куча!»³ — сообщал Горький М. Коцюбинскому (XXIX, 278).

¹ Литературное наследство, т. 72. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 351.

² «И почему бы не попробовать издавать на товарищеских началах журнал, если время альманахов окончательно прошло? — писал С. Н. Сергеев-Ценский 24 сентября 1912 г. П. С. Клецову. — „Заветы“ — журнал совершенно безденежный и, надо правду сказать, — скучный, но и он успел на шуметь. У Арцыбашева журнал пошел бы, и я не понимаю, как это Москва его не поддержит» (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 9, № 85, л. 6, в дальнейшем — ГБЛ).

³ Было распространено стремление и к изданию газет. 5 июля 1912 г. П. И. Певин писал Е. А. Ляцкому: «Жаловаться на недостаток предложений издавать газеты не приходится. Только что известили Вы о благополучном окончании переговоров с К-им, как получил в Екатеринбурге письмо от П. М. Кочевского. Предлагает от своего имени и от Е. В. Аничкова принять издательство ежеспедальной газеты. Ред. Аничков, сотрудники — Куп-

Возникают специальные книгоиздательства писателей, сначала в Петербурге, а затем в Москве.⁴ С проектом издательства «Вольная академия художников слова» выступает С. Сергеев-Ценский.⁵

Имя Горького вновь начинает мелькать в переписке писателей как имя наиболее желаемого собирателя разрозненных сил. С предложением стать редактором обращается к Горькому ряд организаторов новых журналов.

Как же относился он к этим многочисленным обращениям?

Деятельность Горького-художника и публициста была неотделима от выступлений в качестве организатора демократической печати. В 1890-е годы писатель теснейшим образом связан с журналом «Жизнь», в 1900-е он становится во главе издательства «Знание», сгруппировавшего вокруг себя молодых представителей реалистической литературы. В 1905 г. Горький принимает ближайшее участие в создании первой легальной газеты большевиков «Новая жизнь». При его активной помощи возникают сатирические журналы «Адская почта» и «Жупел».

В годы реакции Горький хотел дать «отпор гг. идеалистам, мистикам и всякой всячине, ютящейся в „Русской мысли“, „Живой жизни“, „Факелах“ и других щелях литературных» (XXIX, 51), в «Сборниках товарищества „Знание“», включив в них не только литературу, но и критику, публицистику, философию. Однако намеченное расширение состава сборников не было осуществлено, так как этому воспротивился К. П. Пятницкий.

Став вместе с Горьким в начале 1900-х годов во главе «Знания», Пятницкий самозабвенно принялся за перестройку книгоиздательства, предложенную Горьким. Она не противоречила его собственным демократическим взглядам.

рин, Сологуб, Блок, Иванов, Арцыбашев, Ремизов, Брюсов, С. Городецкий, С. Венгеров, Чуковский» (Институт русской литературы АН СССР, ф. 163, № 314, в дальнейшем — ИРЛИ).

⁴ См. статьи О. Д. Голубевой: «Издательское товарищество писателей. 1911—1912» (Книга. Исследования и материалы, т. VIII. Изд. «Книга», М., 1963, стр. 410—430) и «Книгоиздательство писателей в Москве. 1912—1923» (Книга. Исследования и материалы, т. X. Изд. «Книга», М., 1965, стр. 192—220).

⁵ Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 28. Изд. «Книга», М., 1966, стр. 11, 12.

Пятницкий был пленен талантом Горького и его даром объединять вокруг себя наиболее прогрессивные силы литературы. Писатель был полностью освобожден им от каких бы то ни было материальных и технических забот. Все эти тяготы Пятницкий, гордясь ролью, которую играло «Знание» в литературно-общественной борьбе начала века, взял на себя.⁶ Популярное издательство все более расширяло свою работу, и Пятницкий все сильнее «вращался» в него.⁷ Издательские дела начали поглощать все его силы, он не успевал следить за развитием жизни и все более отставал от нее.

Уже в период 1905 г. Горький и Пятницкий начинают говорить на разных языках. Опасаясь за судьбу издательства, Пятницкий отказался нести материальную ответственность за издание политических брошюр, которое было предпринято Горьким по договору с ЦК РСДРП. Любовь к Горькому вступила в явный конфликт с любовью к своему издательскому детищу. Пятницкий верен демократическо-культурной программе «Знания» и не хочет идти дальше.

В эпоху реакции материальная база издательства сильно пошатнулась: политическая литература, поглотившая значительную часть личных средств Горького, подверглась конфискации, и Пятницкий был вынужден изъять из продажи уцелевшую часть тиражей. Упал спрос на сборники «Знания», не находили широкого сбыта и книги знаньевцев.⁸

---

⁶ Изумительна была работоспособность К. П. Пятницкого. Он был редактором (читал рукописи, поступающие в издательство «Знание»), заведующим издательством (вел огромную, и не только деловую, переписку с авторами), контролером, и весьма точным, бухгалтерских счетов писателей и т. д. Помимо вклада, внесенного «Знанием» в литературно-общественную борьбу, оно сыграло также большую роль в улучшении материального положения литераторов, значительно повысив их гонорары. Это заставило и другие издательства изменить оплату писательского труда.

⁷ «Знание» издавало литературные сборники, собрания сочинений знаньевцев, серию книжек для народа («Денежная библиотека товарищества „Знание“»), книги по искусству и естествознанию.

⁸ Отъезд за границу К. П. Пятницкого был вызван не столько боязнью репрессий в связи с изданием марксистской литературы, сколько желанием стимулировать деятельность Горького как редактора и сотрудника сборников «Знания». Только они

Горький не мог примириться с общественно-моральным падением литературы и хотел как можно быстрее начать действительную борьбу с реакцией; Пятницкого же возможность каких бы то ни было издательских перемен пугала. Он боялся, что они вызовут окончательный крах «Знания». Отсюда нежелание прямо ответить на вопрос — согласен ли он, Пятницкий, с новыми предложениями Горького изменить лицо сборников.

И Пятницкий, и Горький были недовольны друг другом, и недовольство это все более разрасталось. Первому казалось, что Горький недостаточно заботится об издательстве и его сборниках, второй был опечален невозможностью реализовать теперь свои замыслы в «Знании».

«Вчера получил №№ „Русской мысли“ и „Образования“, — писал Горький Пятницкому в апреле 1908 г., — прочитал несколько статей и — всю ночь не мог уснуть с тоски и со зла. Что такое?»

Это — русская литература? Какая гадость, какое ничтожество мысли, нахальство невежества и цинизм! Людей, кои идут на святое поле битвы, чтобы наблеть на нем, — таких людей надо бить.

И я мог бы организовать отпор им по всей линии, для того есть силы, есть желание, а главное — это необходимо...

А Ваше отношение, как я чувствую, отрицательно к этой задаче, столь важной и крупной, столь своевременной.

И вот я принужден работать где-то не рядом с Вами, как привык и что ценил, а в стороне» (XXIX, 59—60).

Нежелание вмешаться в борьбу послужило началом конфликта, а затем полного разрыва Горького с издательством «Знание». Понимание того, что «Знание» стало нерадиво, толкало его к поискам новых возможностей осуществить свои планы.

Попытки создать в 1909—1912 гг. новое книгоиздательство не увенчались успехом. И. Д. Сытин, с которым Горький вел переговоры, согласился лишь на вхождение в качестве нового пайщика в «Знание», но крайне не-

---

приносили некоторый доход. Сборники стали выходить один за другим. Однако Горький не был уже удовлетворен ими. В 1911 г. он привлекает к редактированию сборников В. С. Митролюбова, а затем совсем отказывается от ведения их.

выгодные условия, предложенные им, были отвергнуты Пятницким.⁹

Не удалось найти денег для нового издательства и И. П. Ладыжникову,¹⁰ который вел по поручению Горького переговоры с Н. В. Мешковым, М. В. Сабашниковым и др.¹¹

Но эти неудачи не сломили стремления Горького оказать действительное сопротивление буржуазной и либеральной мысли. Не прекращая поисков денег для нового книгоиздательства, он обратил взор в сторону периодической печати.

Переписка Горького свидетельствует о том, что в 1910—1911 гг. у него возникает план издания дешевой демократической газеты и социал-демократического журнала. Однако отсутствие средств, а также непосредственных связей с людьми, которые могли бы взяться за организацию подобного легального журнала в России, помешало осуществлению этого плана. Не смог Горький добыть денег и на издание общественно-литературного журнала, который был необходим ему и как трибуна для собственных художественных и публицистических выступлений, и как место активного объединения писателей, критиков и публицистов, противостоящих унаследованным настроениям.

Замыслы эти не были отвергнуты Горьким, но, сожалея, что осуществление их отодвинуто на неопределенное время, он решил помочь организации демократической печати. Каждой демократической группе следовало — он был убежден в этом — четко выявить свои общественно-политические позиции и тем самым помочь читателям разобраться в современных политических течениях.

Писатель внимательно следил за провинциальной и столичной прессой, которая все более не удовлетворяла его. Он не видел в ней живых откликов на проблемы, волнующие широкие слои читателей-демократов. Так, по-

---

⁹ Дневник К. П. Пятницкого за 1911 г., стр. 476, 662, 680, 684 (Архив Горького).

¹⁰ В 1912 г. Издательство И. П. Ладыжникова (Берлин) потерпело денежный крах. См. письма Ладыжникова к Горькому, декабрь 1912 г. (Архив Горького).

¹¹ Письмо И. П. Ладыжникова к Горькому от 28 июня 1912 г. (Архив Горького).

пулярный в те годы «Современный мир» не уделял достаточного внимания национальному вопросу, новому этапу развития капитализма, социалистическому движению, взаимоотношениям интеллигенции и народа и т. д.

Отметив в письме к В. П. Крапихфельду 16 января 1912 г., какой большой круг вопросов остается вне поля зрения редакторов журнала, Горький заключал: «Извините меня — вы ведете журнал холодно, лениво и небрежно; в нем не чувствуется единства и ясного сознания целей, преследуемых вами. . .

Подбор беллетристики случаен, редакция ее — небрежна. . .

Особенно плохо то, что жизнь современной демократии вас, очевидно, мало интересует».¹²

Горький был уверен, что читатель нуждается в иных журналах, и решил содействовать их появлению. «Организация левой печати — наша задача. По крайней мере, я считаю это моей задачей», — писал он в сентябре 1912 г. известному юристу Н. К. Муравьеву. О том же говорилось в письме к И. П. Ладыжникову: «Я Вас чрезмерно обременяю разными „делами“, но мне кажется, что все эти дела необходимые, своевременные и надобно посильно служить им. Для меня они кратко формулируются так: организация левой журналистики и — что едино — идейная организация демократии под знаком федерализма в политике, социализма в культуре».¹³ Это была основа разрабатываемой им программы нового демократического журнала.

Горький не хотел сам редактировать новые издания, ограничивая свою роль главным образом организаторской стороной. Когда Н. К. Муравьев предложил ему войти в редакционный совет проектируемого им журнала, писатель отказался, обещав свою помощь в постановке литературного отдела, чтении рукописей молодых авторов и переписке с ними. В качестве возможных редакторов («Вопрос о редакторе беллетристического отдела очень серьезен в наши дни», — писал Горький) им были названы В. Вересаев¹⁴ и С. Сергеев-Ценский.

¹² Архив Горького.

¹³ Архив А. М. Горького, т. VII. Гослитиздат, М., 1959, стр. 205.

¹⁴ В июне 1925 г. Горький писал В. Вересаеву, что всегда чувствовал в его лице «сопутника, коего привык уважать и за

Наиболее продолжительной оказалась связь Горького с новым журналом «Современник».

2

«Современник» возник в 1910 г. по инициативе А. В. Амфитеатрова. В программе издания говорилось о желании возродить славные традиции журналистики XIX столетия, но сама программа была крайне расплывчатая.

3 октября 1910 г. Амфитеатров известил Горького: «... с 1 января 1911 г. будет в городе С.-Петербурге выходить ежемесячный литературно-политический журнал „Современник“ с сатирическим отделом в нем „Сверчок“: как видите, претензия на пушкинские традиции. Журнал этот будет морально мой и руководиться будет мною... Зная меня, вы знаете, какой вид придать я могу журналу. Общеходовых, затрепанных, модернистских и т. п. имен не будет ни одного. За модой пляться — ни в коем случае. Словом, ни Потапенки в прошлом, ни Потемкина, ни даже Макса Волошина в настоящем. Журнал будет ровный, твердый, социалистический, ясный, внепартийный. Словом, буду вести, поскольку смогу, политически — „Красное знамя“ — без антицаризма открытого, литературно — утверждение хороших русских традиций реализма в художественном и словесном творчестве. В общественном отделе буду сам много работать, уповаю на Герм. Ал. [Лопатина]».¹⁵ Получив согласие Горького

твердость шага, и за неуклонность со своей тропы» (Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 123). Эта «неуклонность» была широко известна. В период организации «Книгоиздательства писателей в Москве» П. С. Ангарский писал М. В. Аверьянову: «Привлечение в редакцию Вересаева... и есть то необходимое упрочение фирмы, о котором мы говорили. Моральный и литературный авторитет Товарищества сильно возрастет, если Вересаев станет во главе редакции... Вересаев привлечет и Горького, который, по-видимому, должен уйти из „Знания“» (Зап. Отдела рукописей ГБЛ, вып. 28, стр. 13).

¹⁵ Сокращенно опубликовано в кн.: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР. М.—Л., 1934, стр. 199. Официальным редактором журнала числился П. В. Быков. По этому поводу Амфитеатров писал Горькому 14 марта 1911 г.: «Ответственного редактора — хоть на рынке нанимай! Никому больше снохота в кутузку. Книжка готовая, отпечатанная лежит потому,

принять участие в журнале, Амфитеатров начал с ним оживленную переписку.

Извещение о подписке на внепартийный журнал с «постоянным сотрудничеством» Горького вызвало удивление В. И. Ленина: ¹⁶ «Журнал без направления, — писал он Горькому, — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная. . . Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его „Красное знамя“, что вовремя умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны“ для политики мало, что после 1905 года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо».¹⁷

Резкую оценку В. И. Ленина вызвала также сообщенная Горьким программа «Современника» — «реализм, демократия, активность».

«Вы думаете, это — хорошие слова? — спрашивал Ленин. — Слова *скверные*, всеми буржуазными ловкачами на свете используемые, от кадетов и эсеров у нас до Бриана или Мильерана здесь, Ллойда-Джорджа в Англии и т. д. И слова скверные, надутые, и содержание обещается эсеровско-кадетское. Нехорошо».¹⁸

Увлеченный мыслью об организации левой печати, Горький все же решил максимально помочь «Современнику». Он настойчиво предлагал Амфитеатрову создать коллективное руководство журналом и привлечь сотрудников, которые смогли бы придать более четкий характер его общественно-политическому отделу. Введи в редакционный совет В. М. Черпова и В. С. Миролюбова, Амфитеатров писал Горькому 17 июня 1911 г.: «Второе

что некому подписать. Торгуем старого гребкопателя Быкова» (Архив Горького). Издателем журнала был екатеринбургский промышленник П. И. Певин.

¹⁶ В письмах к Амфитеатрову (XXIX, 141, 147) Горький потребовал внести поправки в объявление о журнале, на которое обратил его внимание В. И. Ленин: снять жирный шрифт при упоминании его имени и указание на постоянное сотрудничество. Этого же Горький требовал в дальнейшем и от других журналов.

¹⁷ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 48, стр. 4, 5.

¹⁸ Там же, стр. 11. — Горький писал заведующему копторой издательства «Знание» С. П. Боголюбову: «Слух о том, что „Современник“ издаю я — не весьма приятен мне, и, по возможности, надобно его опровергнуть» (Архив Горького).

полугодие журнала должно начаться манифестом союзной редакции, и манифест сей, конечно, должно выработать коллективно. Вы, стало быть, как вдохновитель идеи демократического блока, тут в первую очередь». ¹⁹

Но опыт совместного руководства длился недолго. Нежелание, вернее, неспособность Амфитеатрова более точно определить политическую программу «Современника» и его нетерпимость вскоре привели других редакторов к отказу от участия в журнале. Успех «Современника», вызванный вначале извещением о ближайшем сотрудничестве Горького, начал падать. Широковещательные программы ²⁰ разочаровывали читателя явным несоответствием с публикуемыми материалами. Вот что писал Горькому Амфитеатров о конторском отчете журнала, отмечая неудачу выступлений Чернова-публициста и художественную слабость произведений, принятых в «Современник» Миролубовым: «В поябре мы оказываемся отброшенными к апрелю, т. е., как выразился Певил, мы имеем только ту подписку и тот тираж, который сделали Вы и я своим участием. Дальнейшее шло естественным приростом до мая и июня, в июле зловеще застряло на точке замерзания... а в августе спрос пошел на убыль... и в сентябре и ноябре „Современник“ очутился лицом к лицу с тою публикой, с которой начал, и вдобавок недовольной и роняющей». ²¹

Помимо несогласованности в идейном руководстве журналом, успешному редактированию несомненно мешала и территориальная разобщенность редакторов: большой Миролубов жил в Давосе (Швейцария), Амфитеатров — в Феццано, а Чернов — в Сестри (Италия). Сношения с петербургским коллективом, возглавляемым В. В. Водовозовым, были весьма затруднены, и Водово-

¹⁹ Архив Горького.

²⁰ Программы «Современника» были опубликованы в январской и июльской книгах журнала, а также в специальном проспекте издания, вышедшем в июле 1911 г. Последние программы были написаны В. М. Черновым. Горький быстро убедился в том, что надежды на возрождение журнала напрасны. По поводу новой программы он писал: «Что же написать о 7-й книжке? Нечего о ней писать. „Манифест“ — конечно — излишен. Это становится смешно: на протяжении полугода дважды громогласно объявили — „мы вам зададим!“. Никто не откликнулся ни в первый, ни во второй раз» (XXIX, 176).

²¹ Архив Горького.

зов не раз пользовался этим, выступая с единоличными решениями. В сентябре Амфитеатров вновь взял «Современник» в свои руки (что вызвало протест Горького — ХХІХ, 201), но это не спасло журнал. Вскоре Амфитеатров предложил стать во главе «Современника» Горькому, но тот отклонил предложение.²² Он вновь был занят попытками создать более близкие себе органы печати. «Планы же — говорил Леценко — на Капри прежние: и толстый журнал, и большая газета, и еще, кажись, газета-копейка, — писал В. И. Ленин 15 сентября 1911 г. — Да, да, теперь бы как раз кстати. Ликвидаторы покушают (так говорят в Питере, откуда мы сегодня получили письмо) „Киевскую Копейку“ и переводят в Питер. Крайне важно было бы организовать им отпор».²³ В то же время были начаты переговоры об организации нового журнала «Заветы» под редакцией ушедших из «Современника» Чернова и Миролюбова.

Отход Горького от «Современника» и безуспешность переговоров с его издателем о новом изменении лица журнала, так же как и разногласия с представителями петербургской редакции (В. Водовозов и др.), послужили поводом к отказу Амфитеатрова в январе 1912 г. от редактирования ежемесячника. Так бесславно окончился первый период жизни журнала.

«А „Современник“ — то догадался — таки умереть! Хороший это поступок с его стороны»,²⁴ — писал В. И. Ленин, воспринимая гибель журнала как конец «романа» Горького с Черновым и Амфитеатовым. Но уход Амфитеатрова не означал еще смерти журнала. В феврале П. И. Певин привлек к редактированию «Современника» Е. А. Ляцкого.

Задача перестройки большого общественно-политического и художественного ежемесячника была явно не под силу историку литературы, плохо разбирающемуся в вопросах социологии и политики. Он сознавал это. «Со-

---

²² См. письмо Горького к А. В. Амфитеатрову в кн.: М. Горький. Материалы и исследования, т. I, стр. 211.

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 37, 38. — Ранее, в апреле 1911 г., в департамент полиции поступили сведения о переговорах Ленина с Горьким в Париже об организации большой социал-демократической газеты (Красный архив, 1936, т. V, стр. 74).

²⁴ Там же, стр. 47.

«Современнику», уже пережившему ряд изменений, необходима была новая, более конкретная общественная программа, необходим был и новый редактор, который, обновив состав сотрудников, смог бы привлечь к журналу внимание широких слоев демократического читателя. И естественно, что взоры вновь обратились к Горькому.

3 марта 1912 г. Лядский предложил писателю войти в редакцию вверенного ему «Современника». «Предполагаю вести журнал в направлении беспартийного радикального органа, отводящего вопросам социализма первое место в своей политической программе, — писал Лядский. — Ваше имя связано с основанием и первыми шагами нового „Современника“, и для него было бы особенно ценно вернуть к себе Ваше сочувствие».²⁵

Письмо застало Горького все в тех же безуспешных поисках средств для издания *своего* журнала, *своей* газеты.

«Что касается до копеечной с.-д. газеты, — извещал он делегатов Пражской партийной конференции в январе 1912 г., — это давняя моя мечта, но едва ли я сумею быть полезным в этом деле иначе, как только моей работой писателя. Я не знаю таких людей, которые могли бы дать на газету с.-д., не поставив своих условий, ограничивающих вашу свободу. . .

Однако — я не бросаю и не брошу попытки найти денег для этой цели, хотя — откровенно скажу — надежды мои слабы.

Мне кажется, что, помимо копеечной газеты, мы должны иметь хороший большой журнал, который поставил бы себе задачей, с одной стороны, всестороннее изучение современной русской действительности, с другой — пропаганду теории социализма, пропаганду необходимую и совершенно забытую нашими теоретиками в их фракционном мордобое. . .

Найти денег для журнала проще, чем для газеты, и этими поисками я очень занят в данное время» (XXIX, 222, 223).

Поиски денег были безуспешными, не оправдались и надежды, возлагавшиеся на журнал «Заветы». Позиция писателя воспринималась организаторами новых журналов как позиция большевика. Это пугало их и заставляло

²⁵ Архив Горького.

настороженно относиться ко всем его предложениям. Художественный и общественный авторитет Горького был так велик, что каждый из редакторов хотел видеть его в числе сотрудников своего органа, но вместе с тем редакторы вели себя очень уклончиво в раскрытии истинных программ своих изданий. Так случилось и с «Заветами». Согласившись сотрудничать в журнале, возглавляемом В. Черновым, Горький все же полагал, что ему удастся реализовать в нем, хотя бы частично, свою «мечту о создании общероссийского журнала». Он хотел прежде всего ознакомить «общеевропейскую интеллигенцию» друг с другом и культурной деятельностью всех племен государства.²⁶ Но сотрудничество в «Заветах» В. Ропшина (Б. Савинкова) — редакция приняла его роман «То, чего не было» — показало необоснованность горьковских надежд на создание общедемократического журнала.

Не стали также плодотворными переговоры о создании других, более приемлемых по своим задачам изданий. Когда обиженный горьковской оценкой работы «Современного мира» В. Кранихфельд написал, имея в виду амфитеатровский «Современник» и «Заветы», что не видит осуществления в них пожеланий писателя, тот ответил: «Вы приписываете мне акушерскую роль в рождении новых журналов. Так — грешен, помогал по мере сил, и, как Вы справедливо заметили, пока все безуспешно — детишки рождаются уродцами. Но в том, что дети худосочны, не акушер виноват, а сквернейшая последствие: родители — народишко, истощенный долготлетним духовным недоеданием; а главное, — индивидуалисты, наподобие ежей и спрутов...

---

²⁶ Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 133. — Редакция нарушила также обещание начать публикацию романа Ропшина лишь после ухода Горького из «Заветов». Горьковское участие в журнале ограничилось публикацией в первом номере рассказа «Рождение человека». Повесть «Три дня», предназначенная для этого журнала, была взята автором обратно. Он писал И. А. Бунину: «Из „Заветов“ я уже ушел потому, что Чернов и Миролюбов не исполнили ни одного из обещаний, данных мне, и поставленных мною условий сотрудничества не соблюли. Я думаю, что если Чернов будет так много писать, как теперь пишет, — это плохо для журнала и затруднит его успех. Пока я не вижу с их стороны желанья при- дать журналу хоть немного оригинальности» (Горьковские чтения. 1958—1959. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 64).

Акушерская практика не дает мне ни удовлетворения, ни заработка, но „дай бог побольше нам журналов, плодят читателей они“. И я уверен, что если бы игроки разобрали все карты — козыри остались бы в руках с.-д., как группы наиболее богатой талантами». ²⁷

Но денег для издания социал-демократического органа не было. «Современник» оказался единственным журналом, в котором Горький мог осуществить часть своих замыслов. Ему хотелось в то же время публиковать свои произведения в наиболее близком себе органе. ²⁸ Приняв предложение Ляцкого, писатель обещал начать редактирование журнала с осени. Это совпадало с желанием Ляцкого, так как только к этому времени было возможно избавиться от рукописей, принятых Амфитеатровым.

«Материалами журнал буквально завален. Сейчас для новой вещи, за исключением городничего, который всюду войдет, не найдется места раньше августа, да и то с трудом, — писал Амфитеатров Горькому в январе. — Беллетристики есть на двенадцать книжек с большим запасом, научно-публицистических статей тоже больше, чем требуется. Так что дело сведется к руководству текущей беллетристикой, а это немного... В „Современнике“ дело поставлено на рельсы». ²⁹ Однако то, что казалось Амфитеатрову достижением, на самом деле необычайно мешало журналу.

Характер принятого материала не отвечал новым целям, денежные же дела «Современника» не позволяли возвратить уже принятые рукописи авторам, настойчиво требовавшим оплаты и публикации своих произведений. Безрадостность положения усугубил и Ляцкий, по вине которого перегруженным оказался историко-литературный отдел журнала. Вместе с пользующейся большим

²⁷ Архив Горького.

²⁸ Издательство «Знание» уже не удовлетворяло Горького. «Я принужден работать в журналах, что мне очень не по душе, — сообщил Горький Е. П. Пешковой 8 января 1912 г. — Буду, вероятно, печататься в „Современном мире“ и „Вестнике Европы“ — подумай — в „Вестнике Европы“! „Русское богатство“ — кладбище, все остальное жульничество, вроде „Русской мысли“» (Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 132). Вот почему он тогда же (10 января) писал В. А. Поссе: «Хорошо бы нам повидаться — не для того, чтобы старое вспоминать, а чтобы совместно посмотреть: нельзя ли что новенькое начать» (Архив Горького).

²⁹ Архив Горького.

успехом работой самого Ляцкого «Любовь и запросы личного счастья в жизни Н. Г. Чернышевского» в 1912 г. публиковалась растянувшаяся семейная хроника «Братья Кривцовы», составленная по архивным данным М. Гершензоном. «Скоро ли кончится Гершензон? — спрашивал Горький Ляцкого 5 ноября. — Запоза это в сердце моем». ³⁰

Социальная позиция Ляцкого ярко проявилась в эпизоде привлечения в журнал Г. В. Плеханова. Сотрудничество виднейшего социал-демократа было желательным, но тот соглашался войти в «Современник» лишь при условии объявления журнала *tribune libre*. Е. Д. Кускова, при посредничестве которой состоялось это приглашение, сообщила Ляцкому (17 мая 1912) следующую выдержку из присланного ей письма Плеханова: «„Современник“ есть *une tribune libre*, на которую может взойти всякий человек, защищающий интересы левой демократии, причем каждый отвечает *только за то*, что им *высказано*, нисколько не отвечая за других и нисколько не посягая на их автономность. Редакция полагает, однако, что общего между разными оттенками марксистской (или как это выразиться иначе?) мысли очень много, вследствие чего полная автономность отдельных взглядов не исключает известной гармонии их. Это заявление я считаю безусловно необходимым *по смыслу*, а не *по букве*, ибо здесь оно не только не написано, а даже не набросано». ³¹ О том же Плеханов и сам писал Ляцкому, сообщая, что смог бы не только сотрудничать, но и ввести в журнал новые силы. ³²

Е. Д. Кускова, предполагавшая принять в дальнейшем активное участие в «Современнике», была обеспокоена требованием Плеханова. «Если б журнал был определенно трудовическим, ревизионистским, или ликвидаторским, или большевистским, тогда другое дело, — можно требовать *tribune libre*. Но она и так уже слишком *libre*», ³³ — писала она в следующем письме к Ляцкому, советуя ввести в журнал историка В. Я. Богучарского. ³⁴

³⁰ Там же.

³¹ ИРЛИ, ф. 163, № 237.

³² Письма от 17 (30) мая и 2 (15) июня 1912 г. (Знамя, 1956, № 12, стр. 186, 187).

³³ ИРЛИ, ф. 163, № 237.

³⁴ В. Я. Богучарский скоро вошел в журнал и принял участие в его редактировании.

16 июля Ляцкий ответил Плеханову, предлагая вариант редакционного выступления. Ответ этот (в архиве Ляцкого сохранилось несколько черновиков), как видно, дался с трудом. Ляцкий не желает отказаться от ближайшего сотрудничества лиц, живущих за рубежом (Плеханова, Горького и др.), и вместе с тем весьма дорожит трудовиками, обосновавшимися в журнале. Руководящую роль в социально-политическом отделе «Современника» начинает играть В. В. Водовозов.

Ответ Плеханову, согласованный с Водовозовым, наглядно вскрывал умеренность радикализма нового редактора. Он боится, что силы сотрудников, «стоящих левее кадетов», будут «направлены исключительно или даже главным образом против кадетов». В связи с этим он предупреждает Плеханова, что редакция сочувствовать этому не будет.³⁵

В новой программе, опубликованной в августовской книге, «Современник» был назван беспартийным органом, редакция которого «держится убеждения, что в основе исторического процесса лежит борьба классов и что наиболее важная роль в деле демократизации нашего общественного строя в ближайшие годы должна принадлежать в России рабочему классу. Но сколько-нибудь заметной противоположности интересов рабочего класса и крестьянства в настоящее время нет и в близком будущем не предвидится».

Журнал объявлялся трибуной «всей левой оппозиции», за выступления на которой редакция и другие сотрудники ответственности не несут, хотя, «разумеется, подобная широта трибуны далеко не беспредельна. Но редакция полагает, что пределы ее достаточно обозначены содержанием ее вышеизложенного *сгеда*».

Тяготение журнала к трудовикам было быстро подмечено Горьким. При первом же свидании с Ляцким (сентябрь 1912) он предложил либо перестроить журнал в соответствии с предложенной им программой, либо

---

³⁵ ИРЛН, ф. 163, № 525. — Приведенная оговорка была снята в беловом тексте письма. Ее заменило следующее: «Защите тактики бойкота Думы в какой бы то ни было форме не найдется у нас места, так как она несомненно разъединяет теперь общественные силы» (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем — ГПБ), Дом Плеханова, В. 272.2, № 2630).

передать «Современник» в руки трудовиков. В письме к И. П. Ладыжникову 11 сентября 1912 г. Горький сообщал: «Сейчас здесь живут Е. А. Ляцкий и Певни, убеждая меня помочь им реформировать „Современник“. Я уговариваю их, чтобы они передали журнал трудовикам — левее они не пойдут, трудовики же могут быть очень полезны в данный момент, *если только решатся выдвинуть идею реорганизации России на началах федерализма и широкой областной самостоятельности*». ³⁶

Ляцкий известил об этом предложении своего ближайшего помощника Водовозова. Но тот, обладая хорошим знанием журнального дела, отклонил его: среди трудовиков он не видел лиц, которые могли бы возглавить большой журнал. 19 сентября Водовозов писал ответно: «Сделать „Современник“ органом трудовой группы мне кажется совершенно невозможно. В качестве трудовика я был бы очень рад этому, но в качестве профессионального журналиста я считаю это совершенно невозможным; от этого пострадают интересы журнала... В самом деле, литературных сил в трудовой группе мало и ими существовать группа не может. В пародничестве вообще таких много, но эти силы имеют свое пристанище в „Русском богатстве“. Между тем такие люди, как Плеханов, несомненно не пожелают работать в органе трудовой группы. Итак, наш журнал должен быть тем, что он обещал в своем объявлении (при всей его неудовлетворительности), и помещать статьи социал-демократические и трудовические, но во всяком случае не делаться исключительно органом трудовой группы». ³⁷

Таким образом, предстояло определить новое лицо журнала. ³⁸ Горький не переоценивал возможностей пере-

³⁶ Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 202, 205. — В качестве редактора журнала Горький предлагал привлечь М. Е. Березина.

³⁷ ИРЛИ, ф. 163, № 77.

³⁸ Горький продолжал считать, что трудовикам следует иметь собственный периодический орган. Он обратился к писателю В. А. Тихонову, начинающему издание журнала «Кругозор», с предложением привлечь в отдел политики и общественной жизни трудовиков. Именно эти отделы могли определять, по мысли Горького, лицо журнала (см. письмо к И. Белоусову в «Архиве А. М. Горького» (т. VII, стр. 96)). Тихонов не принял горьковского предложения. После выхода первого номера Горький писал ему (12 февраля 1913): «Я просмотрел первую книжку „Кругозора“, и она вызвала у меня совершенно определенное

стройки «Современника» и изменения позиции возглавлявших его лиц. Ляцкий произвел на него хорошее впечатление, но было явно, что «человек этот был, до последнего времени, чужд вопросам политики и социализма».³⁹ Еще более далек был от этих вопросов издатель журнала. С этим нельзя было не считаться, не Горький был хозяином ежемесячника.

Исходя из предшествующего программного заявления «Современника», писатель считал возможным сделать его органом левой демократии (в основном социал-демократов и трудовиков), объединяющейся на почве защиты определенного круга проблем. Утверждения некоторых исследователей, что Горький хотел превратить «Современник» в марксистский журнал или же в журнал, возвышающийся «над двумя основными политическими течениями» — большевизмом и меньшевизмом,⁴⁰ не подкрепляются фактическим материалом.

Горький действительно искал деньги для создания марксистского журнала, но он никак не предполагал стать его редактором, еще менее мог быть им Ляцкий. Когда же с идеей создания внефракционного, «объединительно-марксистского» органа выступил М. П. Миклашевский (Неведомский), идея эта не встретила сочувствия Горького. В 1911 г. Горький хотел договориться с Н. И. Иорданским о совместной работе, но В. И. Ленин дружески предостерег его: «Чтобы избежать разочарований и безнадёжной склоки, надо, по-моему, быть очень осторожным насчет „объединения“. Ей же ей, не объединяться теперь, а размежевываться надо!».⁴¹ Предостережение это было учтено Горьким. Проект Миклашевского позволял говорить о том, что будет создан журнал с явным уклоном к меньшевизму. Об этом Горький написал самому Миклашевскому, а затем И. П. Ладыжникову: «Миклашевский прислал сумбурное письмо..., надеется приобрести „Современный мир“ при помощи Сытина и

впечатление ненужности» (Архив Горького). Журнал просуществовал недолго, вышло всего два номера.

³⁹ Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 116.

⁴⁰ См. статьи Т. К. Ухмыловой (М. Горький. Материалы и исследования, т. III. М.—Л., 1941, стр. 19) и А. А. Пипова (Горьковские чтения. 1964—1965. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 115). В последней статье к тому же ошибочно сказано, что в редакцию «Современника» того времени входили меньшевики.

⁴¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 33, 34.

организовать „объединительно-марксистский“ журнал, под редакцией Потресова и Мартова! Письмо, мягко говоря, странное. Я отказался участвовать в этой комбинации, где несколько беков приглашены или будут приглашены куда-то на задворки».⁴²

Горький согласился редактировать «Современник» при условии быстрой реализации предложенной им программы и привлечения к сотрудничеству значительного числа социал-демократов, что могло обеспечить успешность его перестройки. Это было принято. «Обстоятельства сложились так, — писал Горький Ладыжникову, — что „Современник“ можно взять нам».⁴³

Обращаясь к писателям с предложением принять участие в обновленном «Современнике», Горький просил не говорить другим о его близости к журналу и сохранять «в секрете» новые задачи ежемесячника, дабы не возбудить заранее настороженного отношения цензуры. Новую программу Горький собирался раскрыть по возможности в своих публицистических статьях.

3

Какова же была программа, которую Горький хотел видеть осуществленной в демократическом журнале?

В годы нового революционного подъема наиболее волнующим для писателя был национальный вопрос.

«Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место»,⁴⁴ — отмечало августовское совещание ЦК РСДРП (1913) в резолюции по национальному вопросу. О националистической политике царизма говорилось и в резолюции Пражской конференции РСДРП (1912).⁴⁵

Выступления Горького-публициста, художника слова и организатора левой печати, были в значительной мере

⁴² Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 232.

⁴³ Там же, стр. 206.

⁴⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1954), ч. 1. Изд. 7-е. Госполитиздат, М., 1954, стр. 314, 315.

⁴⁵ Там же, стр. 286, 287.

направлены на разоблачение националистической политики царизма и ее идейных защитников, среди которых особенно усердными оказались сотрудники журнала «Русская мысль», возглавляемого П. Б. Струве.

Присоединившись в период ожесточенной дискуссии о культурно-национальной и областной автопомии к позиции большевиков, Горький считал необходимым разъяснение ее в широких массах. Сам он усиленно знакомится с историей, культурой, бытом и экономикой отдельных областей России; каприйская библиотека пополняется книгами, посвященными Кавказу, Украине, Сибири. Новый журнал мыслится Горьким как орган, вступающий в борьбу с любым проявлением упадничества в литературе, политике, быту, в основе его программы должна лежать защита идей интернационализма и федерализма.

Вскоре после предложения Ляцкого войти в редакцию реформируемого «Современника» Горький получил подобное же предложение от Н. К. Муравьева, занятого организацией нового ежемесячника. Последнее заинтересовало Горького более широкими возможностями осуществления своих планов. Он делится с Муравьевым, близким в то время к социал-демократам, соображениями о том, каким должен быть общественно-литературный журнал, преследующий цель пропагандировать социалистическую мысль, ибо «социализм — единственно истинное объективное учение, способное организовать Русь как страну европейскую и помочь русским жителям разобраться в путанице их классовых интересов, способное помочь им поставить перед собою точные, оправданные историей цели и задачи». Горький советует при этом отказаться от стремления к поучению. «Лозунгом журнала, — пишет он, — должно быть: „не учим, но — изучаем и рассказываем“. Уметь рассказать — это и значит хорошо научить».⁴⁶

Сообщая по просьбе Муравьева список желательных тем и статей для первых номеров, Горький в сущности развернул программу журнала. Особое внимание было обращено на национальную политику правительства. «Журнал, — писал Горький, — сразу же и твердо должен поставить себя защитником принципа широкой об-

⁴⁶ Архив Горького.

ластной и племенной самостоятельности, сторонником идеи необходимости реорганизации государства на началах федерализма. Централизм — нелепейшая и вреднейшая утопия, раз речь идет о такой географической величине, какова Россия с ее всяческим разнообразием и населением в 163 миллиона. . .

Существующие журналы, будучи оппозиционны централизму, не выдвигают в противовес ему положительной идеи, ограничиваясь критикой. Новый журнал должен сразу поставить в обязанность себе проповедь начал положительных: федерализм в политике, социализм в области культуры». В связи с этой задачей Горький рекомендовал привлечь к сотрудничеству в журнале «поляков, украинцев, финнов, латышей, армян и грузин».

Большое место в программе уделялось освещению социалистического движения европейских стран. Здесь, писал Горький, «с наибольшей ясностью видно, как идеи социализма, просачиваясь в быт, постепенно организуют новую психику и обещают создать новую культуру. Западный рабочий-социалист интересен и поучителен для русского не только в моменты программных и боевых своих выступлений, но — *в быте своем*.

Необходимо также отмечать завоевания социализма в области искусства.

Нужно давать переводы статей по теории социализма — это совершенно забыто у нас».⁴⁷

В число основных задач было включено также освещение нового этапа капитализма, его империалистических устремлений.

В качестве возможных сотрудников назывались М. Павлович,⁴⁸ Г. Цыперович, И. Скворцов-Степанов, М. Покровский и др.

Уделив большое внимание муравьевскому журналу, Горький, однако, не был уверен в том, что он будет осу-

---

⁴⁷ Архив Горького. — О необходимости объединить вокруг нового журнала «литераторов всех народностей» Горький писал также А. Амфитеатрову, Д. Овсяннику-Куликовскому и многим другим.

⁴⁸ Горький особенно ценил М. Павловича: «...не примите это за комплимент, — писал он, — читаю Ваши работы всегда с глубоким интересом и ценю их, как самое значительное, что сейчас является в русской литературе по вопросам международной политики» (Новый Восток, 1927, № 20—21, стр. XXIV).

ществлен. Не испытывал он уверенности и в перестройке «Современника», так как не видел в лице Ляцкого надежного единомышленника. Все это заставило поставить вопрос о нерациональности издания двух журналов с перекликающимися задачами, необходимо было объединить силы. 9 сентября 1912 г. Горький обратился к Муравьеву со следующим письмом.

«Издатель „Современника“ Певин и редактор Ляцкий предложили мне принять участие в реорганизации журнала.

Я принял предложение и вошел в журнал как соредактор Ляцкого по отделу беллетристики, указав, что по вопросу о реорганизации отделов политики и общественной жизни они должны обратиться к Вам.

Той программы, которую Вы знаете, я не объявлял им, но, конечно, сказал, что вступаю в журнал при условии, что он поставит лозунгом своим федерализм и широкое областное самоуправление в политике, социализм в культуре. Это принято.

По возвращении в Россию Ляцкий явится к Вам для беседы. Это человек весьма приятный; за свою роль редактора он смотрит как на случайность, и заявил, что тотчас уступит место свое человеку, более его приспособленному для этой роли.

Но как редактор отдела беллетристики он может быть полезен и при новой редакции; еще более полезен он как сотрудник, обладающий ценнейшим историко-литературным материалом. . .

Таким образом, „Современник“ может быть взят группой лиц, о которых мы с Вами говорили. Трех месяцев истекающего года вполне достаточно для реорганизации журнала. А с января можно уже выпускать его совершенно обновленным. Беллетристический материал на все три месяца текущего года ими уже собран и не может быть обновлен. Это — жаль. . .

Итак, если Вам не удалось достичь каких-либо определенных результатов в деле организации нового ежемесячника — говорите с Певиним и Ляцким. . .

Если же случится так, что Вы уже имеете добрые результаты Ваших хлопот или почему-либо не сойдется с Певиним, — чего не представляю, — я, все-таки, буду стараться в течение этих трех месяцев палатить журнал

в левую сторону, введя в него группу лиц, более определенных социалистически».⁴⁹

В следующем письме Горький сообщил Муравьеву, что «Современник» находится уже в стадии перестройки (это выяснилось при личном свидании с Ляцким и Певным⁵⁰), и предложил ему войти в него: «На мой взгляд, удобнее организовать в процессе работы, чем начинать новое дело, не спевшись... Группы — нет, она еще должна быть организована... Повторяю еще раз, что, но глубокому моему убеждению, гораздо лучше вступить в „Современник“, чем начинать дело, для которого у Вас нет людей, способных сразу же начать его интересно и солидно».⁵¹ «Современник» мог предоставить уже хорошо налаженный издательский аппарат и обеспечить редактирование ряда отделов, в том числе литературно-критического; Муравьеву же предстояло позаботиться об общественном разделе журнала. В случае объединения редактором художественного отдела должен был стать В. Вересаев, с которым Муравьев уже вел переговоры.

Однако поставленный Горьким вопрос о координации сил не встретил сочувствия Муравьева. Ссылаясь на непопулярность «Современника», неоднократно менявшего свою программу, он соглашался принять в нем участие лишь при условии полной передачи журнала в ведение намеченной им редакции (А. Потресов, М. Неведомский, Л. Мартов, П. Маслов).

В ходе переговоров становилось ясным, что областной отдел, который Горький считал одним из основных (здесь-то он и хотел говорить о жизни и насущных потребностях других национальностей), воспринимается Муравьевым как этнографический; не уделил он должного внимания и беллетристическому отделу, на который Горький возлагал большие надежды.

После встречи с Муравьевым Ляцкий писал Горькому (28 октября 1912 г.): «Мне неожиданно стало ясно: он, вернее они, раздражены, я сказал бы — возбуждены до

⁴⁹ Архив Горького.

⁵⁰ После отъезда с Капри Ляцкий писал Горькому, подтверждая тем самым, что его предложения приняты: «Мы социалисты-федералисты, для которых на почве федерализма сглаживаются все партийные (в известном смысле) разногласия» (Архив Горького).

⁵¹ Архив Горького.

скрежета зубного Вашим участием в „Современнике“ и вообще нашим с Вами союзом». ⁵²

Работа Горького в «Современнике» разрушала до известной степени план организаторов нового журнала, ставшихся использовать имя Горького в своей литературно-политической борьбе. «Вы понимаете, что потерять Вас нет решительно никакой возможности. Вы понимаете, что отказ Ваш должен убить предполагаемый новый толстый журнал. А между тем мы боимся, что при условии участия в „Современнике“ Вы откажетесь», — писал Муравьев 10 октября 1912 г. Но, настойчиво приглашая Горького в свой журнал и как бы соглашаясь с изложенной им программой, Муравьев не решился ознакомить писателя с истинным положением дела.

Пытаясь помочь организации новых демократических журналов, Горький усиленно подчеркивал, что не собирается создать фракционный орган. Между тем переговоры с Ляцким вскрыли ориентацию муравьевского журнала на меньшевистскую редакцию. Горький не возражал против сотрудничества Мартова и Маслова, о чем ему говорил Муравьев, но не считал возможным поручить им руководство журналом.

Об отрицательном отношении Горького к меньшевизму свидетельствуют не только дошедшие до нас письма писателя. После первой встречи с Горьким на Лондонском съезде Г. В. Плеханов написал жене: «Меньшевиком он ненавидит с фанатизмом ничего не понимающего в политике человека». ⁵³ То, что казалось Плеханову следствием непонимания, на самом деле было свидетельством политической зрелости Горького. Своего отношения к меньшевизму Горький не менял и в дальнейшем.

«Я, конечно, отноюсь не желаю, чтобы из-за моего плеча пропагандировался „меньшевизм“; Муравьев не говорит со мной о „группе“, а только о лицах: Потресове, Базарове, Цыщеровиче, Павловиче», ⁵⁴ — ответил

⁵² Там же.

⁵³ Звезда, 1966, № 10, стр. 204.

⁵⁴ В черновике горьковского письма к В. Вересаеву (30 ноября 1912 г.) имелась приписка: «Кстати, когда П. К. Муравьев говорил со мной о журнале, я понял, что он говорит о журнале социал-демократическом, а не об органе меньшевиков с Даном и полумертвыми данайцами вроде почтенного Маслова» (Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 286—287). Скептическое отношение

Горький Ляцкому 5 ноября. О том же писал он ему и 8 декабря: «Гг. меньшевики и меня одолевают. Это племя „дипломатическое“ и безмерно скучное.

Если они захватят журнал целиком в свои руки, т° его будет температурой трупа. Но — этого не случится, я уверен» (XXIX, 284).

Переговоры Горького с Муравьевым, как и ранее с редакторами журнала «Заветы», были прерваны.⁵⁵

Не преувеличивая реальных возможностей журнала в осуществлении своей программы (мешали бдительная цензура и позиция самих сотрудников) и понимая неизбежную ущербность его социально-политического отдела, Горький тем не менее с увлечением принялся за реорганизацию ежемесячника, считая полезным осуществление хотя бы части задуманного им.

В архиве писателя сохранился набросок программы, написанный специально для «Современника». Горький намечает содержание отдельных разделов, выявляя при этом основные задачи журнала.

Программа давала более сжатое изложение, чем это было сделано в письме к Н. К. Муравьеву, задач областного отдела, который должен был противостоять подобному разделу («Письма о национальностях») в национал-либеральной «Русской мысли». Вместе с тем Горький не мог включить в эту программу требование пропаганды социалистических идей и широкого освещения социалистического движения, хотя и не умалчивал в разговорах с Ляцким о своем стремлении укрепить в журнале социалистические тенденции. Новый редактор настаивал на привлечении в журнал социал-демократов и предлагал усилить в нем соответствующее освещение международной жизни. Горький отлично понимал, что на большее ни Ляцкий, ни издатель не решатся.

Приводим текст этой программы.

Летопись областной жизни

Здесь с точки зрения необходимости организации России на началах широкого федерализма рассматривается рост политического и племенного самосознания в 53-язычной России. Русифи-

к Потресову, Мартову и другим было выражено Горьким и в письме к Муравьеву в сентябре 1912 г. (Архив Горького).
⁵⁵ Журнал Н. К. Муравьева так и не появился.

кация и вызываемые ею: партикуляризм, сепаратизм, сужение оппозиционного настроения иноплеменной демократии, поглощение социалистических идей националистическими. Русификация и русская культура: понижение интереса к русской литературе, театру, науке и общественной жизни под влиянием централистических идей, проповедуемых черной прессой и «Русской мыслью». Культурная жизнь областей: обзор областных литератур и т. д.

Провинциальная жизнь

Разрушение старого быта, борьба новых начал со старыми в семье и обществе. «Черносотенство» как инстинктивное стремление отжившего и разрушающегося к самозащите, хулиганство, анархизм и прочие болезненные явления как пережитки некоторых особенностей национальной психики, как атавизм, пробуждаемый к жизни тревогами черной сотни и действиями административных органов.

Пропаганда необходимости всероссийских культурных организаций, как, например, «Всероссийское об-во помощи учащейся молодежи», «Всероссийское об-во охраны детей», «Всероссийское об-во библиотечных организаций» и т. д.

Движение интернациональной научной мысли

Это может быть небольшой отдел — несколько страничек: на них в краткой и удобопонятной форме излагается ход идей и открытий в области естественнонаучной — главным образом в области физики и химии. Необходимо строго и внимательно следить за развитием современного учения о состоянии материи, имея в виду, что борьба за существование сводится в сущности своей к борьбе за обладание новой физической энергией, за физическую власть над природой. Нужно как можно чаще указывать, что мы живем в эпоху, когда эта борьба приняла характер наиболее напряженный и победоносный и что мир стоит накануне грандиозных открытий, социальное значение коих неизмеримо.

Необходимо как можно чаще подчеркивать стремление европейской интеллигенции координировать свою культурную работу, что выражается в ее попытках учреждать различные Всемирные об-ва, как например «Интернациональная лига», учреждаемая Вильгельмом Оствальдом, «Интернационал мысли» Аристиды Прателя, Нью-йоркский «Институт интернациональной интеллигенции» и т. д.

Библиография

не в форме отдельных по каждой книге рецензий, но в форме связной статьи, коя, рассмотрев книги, выпущенные за известный период времени, ставила бы целью своей показать читателю общее в них, выяснила бы читателю мотивы, побудившие авторов написать книги именно на такие темы и именно в таком-то освещении.

щени. Рассматривать книгу как материал для познания психологии общества, а не как случайность или каприз автора. Вообще и всюду следует внушать читателю, что в русской жизни, несмотря на всю ее мрачную путаницу, нет капризов, нет случайностей, а везде и во всем русский житель сам виноват и несет заслуженное наказание: за свою лень, глупость, за мелкий свой ум, всегда склонный к пассивизму.

Такие же обзоры следует делать не только по изящной литературе, но и по истории, праву, экономике и т. д.

Горький всегда уделял большое внимание постановке научных отделов в журналах. Они должны были не только знакомить с достижениями науки, но и раскрывать социальное значение ее: следовало, с одной стороны, показать ее роль в раскрепощении труда, с другой, утвердить читателя в мысли, что только при социализме станет возможным широкое использование завоеваний науки. С просьбой вести в журнале «Хроника научных достижений» Горький обратился к члену Московского комитета большевиков М. Ф. Владимирскому.⁵⁶

В программе «Современника» отчетливо проявилось увлечение идеей международной координации сил интеллигенции, которую Горький понимал более широко, чем инициаторы подобной координации на Западе. Там на первое место выдвигалось движение научной и этической мысли, Горький же считал, что подобное объединение должно помочь социальной «реорганизации планеты нашей».

Отдел «Библиографии» показывал, какую большую роль предназначал Горький критике. Организацию этого отдела он брал на себя, предполагая привлечь к работе членов русской колонии на Капри. Ряд рецензий был написан им самим.

В публикациях о подписке на «Современник» имя Горького указывалось как имя сотрудника не только художественного, но и социально-политического отдела, что позволяло считать писателя причастным к его позиции. До сих пор Горький помогал вырабатывать программы организуемых журналов, теперь ему самому предстояло начать ее осуществление. И он принялся за это со свойственным ему широким размахом.

---

⁵⁶ Летопись жизни и творчества А. М. Горького (1908—1916). Вып. 2. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 307.

24 сентября 1912 г. он сообщает М. Коцюбинскому: «Мне хотелось бы дать в этом журнале возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности. Вы знаете мои взгляды по этому поводу» (XXIX, 253). Эти идеи должны были найти отражение во всех отделах журнала, в том числе и в тех, что лично редактировались Горьким. С этой целью он заказывает статьи о культуре, экономике и литературе Сибири, Грузии, Украины и т. д. Так, он пишет Н. В. Канделаки: «Духовное „собрание Руси“ должно быть пемедля начато в противовес злым силам, разрушающим его и грозящим совершенно разрушить. Говоря о „собрании Руси“, я, конечно, не подразумеваю под этим необходимость упрочить гегемонию культуры того или иного племени, но имею в виду лишь необходимость тесного союза племен, входящих в состав разнородной нашей „империи“, — необходимость союза, основанного на взаимном понимании духа племен, исторической работы, совершенной и совершаемой ими, союза, основанного на уважении к их законным требованиям свободы самоопределения. Силен только союз свободных, как Вы знаете... Засим: я просил бы Вас дать для „Современника“ очерк по истории грузинской литературы, а также статью на тему „Современное положение Грузии, ее потребности и пужды“» (XXIX, 286—287). «Современник» должен был стать все-русским журналом.

Столь же необходимым Горький считал привлечение к сотрудничеству политических деятелей и писателей Запада и Востока. Для получения таких материалов им был предпринят ряд шагов. В одном из писем к Ляцкому сообщалось:

«1. Получена статья профессора Кристева „Болгарская литература“...»

2. Получен перевод пьесы Петко Тодорова „Строители“...»

3. Написано индусу Кришнаварме, дабы он дал „Современнику“ статью на тему о современном положении Индии, об отношении ее к России и Англии.

4. Написано индуске Каме, чтобы она дала статью „Индусская женщина, ее современное положение и ее роль в борьбе за освобождение Индии“.

5. Написано Сунь-Ят-сену, дабы он дал статью на тему „Современное положение Китая“.

Послана куча писем во многие города русской земли, а также земель иностранных; к январю мы будем иметь интереснейший материал». ⁵⁷

Идеям национализма журнал должен был противопоставить идеи интернационализма и демократизации духовных богатств.

«России, ныне настраиваемой болезненно националистически, — писал Горький Р. Бланку, — очень полезно вспрыскивать в качестве противоядия и предохранительной прививки идеи широкого интернационализма. Пусть даже для нас пока это будет идея чисто эстетическая — социальный эстетизм нам не вреден, у него есть ясное отличие от социального утопизма: его реальная подоснова — интернационализация капитала, неизбежно вызывающая к жизни интернационализацию и демократизацию духовных богатств». ⁵⁸

Таким образом, Горький настойчиво подчеркивал социально-педагогический характер предпринимаемой перестройки «Современника» и необходимость в связи с этим единства всех отделов журнала.

В литературном отделе предполагалась публикация произведений, чуждых пессимизма и уныничества. Горький хотел внушить читателю веру в жизнь и свои силы. Когда И. А. Белоусов сообщил о своем желании издавать литературный журнал, Горький посоветовал ему не гнаться за «именами», а «искать новых людей — среди начинающих писателей есть много талантливого, бодро настроенного народа, с ними бы и начинать журнал, дабы он был воистину интересным и „новым“» (XXIX, 183). «Слагается новая душа, растет новый литератор. Я это знаю, ибо — я вижу его. Ему-то, новому, и принадлежит будущее», ⁵⁹ — писал Горький П. Е. Кулакову. Именно на творчество молодых авторов была сделана ставка в «Современнике».

Не скрывая того, что художественные достоинства произведений, рекомендуемых им к печати, далеко не всегда

---

⁵⁷ Архив Горького. Горький писал Суп Ят-сену: «Нам, социалистам, необходимо как можно чаще говорить о том, что в мире существует вражда правительств и не должно быть вражды народов, вызываемой жадностью командующих классов» (XXIX, 276).

⁵⁸ Архив Горького.

⁵⁹ Там же.

высоки, новый редактор обращал особое внимание на их социальную значимость и бодрый тон. «Беллетристика у нас будет пока не ахти какая, но — свежая, молодая и мы ею возьмем читателя, увидите»,⁶⁰ — писал Горький Ляцкому (31 декабря 1912 г.).

Примечательен отзыв писателя об очерках В. Изюмского «Гимназия»: «Как я уже говорил, литературные достоинства ее (рукописи, — *К. М.*) не велики, но служебное, социальное значение — на мой взгляд — несомненно, и, если Вы с этим взглядом согласитесь, я попрошу Вас начать печатание этих очерков с январской книги. Впечатление, произведенное арестами гимназистов в СПбурге, еще не успевает остыть, и мы этими очерками недурно ответим настресию и детей, и отцов».⁶¹ О том же Горький писал, посылая Ляцкому повесть Б. Тимофеева «Сухие сучья»: «Мне кажется, что ее следует напечатать, — написана она — подурно и должна вызвать в „уездной России“ сочувственный отзыв. Надо, чтоб телеграфисты, дьяконы, доктора знали, что они не забыты, о них думают, пишут, и не одиноки они на обширной русской земле.

„Задача — служебная“ — да, но — журнал не должен уклоняться от выполнения этой задачи» (XXIX, 284).⁶²

Горький не отвергал привлечения в журнал крупных литераторов (по его предложению вошел в него И. Бунин⁶³ и печатался М. Коцюбинский), но произведения (само собой разумеется, что Горький не ограничивал их тематику) не должны были вступать в идейное противоречие с основными установками «Современника». Перечисляя впоследствии причины, заставившие его покинуть журнал, Горький упомянул среди них переговоры петербургской редакции с З. Гиннису и Ф. Сологубом.

Характерно участие самого Горького в литературном отделе. Здесь опубликованы «Хозяин» и рассказы из цикла

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. — В Петербурге были арестованы участники гимназических кружков самообразования.

⁶² Очерки В. Изюмского не были опубликованы в «Современнике», повесть В. Тимофеева напечатана А. Амфитеатровым в сборнике «Энергия» (№ 1, СПб., 1913).

⁶³ Сотрудничество И. Бунина в «Современнике» освещено в статье А. Нинова «М. Горький и И. Бунин на Капри (Биографические этюды)» (Горьковские чтения. 1964—1965, стр. 62—118).

«По Руси», в которых писатель хотел раскрыть некоторые свойства русской психики. Во многих из них затрагивался всю жизнь волновавший Горького вопрос о деятельном и пассивном отношении к жизни. Это также была одна из форм борьбы с пассивизмом, который автор «Жизни Матвея Кожемякина» считал следствием тяжелой истории русского народа.

«Современник» задумывался Амфитеатровым как журнал, включающий в свой состав сатирический отдел. Организовать его не удалось. Однако, считая этот отдел весьма актуальным, Горький предложил как можно быстрее ввести сатиру в журнал. «Очень прошу Вас, — писал он Ляцкому 6 октября 1912 г., — тревожьте Черного и Амфитеатрова для Октябрьской книги — будет весьма хорошо, если мы с Октября же введем этот отдел». Среди возможных сотрудников сатирического отдела Горький называет также себя (только что был опубликован цикл «Русских сказок»), Н. Иванова, А. Черемнова. Отдел этот (редактировать его согласился А. Амфитеатров) мыслился в тесном взаимодействии с общей программой «Современника»: так, Горький «подсказывал» Н. Иванову актуальную сатирическую тему — «положение и породцев на Русь» (XXIX, 272).

Но создать отдел общественной сатиры, не обладая возможностью близкого общения с его сотрудниками, не удалось и на этот раз. Вместо самостоятельного отдела в «Современнике» появились лишь отдельные сатиры Саши Черного. Последний писал Ляцкому: «С сатирическим отделом, многоуважаемый Евгений Александрович, пока, мне думается, придется подождать. Причина простая: нет работников. Если исключить совершенно заголившихся сатириконцев, то, кроме трех-пяти лихачей-куплетистов (Wega, Lolo, Гарольд — клички-то какие, вроде лошадиных!), никого сейчас в России нет. Ф. Сологуб, правда, писал когда-то славные политические сказочки, но это было в 1905; теперь едва ли напишет, да и бог с ним. Знаю одного-двух злых, наблюдательных и способных людей, склонных к писанию, но пока ничего настоящего от них не добился...

Пока надо просто печатать сатиры (в стихах и прозе) в числе прочего художественного материала, — само собой если это сатиры, а не куплеты и не маленькие фельетоны, Тогда, может быть, и начнут новички

присылать материал, увидав, что журнал не чуждается сатиры». ⁶⁴

В 1912 г. Горький в силу отмеченных ранее обстоятельств не мог изменить лицо художественного отдела журнала, но, начиная с первого номера следующего года, в нем стали публиковаться главным образом материалы, рекомендованные каприйским редактором. В числе сотрудников отдела мы видим И. Бунина, С. Астрова, Г. Гребенщикова, Л. Старка, И. Сургучева, А. Черемнова, Сашу Черного и др. Готовились переводы произведений Р. Бракко и Л. Пиранделло.

Горький всегда уделял большое внимание композиционному строению редактируемых им сборников. Это же было характерно и для его работы в «Современнике». Письма к Ляцкому содержат указания на то, в каком порядке следует печатать принятые вещи. Переключка настроений в публикуемых произведениях должна была усиливать соответствующее восприятие читателя. Так, например, вслед за своим рассказом «Кладбище» Горький просил поместить стихи рабочего С. Астрова, так как «они по настроению сливаются с психологией „проходящего“». В них ценно именно бодрое настроение, нам оно должно быть дорого. Я вижу, что автор слишком пленен Бальмонтом, но — он скоро уйдет из этого плена, мы ему поможем освободиться и найти свою форму». ⁶⁵

Ляцкий выполнил пожелание Горького. В февральской книге был опубликован цикл (из семи) стихотворений С. Астрова, писавшего:

Дорога моя до конца не изведена.
Быть может, я тьму повстречаю в пути.
Но свету — я знаю — душа моя предана,
И дальше мне надо идти.

4

Октябрьский номер «Современника» был первой книгой, вышедшей при ближайшем участии Горького. ⁶⁶ В капу

⁶⁴ М. Горький и его современник. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 166, 167, статья В. В. Тимофеевой «Об одном неосуществленном замысле М. Горького. (Встречи и судьбы)».

⁶⁵ Архив Горького. Письмо от 10 января 1913 г.

⁶⁶ Начиная с октябрьской книги в «Современнике» печаталось извещение, что журнал издается при постоянном участии (это служило обычно указанием на фактическую редактуру со-

подписки писатель раскрывал в своих статьях новые задачи ежемесячника. Однако, несмотря на все усилия нового редактора, последние книги «Современника» продолжали носить все тот же эклектический характер. Стоявшие старого редакционного портфеля, так же как и характер материалов, принятых к печати в Петербурге, накладывали нежелательный отпечаток на весь облик журнала.

Из каприйских материалов в октябрьскую книгу «Современника» вошли стихотворения Л. Старка, активно сотрудничавшего в социал-демократической печати, рецензия А. Золотарева и две статьи самого Горького — «Издалека» и «Хроника заграничной жизни».

Первая из них, открывавшая серию одноименных публицистических статей, говорила о росте завоеваний в области науки и техники и о настоятельной потребности времени — объединить интеллектуальные силы мира для борьбы с капитализмом, мешающим тому, чтобы достижения культуры стали достоянием народов.

Писатель неизменно подчеркивал неизбежность победы социалистических начал в жизни. «Направление, в котором мы должны развивать свои силы, — писал Горький, — еще раз указано нам лучшей интеллигенцией Запада, которая все глубже понимает неизбежность пути к социализму, как основе и душе новой культуры».⁶⁷

В той же статье говорилось о национализме и необходимости отпора проповеди централизма «в стране с населением в 163 миллиона, говорящим на 59 языках». Одновременно с критикой национальной политики России не менее суровая оценка была дана национальной политике Европы и Америки, которая строилась на том же принципе угнетения народов.

ответствующего отдела) следующих лиц: М. Горького (художественная литература), Е. Ляцкого (история литературы), В. Я. Богучарского (история), В. Водовозова (социально-политический отдел), А. Амфитеатрова (общественная сатира). В числе сотрудников общественно-политического отдела были названы Г. Плеханов, В. Водовозов, М. Горький, В. Станкевич, Г. Цыперович, Е. Кускова. В программе «Современника», составленной, очевидно, Е. Ляцким, наряду с общими положениями старого редакционного выступления особо был выделен вопрос «культурно-национального самоопределения племен и народностей, образующих Россию в полноте своего состава».

⁶⁷ Современник, 1912, № 10, стр. 221.

Вторая статья Горького («Хроника заграничной жизни»⁶⁸) давала обзор наиболее примечательных фактов культурной и социальной жизни Запада, преимущественно на темы национального движения и интернационализма. Весьма характерно, что за организацию этого анонимного отдела, составляемого при помощи М. Ф. Андреевой, взялся сам писатель. Подбор и освещение фактов (вопросам искусства и литературы в «Хронике» уделено значительное место), так же как и тон самих статей, резко выделяли «Хронику» Горького на фоне многочисленных отделов «Из-за границы» в других журналах. «Хроника» рассматривалась Горьким не только как естественное дополнение к собственным публицистическим статьям,⁶⁹ но и как раздел, раскрывающий основные цели журнала. Отправляясь от фактов «заграничной хроники», писатель обычно переключался в русскую действительность, сближая тем самым русские вопросы с международными.

Сообщая Горькому об успехе статьи «Издаലെка» (она «превосходна и отлично вводит в будущее здание наших замыслов»), Ляцкий писал: «О „Хронике заграничной жизни“ отзывы различны. Одни говорят: хорошо, если выдержите; другие: нужно больше фактов, сжимая их изложение; третьи: не вытанцовалось; рядовой читатель: интересно. Есть еще мнение, что эту хронику нужно слить как подотдел с другим подотделом — материалы текущей культурной жизни России».⁷⁰ Предложение Ляцкого заинтересовало Горького, 8 декабря он ответил: «Мне кажется, более того — я считаю необходимым, чтоб этот

⁶⁸ «Хроника заграничной жизни» печаталась в «Современнике» (1912, №№ 10—12; 1913, № 3). Часть хроники перепечатана в книге: М. Горький. Материалы и исследования, т. 1, стр. 73—80). Горький всегда проявлял значительный интерес к хронике-обзору как одному из основных видов журнальной работы. Реальные факты, приводимые в «хрониках», нередко служили поводом для больших социальных обобщений. Значительное место в творчестве раннего Горького занимают «Очерки и наброски» (Самарская газета, 1895—1896). Хроника западной жизни заняла значительное место в редактируемом Горьким в 30-е годы журнале «За рубежом».

⁶⁹ Так Горький писал Ляцкому 7 октября 1912 г.: «Мне думается, что полемика Биссолати—Жореса была бы весьма на месте рядом с моей статейкой в Октябрьской книге» (Архив Горького).

⁷⁰ Архив Горького.

отдел составлялся на месте в России, чтоб заметки были менее громоздки и — я согласен с Вами — необходимо помещать их параллельно данным текущей культурной жизни России. Таким образом: не „Заграничная“, а „Хроника культурной жизни“». ⁷¹ Однако Ляцкий не смог найти обозревателя русской жизни в России, делать же эти обозрения на Капри было невозможно. «Хроника» сохранила свой прежний вид.

Горький хотел придать октябрьской книге программный характер, но она оказалась далека от его замыслов. Статья об интернационализме и задаче широкой пропаганды идей социализма оказалась опубликованной рядом со статьей Е. Аничкова «Коллективизм, сверхчеловечность и сверхлюбовь» (статья была принята Ляцким), в которой марксизм и ницшеанство рассматривались как «разные секты одной и той же религии». Не могли не вызвать возражения и статьи трудовиков В. Водовозова «Итоги и факты. Война. Государственная дума» и В. Станкевича «Мнимые победы и действительные поражения» по поводу выборов в Государственную думу.

Столь резкие разноречия поразили Горького, усилив сомнения в способности Ляцкого редактировать большой общественно-литературный журнал. Писатель обратился к И. П. Ладыжникову с просьбой: «По силе, по возможности, — втолкуйте ему осторожненько, что Аничков — Горький, Цыперович — Станкевич — не кадрили! А Гершензон — бремя, не токмо что не удобь поспмое, но — прямо-таки невозможное!». ⁷² О том же, хотя в более смягченном виде, Горький писал и самому Ляцкому: «В Октябрьской книге статья Аничкова разноречит несколько с моей статьей. У этого человека какой-то „пильский“ тон, знаете, есть провинциальный словотек Петр Пильский?.. Станкевич и Водовозов напрашиваются на возражения, могут вызвать полемику, чего нам следовало бы избегать. Хорошо — если бы они переехали в „Кругозор“». ⁷³

Десятый номер «Современника» поразили не только Горького. В цитированном выше письме Саши Черного к Ляцкому говорилось: «В 10-й книжке „Современника“

⁷¹ Там же.

⁷² Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 210.

⁷³ Архив Горького.

рассказ „Весенние узоры“ [Н. Вихровского, — К. М.] совершенно слаб. А статья Аничкова (там же) прямо ошеломляет: так много собственных имен и так мало какого бы то ни было мяса!

И вот, мне кажется, первая задача журнала избавиться от такого балласта. Это, пожалуй, важнее точного определения направления журнала.

Какое направление у Аничкова (как бы он себя ни называл: ревизионист, эклектик, трудовик и пр.)?

Просто — болтливое.⁷⁴

Отрицательно оценил книгу и другой сотрудник журнала Г. Гребенщиков.⁷⁵

В следующем номере «Современника» появились статьи Горького, говорившие об интернационализме и социализме уже в связи с вопросами литературы и искусства. Здесь же было опубликовано начало принятой им статьи К. Кристева-Миролюбова «Новая болгарская литература». Публикации этой придавалось особое значение. Характеризуя литературу болгар и борьбу их за свою культурную независимость, статья как бы открывала необозначенный в журнале отдел, посвященный обзору культуры и литератур отдельных народов. Кроме того, она должна была «повысить внимание русского общества к судьбе Болгарии» (XXIX, 273) и связи с войной на Балканах. В то же время статья эта, написанная одним из сторонников «нового искусства», послужила поводом для выступления Горького («Издадека») с оценкой модернистской литературы Болгарии и России.

«Молодая литература Болгарии, — говорилось в статье, — в краткий срок своего бытия совершила путь от плодотворного социального идеализма до бесплодного пессимизма и отчаяния, — путь, в конце которого ныне остановилась и бессильно бьется наша еще юная, но сырая и тяжелая мысль».⁷⁶

В той же горьковской статье в связи с книгой И. Наживина «Моя исповедь» затрагивался вопрос о повышении интереса к наследию Достоевского. С беспокойством следя за проникновением идей Достоевского в литературу

⁷⁴ ИРЛИ, ф. 163, № 106.

⁷⁵ Там же, № 121.

⁷⁶ Современник, 1912, № 11, стр. 51.

и публицистику эпохи реакции, Горький стремился установить, *что именно* привлекало в этом наследии лагерь реакции. В данном случае автор «Заметок о мещанстве» выступал не столько против самого Достоевского, сколько против достоевщины, получившей значительное распространение.⁷⁷ Горький усматривал ее в общем понижении общественной морали, в утрате личностью чувства собственного достоинства, в росте настроений пассивности, в страхе перед жизнью, безверии и отчаянии. В январе 1912 г. он писал В. П. Кранихфельду: «С Вашим суждением о Достоевском я, конечно, тоже не согласен, это его „философией“ ищется современная реакция в сторону индивидуализма и ингилизма, именно на ней базируется весь „внутренний враг“ демократии; пришла пора выступить против достоевщины на всех ее пунктах. Очень жаль, если эта необходимость не чувствуется остатками той интеллигенции, коя еще не утратила сознания возможности организовать демократию изнутри и извне и понимает, что здесь — в этой организации — единственное спасение для нее и для страны от преждевременного и полного развала».⁷⁸

Специальному анализу «карамазовщины» и проявлению ее в русской жизни была посвящена одна из статей «Издаека», запрещенная цензурой. Вот что писал Горький: «Карамазовы не прощают людям своих грехов, и те из них, которые когда-либо хоть на минуту чувствовали себя порядочными, — утратив эту порядочность в поисках предела мерзостям своим, — становятся особенно безобразно и нечеловечески циничны, жестоки и злы». Но все эти люди — «старая полуазиатская Русь», на смену которой все более быстро идет новая Россия, ибо «жизнь не остановилась, не остановится и не может остановиться!».⁷⁹

Творчество Достоевского рассматривалось в плане коренных проблем, волнующих Горького в годы революционного подъема, о взаимоотношении личности и коллек-

---

⁷⁷ См. статью Б. А. Бялика «Достоевский и достоевщина в оценке Горького» (Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 65—100).

⁷⁸ Архив Горького.

⁷⁹ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. ГИХЛ, М., 1941, стр. 466, 468.

тива и неразрывной связи творческой деятельности человека с культурой прошлого и устремлением в будущее. Пренебрежительное отношение к наследию прошлого и отрицание творческого созидания во имя будущего рассматривались писателем в теснейшей связи с увлечением проповедью «непримирения мира», которая «расценивалась им как «словесный бунт лентяя», как желание найти оправдание своей общественной пассивности. Борьбу с ней Горький считал основным делом своей жизни, ее он включил и в программу «Современника».

Считая свое редактирование необходимой, но все же временной задачей, Горький предполагал уйти из журнала, как только тот «станет на ноги», как только вполне определится его общественное лицо. «Журнал мы наладим и затем отойдем от него к новым делам и задачам»,⁸⁰ — писал он Ляцкому 8 декабря 1912 г.

Каковы же были эти новые задачи?

Не найдя денег для издания социал-демократического органа, Горький начал разрабатывать новые планы книгоиздательства.

Одно из них было задумано с целью ознакомить русского читателя с бытом, экономикой и искусством отдельных областей России, что перекликалось с основной задачей «Современника». О таком областном издательстве Горький вел, в частности, переговоры в сентябре 1912 г. с Певиным и Ляцким. Вместе с тем Горький хотел использовать любую возможность для реализации своего плана. Так, получив приглашение войти в число издателей «Книгоиздательства писателей в Москве», он предложил Вересаеву, стоящему во главе этого издательства, организовать выпуск национальных литературных сборников: «Думаю, что это вполне своевременно в наши националистические дни, и было бы крайне важно, если бы за это дело ознакомления России с самой собой взялась не издательская фирма, из соображений коммерческих, а — товарищество великорусских писателей».

Это доброе и необходимое дело снова и быстро укрепило бы пошатнувшийся моральный и политический престиж русской литературы» (XXIX, 249).

---

⁸⁰ Архив Горького.

Ни Певин,⁸¹ ни Сытин⁸² не дали денег на «областное» издательство, но Ляцкий согласился в ближайшем будущем несколько расширить в этом плане рамки историко-литературного издательства «Огни», одним из руководителей которого он являлся. Работа в только что возникшем издательстве несомненно сильно мешала Ляцкому — редактору «Современника».

Работа по перестройке «Современника» отодвинула в сторону эти замыслы. «О книгоиздательстве пока не говорю, — писал Горький Ляцкому 5 января 1913 г., — нам прежде всего необходимо поставить на ноги журнал, дать ему ясное лицо. Шесть первых книг мы должны выпустить на славу. Я принимаю к этому все меры, зависящие от меня, но еще раз скажу, — а труден же на подъем российский человек. Мучитель».⁸³

Реорганизацию журнала решено было закончить к январю, но затянувшиеся переговоры с Муравьевым привели к тому, что и в конце октября еще не было ясно, кто же окончательно входит в состав редакции. Этим воспользовались наиболее активные сотрудники, взявшие журнал в свои руки. Они дорожили сотрудничеством Горького, но взгляды его были им чужды. Ляцкий прислушивался к предложениям Горького и включал в очередные номера «Современника» материалы, присылаемые с Капри. Возникшая же без ведома Горького петербургская редакция продолжала публиковать статьи, идущие в разрез с ними. Шло явное смягчение социального пафоса горьковских выступлений.

⁸¹ П. И. Певина интересовала прежде всего материальная сторона журнального дела. Он сразу же стал издавать еженедельный журнал «Современник» и газету «Голос современника» (в 1911—1912 гг. вышло шесть номеров), а затем «Общедоступный журнал» (1912 г.). В журнале, редактором которого был объявлен К. Баранцевич, анонсировалось участие «наших выдающихся реалистов-художников слова» — А. Куприна, А. Серафимовича, Е. Чирикова и др. Но вопреки обещанному здесь публиковались произведения малоизвестных авторов, что и предредило судьбу журнала.

⁸² Горький предлагал также И. Д. Сытину пачать издание популярного журнала, знакомящего читателя с экономикой страны («... надо заставить людей узнавать Русь»). О взаимоотношениях Сытина и Горького, который высоко ценил энергию книгоиздателя-самоучки, см. статью О. Д. Голубевой «Два издателя» (М. Горький и его современники. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 184—195).

⁸³ Архив Горького.

В письме к Г. В. Плеханову (8 декабря 1912 г.) Ляцкий вынужден был отметить, что по отделу социально-политическому журнал чувствует себя «весьма далеким от настоящей организации».⁸⁴

В декабрьской книге «Современника»⁸⁵ появилась весьма знаменательная заметка П. Е. Щеголева «Протест против романа В. Ропшина». Эсеровский журнал «Заветы» публиковал на своих страницах роман «То, чего не было» одновременно с протестом группы эсеров против появления романа Ропшина и заявлением редакции о терпимости к различным мнениям. Позиция журнала вызвала следующий отклик В. И. Ленина в письме к Горькому: «Видели „защиту“ Ропшина в „Заветах“ во имя „свободы мысли и критики“? (в ответ на письмо в редакцию Натансона и К°). Ведь это хуже всякого ликвидаторства, — ренегатство запутанное, трусливое, увертливое и тем не менее систематическое!».⁸⁶

В «Современнике» редакция «Заветов» была взята под защиту. В том, что протестующие эсеры продолжали оставаться сотрудниками журнала, а сам журнал печатал одновременно и роман и протест против него, П. Щеголев увидел не беспринципность и ренегатство, а настоящее торжество «терпимости и свободы мысли и критики». Присоединяясь к этой терпимости, он писал: «Наша передовая журналистика перешагнула ту грань, которая до сих пор была заповедной».

На заметку Щеголева Горький откликнулся негодующим письмом к Ляцкому. Напомнив об основной задаче «Современника», принятой обоими редакторами, — борьбе с косностью и пассивностью, где бы они не проявлялись, Горький писал 10 января: «Мало возбудить физиологическое недовольство бытием, — как это делают наши доморощенные пессимисты и мистики Андреевы, Сологубы, Арцыбашевы, Мережковские и т. д., — необходимо зажечь интеллектуальный протест против условий бытия

⁸⁴ ИРЛИ, ф. 163, № 525.

⁸⁵ С ведома Горького здесь были опубликованы статьи: «Аптей» А. Луначарского (о национальном вопросе), «Новая болгарская литература» Кристева, «Письма из Рима» Г. Христиана (об итальянской женщине), «Сибирские вопросы» Г. Гребенщикова (о печати Сибири), «Хроника заграничной жизни» самого Горького (о национальном вопросе, о социализме и искусстве).

⁸⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 137.

с такою силой, чтоб он пережег ветхого Адама в нас и стал протестом органическим. Верно?

Этот взгляд на дело обязывает нас ставить все вопросы наиболее конкретно, так, например, если нам говорят: жажду свободы — мы должны всесторонне разобрать, от чего именно желает освободиться сей жаждущий.

Г-ну Щеголеву кажется высокой степенью свободы стремление редакции „Заветов“ устроить из своего журнала универсальный магазин всякой беллетристики и всяких мнений — именно это свободолюбие заставило меня уйти из „Заветов“. Я не могу понимать свободу как безразличие, как право человека отрицать сегодня то, что он утверждал — да еще догматически — вчера. По этому пути мы быстро приходим к азиатскому хулиганству и цинизму Суворина, который, — кстати, — не умер и еще долго проживет, ибо он — не лицо, не человек, а — одно из типичнейших воплощений русской психики, которую мы желаем изничтожить, перевоспитать. Заметка Щеголева бестактна. И очень хорошо для нас, что он пишет так косноязычно, расплывчато и пусто, — иначе он нас очень сконфузил бы. А мы уже достаточно сконфужены целым рядом „волшебных изменений“ журнала. Мне известно также, что Щеголев говорил в Москве о вступлении в журнал Мережковского, Гиппиус и т. д. Эта болтовня не только должна отразиться на подписке, понижая ее, но она делает мое участие в журнале невозможным. Мережковский и прочие иже с ним мне не под кадриль. Глубоко уверен, что и Вам они чужие. Этим я объясняю мою телеграмму о Щеголеве.⁸⁷ Дорогой Е. А., очень понимаю, что вам трудно разобраться в хаосе мелочных мнений, мелких течений современности, слишком раздробленной и судорожной в ее поисках организующей идеи. Вероятно, и мое отношение к „Заветам“ покажется Вам ригористичным, узким. Но — с моей стороны не бойтесь ни ригоризма, ни узости, к этому я не склонен: суть в том, что если мы с Вами хотим строить здание в определенном стиле, — необходимо, в интересах красоты, чтоб и детали были стильными. Всякое дело тогда хорошо, когда оно как песня, как музыка, — ничего лишнего, ни одного слова, ни одной ноты, — все — необходимо.

⁸⁷ В связи с предстоящей поездкой Ляцкого на Капри Горький телеграфировал: «Прошу настоятельно во время вашего отсутствия не заменять вас Щеголевым» (Архив Горького).

Сказанное утверждает еще раз необходимость нашего свидания».⁸⁸

Февральская встреча как будто сгладила обострившиеся отношения. Горький и Ляцкий вновь выразили желание содействовать созданию историко-революционного музея, реорганизовать совместными усилиями издательство «Огни» и вести «Современник» в духе намеченной ранее программы. Было обсуждено правовое положение редакторов.⁸⁹ Решено было организовать, и притом как можно быстрее (в апреле), приезд на Капри ведущих сотрудников журнала для выработки единого взгляда на общественно-политическую позицию «Современника».

Горький держится теперь более решительно, заявляя, что дальнейшее пребывание его в журнале связано с выполнением определенных требований и прежде всего с изменением состава редакционного коллектива. Социально-политический отдел не находился в сфере влияния Горького, но писатель не мог безучастно смотреть на то, как этот отдел велся в журнале. Введение в редакцию рекомендованных им лиц (В. Базарова, И. Степанова и А. Тихонова) должно было решительным образом изменить характер данного отдела.

Ляцкий уклонился от прямого ответа. Реализация данного предложения зависела не от него, его голос не был

⁸⁸ Архив Горького.

⁸⁹ В бумагах Е. Ляцкого (ИРЛИ, ф. 163, № 638) хранится копия договора редакторов «Современника» с его издателем, по договору этот Певным не подписан. Приводим выдержки из него.

«§ 1. Я, Певин, издатель журнала „Современник“, предоставляю А. М. Пешкову и Е. А. Ляцкому заведование редакционно-литературной стороной журнала, т. е. приглашение сотрудников и сношения с ними, выбор редакторов отделов, оценку и редактирование литературного материала, выбор тем для очередных статей, составление книжки и ее выпуск...»

§ 6. А. М. Пешков и Е. А. Ляцкий участвуют с правом совещательного голоса в решении вопросов, касающихся технической стороны издания, а также конторы, экспедиции и рекламной части.

§ 7. Срок действия договора определяется в четыре года: с января 1913 по 31 декабря 1916, причем о желании продлить договор одна сторона должна заявить другой не позже 1 сентября 1916 г....»

§ 13. Ни А. М. Пешков, ни Е. А. Ляцкий не могут быть устранимы от заведования литературной стороной журнала без личного желания или решения третейского суда».

решающим. По-видимому, искренне сочувствуя горьковской программе, он в то же время не сумел противостоять сотрудникам редакции, поддерживаемым Певиным. Извещая о назревшем разрыве переговоров с Муравьевым, Ляцкий писал 27 ноября 1912 г.: «Мы, имея 5000 подписчиков и внятеро больше читателей (по сведениям библиотек — «Современник» — наиболее читаемый журнал⁹⁰), коренных реформ и решительных выступлений боялись, как и гильотинирования сразу десятка сотрудников».⁹¹ Подобная перспектива пугала его и в дальнейшем.

Желание ввести в редакцию Степанова и Базарова настораживает Ляцкого. Понимая, что Горький предназначает этим лицам ведущую роль в журнале, Ляцкий опасался слишком радикального изменения его облика. Кандидатура же Тихонова (он участвовал в переговорах на Капри) не кажется ему солидной: Тихонов не обладал еще достаточным издательским и редакторским опытом и потому, естественно, воспринимался как человек, которому Горький поручает прежде всего контроль за делами журнала. Позиция Ляцкого становилась двойственной и выражалась в стремлении примирить установки петербургской редакции (В. Богучарский и П. Щеголев) с установками Горького.

Вернувшись с Капри, Ляцкий сообщил горьковские требования, но сложившаяся в журнале обстановка была явно неблагоприятна для их осуществления. В новом году «Современный мир» потерял, как это и ожидалось Горьким,⁹² значительное число подписчиков, и его редактор,

---

⁹⁰ Горького весьма интересовали читатели «Современника» и их отзывы о журнале. В письмах к Ляцкому он неоднократно спрашивал о том, как были встречены очередные номера, и просил заказать в Бюро газетных вырезок «все отзывы газет о нашем журнале».

⁹¹ Архив Горького.

⁹² Во второй половине 1912 г. часть сотрудников «Современного мира» хотела взять его в свои руки и реорганизовать. С этой целью они вступили в переговоры с Потресовым. «Насчет журнала дело обстоит так, — писал В. Львов-Рогачевский Н. С. Клеостову, — мы по приезду были у Потресова и говорили ему о нашем желании взять журнал в свои руки. Рассказали о своей беседе с москвичами и наметили состав возможной редакции. Потресов предлагал Мартова, Маслово, конечно, предполагалось само собой, что войдет и он. Кроме того, решено было пригласить в редакцию Викентия Викентьевича (Вересаева, — К. М.) и Муравьева. Должны были остаться секретарь Вольский и критики

Н. И. Иорданский, предложил Певину объединение. Певин, соблазненный увеличением числа подписчиков, был более озабочен сделкой с Иорданским, которая вызвала бы неизбежное изменение в составе редакции «Современника», чем удовлетворением требований Горького.

8 марта Ляцкий известил Горького: «Певин и Богучарский стоят на позиции блоковой (левее кадетов), приемлют марксизм, но „большей определенности“ в смысле уклона к большевизму боятся, как жупела... Туманно выдвигается [в состав редакции, — К. М.] кандидатура Кусковой (без Прокоповича)... Подписчиков — три с чем-то тысячи. Возможность каких бы то ни было внутренних потрясений Певин оценивает как смертельный удар самому факту издания. Он верит в прогрессивное обогащение силами и объединение».⁹³

В ответном письме Горький недоуменно спрашивал: «Что значит „блоковая“, с кем предполагается блок?»⁹⁴

Февральская книга, полученная после отъезда Ляцкого, убедила Горького в невозможности сговориться с членами петербургского коллектива. В этом номере был опубликован рассказ из цикла «По Руси» («Кладбище»), в котором Горький затрагивал вопрос о «маленьком» человеке и его великой работе. Однако целенаправленность литературного отдела (Горький придавал ей огромное значение) не нашла соответствующей поддержки в других разделах журнала.⁹⁵

Номер вызвал возмущенный протест писателя, адресованный уже непосредственно редакции «Современника». Возражая против публикации статей Н. Быховского и Ю. Делевского, он отмечал вместе с тем отсутствие какого-либо единства в публикуемых материалах и крайне небрежную их редактуру.

Львов и Краинхфельд...» (ГБЛ, ф. 9, № 67). В число сотрудников решено было привлечь М. Покровского, А. Луначарского, В. Базарова, П. Юшквича. Редактор журнала, Н. И. Иорданский, не согласился на передачу журнала.

⁹³ Архив Горького.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ В литературно-критическом и общественном отделах «Современника» (1913, № 2) были опубликованы следующие статьи: «О романе Д. С. Мережковского» А. Корнилова, «В успокоенной России» Н. Быховского, «Борьба за Македонию» О. Вауэра, «Внутренние антагонизмы пролетариата» Ю. Делевского, «Происхождение пола» Е. Елачича, «Князь поэтов в народном университете» А. Луначарского и др.

«Так нельзя вести журнал, — писал Горький. — Если „каждый молодец“ будет писать „на свой образец“, то редакция окончательно сведет с ума русского читателя, который все-таки смотрит на журнал серьезными глазами и ждет от него знаний, а не мнений, выводов, солидно построенных на фактах, а не субъективных фантазий.

И я принужден заявить, что если книжкам „Современника“ и впрямь будет придаваться такой же эклектичеки-анархический характер, если редакция и в будущем останется равнодушной к вопросам внутреннего идейного единства — я попрошу не считать меня более сотрудником „Современника“».⁹⁶

Не менее резкая оценка журнала дана в письме к Ляцкому: «Прочитал я всю вторую книжку „Современника“ и — в ужасе: если мы выпустим еще одну, две такие же бестолковые и малограмотные книги — журнал будет убит...».

Лишней в журнале оказалась и статья А. Корнилова о романе «Александр I», в которой не были раскрыты идейная позиция Д. Мережковского и характер его отношения к конкретному историческому материалу. «Критика Корнилова, — писал Горький, — чисто внешняя, формальная, но и с этой точки зрения даже коротенькая заметка Садовского ценнее бесцветных рассуждений Корнилова».⁹⁷ Не был доволен Горький и многоречием статьи А. Луначарского.

Все в целом приводило к выводу, что «панолияющие книжку легкомысленные и противоречивые мнения каких-то скучных людей не могут создать журналу ясного лица и не сделают его пугным читателю». Горький был вынужден сказать: «При данном составе редакции я едва ли стану долго работать, и если до июня мы не организуемся, — буду принужден уйти».⁹⁸

В следующем письме от 14 марта Горький, выступив с протестом против вхождения в редколлегию В. Богучарского, начавшего распоряжаться судьбой журнала, под-

---

⁹⁶ Архив Горького.

⁹⁷ В заметке Б. Садовского «Оклеветанные тени» (Северные записки, 1913, № 1) было отмечено злоупотребление в романе «Александр I» историко-бытовыми деталями, искажение исторической перспективы, изображение героев романа псевстамиками XX в.

⁹⁸ Архив Горького.

твердил стремление остаться сотрудником «Современника» лишь при условии привлечения в редколлегию Базарова, Степанова и Тихонова. Не желая отвечать за публикуемые без его ведома материалы и небрежное редактирование журнала, писатель требовал вычеркнуть свое имя в объявлениях о подписке из числа лиц, участвующих в социально-политическом отделе «Современника». «До поры, пока не составитя новая редакция, — писал он, — я остаюсь в „Современнике“ сотрудником как беллетрист».⁹⁹

По свидетельству Тихонова, письмо произвело большое впечатление на Ляцкого. Отказ Горького от редактирования мог повлечь за собою сокращение подписки и затруднить переговоры с новыми сотрудниками. Ляцкий решил воспользоваться формальным аргументом — отсутствием юридически оформленного договора с издателем. «Пока нет договора с Певным, пока Вы не хозяин в журнале, можно ждать всяких неожиданностей»,¹⁰⁰ — писал Горькому Тихонов.

Возражая против «ультимативных требований» писателя, Ляцкий утверждал, что, поскольку ответственность за ведение исторического и историко-литературного отдела лежала на нем, он имел право приглашать в него сотрудников и помощников, не согласовывая данного вопроса с Горьким. «В октябре прошлого года, — пояснял Ляцкий, — я тем более считал себя вправе пригласить Богучарского в качестве моего ближайшего сотрудника по историческому отделу, что в то время Вы сами ограничивали сферу Вашего ближайшего и преимущественного внимания — отделом художественно-литературным и областным; Ваше совещательное и направляющее влияние в других отделах сложилось само собой — на почве нашего взаимного сближения».¹⁰¹

28 марта Горький ответил: «Не станем говорить о моих „начальнических окриках“ — их не было.

Но, разумеется, я считаю себя вправе крикнуть на людей, неспособных к делу, за которое они взялись: во-первых, потому, что я тоже участник в этом деле, во-вторых, потому, что на меня двадцать лет орут люди

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

куда более малограмотные и бездарные, чем я, — так уж мне-то разок крикнуть и бог велел.

Но дело не в этом, а вот в чем: Вы и г. Певин предложили мне принять участие в реорганизации журнала.

Мною выработана и представлена Вам программа журнала, необходимого, — как я понимаю, — в данный момент.

Так как для меня ясно, что данный состав редакции осуществить эту программу не может, я указал лиц, которые, на мой взгляд, способны осуществить ее.

Людей, которые, как Вы пишете, „хотят идти по одному пути со мною“, я не вижу в лице Богучарского и Щеголева. . .

Задачу „содействия“ кому-то и в чем-то я на себя не брал. Вы пишете: „если плох журнал, — приди и помоги“ — опять-таки кому и в чем?

Я знаю только один способ поставить хорошо журнал — поставить его по тому плану, который вручен мною Вам.

Но так как, повторяю, для этой работы необходимы люди, указанные мною, а они неуютны членам существующей редакции, — стало быть, мне не о чем говорить с г. Певиным и не для чего сотрудничать в его журнале вместе с людьми, которые не читают того, что печатают, и не отдают себе отчета, зачем и для кого они печатают ту или иную статью. . .».¹⁰²

Итак, Горький требовал немедленного ответа на вопрос, какой облик примет «Современник» в новом году. А поскольку позиция журнала явно не совпадала с горьковской, последовал отказ от сотрудничества. Этого не могли бы не заметить читатели. Огорченный Ляцкий писал: «Если можно было бы понять Ваш выход из редакции, чтобы снять с себя ответственность за ее характер и способ ведения журнала, то угроза выйти из числа сотрудников является непонятной. . ., о Вашем возможном выходе из числа сотрудников не могу и подумать. Не говоря о том, что это нанесет окончательный удар „Современнику“, это будет и обидой, совершенно незаслуженной, всему остальному составу сотрудников».¹⁰³

---

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

Дальнейшие переговоры велись уже при посредничестве Тихонова, которому Горький поручил выяснить, существует ли какая-либо надежда преобразовать журнал. 1 апреля 1913 г. Тихонов сообщил: «Сам Ляцкий, видимо, во всех этих комбинациях запутался окончательно и чувствует себя весьма неловко и перед нами как будто конфузится». ¹⁰⁴ В связи с наметившимся разрывом Горького с журналом положение Ляцкого в нем резко изменилось. «Моя роль в „Современнике“, — писал он Горькому с горечью, — теперь незавидная, я в нем технический работник, без тех надежд и стремлений, какими я был полон год назад, когда передо мной неожиданно развернулась перспектива работать с Вами». ¹⁰⁵

Объединение «Современного мира» и «Современника» не состоялось, и Повин вступил в переговоры с Тихоновым. Он не хочет порывать с Щеголевым, но согласен расстаться с Водовозовым. Тихонов надеется добиться введения в состав редакции указанной Горьким группы и находит возможным работать вместе с Богучарским. В том же пытается убедить Горького и Ляцкий: «...не изменились и все остальные планы работы», и «только осуществление их по разным обстоятельствам совершается медленно». ¹⁰⁶

Вместе с тем Ляцкий был сильно задет резким тоном последних писем Горького и посредничеством Тихонова. Он пишет Горькому, что не считает себя человеком, не могущим разобраться в социально-политическом отделе «Современника». Беда, по его утверждению, не в плохом редактировании, а «в отсутствии талантливых и ярких писателей по социально-политическим вопросам. Все, что было талантливо в этом смысле в интеллигентской среде, собралось вокруг «Русской мысли», а писатели-демократы, как я вижу теперь, являясь отдельными партийными работниками, до толстого всероссийского журнала еще не доросли, за немногими исключениями». ¹⁰⁷

¹⁰⁴ В этом же письме Тихонов сообщил Горькому, что И. Скворцов-Степанов произвел на него благоприятное впечатление: «Не знаю, насколько он талантлив как писатель, но как единомышленник он подходит к нашим задачам как нельзя больше» (Архив Горького).

¹⁰⁵ Архив Горького.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

Письмо это переполнило чашу терпения Горького. Несмотря на оптимизм писем Тихонова, ему стало совершенно ясно, что Певин и петербургская редакция не стремятся и не могут создать передовой демократический орган и что имя Горького необходимо им главным образом для привлечения подписчиков. Явно преувеличивая роль Ляцкого в делах «Современника», Горький счел его прямым виновником создавшегося положения, что не соответствовало действительности. В своем последнем письме (27 мая 1913 г.) он известил о разрыве своих отношений не только с журналом, но и лично с Ляцким. Не последнюю роль в этом сыграла оценка журналистики, сделанная литературоведом. Возмущенный Горький писал: «Я не стану напоминать Вам, что русскую журналистику создал писатель-демократ, что она кристаллизовалась из крови демократической интеллигенции, — как историк литературы, Вы сами знаете это. Но по поводу Вашего мнения о „талантах“ вокруг „Русской мысли“ напомню: Вы охотно соглашались со мною, что К. Победоносцев был значительно талантливее всех вехистов, что „Московский сборник“ — книга более умная, чем „Вехи“, и что Петру Бернардовичу не сдать экзамена на роль Михаила Никифоровича,¹⁰⁸ сколь бы ни как бы ни писал он о „Великой России“.

В письме Вашем есть только одно место, требующее моего пояснения; Вы пишете:

„Вы хотели поставить меня в полнейшую зависимость от лиц, которым Вы доверили судьбу Вашего участия в журнале“.

„Полнейшая зависимость“ — преувеличение, и речь идет отнюдь не о „судьбе моего участия“, а о судьбе журнала. Но Вы, конечно, правы: я действительно имел в виду контроль над Вами со стороны лиц, осведомленных в социально-политических вопросах более, чем осведомлены Вы. Не думаю, чтоб это мое намерение, которого я ни минуты не скрывал от Вас, могло задеть самолюбие Ваше — ведь оно было вызвано Вашим же откровенным признанием, что область вопросов социально-политических для Вас нова и мало знакома Вам. Вы говорили это не однажды и не однажды заявляли мне

---

¹⁰⁸ Горький неоднократно сопоставлял П. Б. Струве с М. И. Катковым.

о том, что на работу в журнале не смотрите как на свое дело, что Ваша цель — поставить, с помощью лиц, указанных мною, журнал на ноги и — уйти к своему делу. Вы, конечно, помните, что и я тоже решил принять участие в работе лишь временно, до поры, пока журнал не завоеует внимание читателя.

Теперь мне ясно, что эти Ваши заявления противоречат действительным намерениям Вашим. . .

Копию этого письма я посылаю П. И. Певину, находя нужным выяснить ему причину моего отказа от работы в „Современнике“».¹⁰⁹

Итак, попытка Горького создать демократический журнал с преобладанием социал-демократов потерпела крушение. Вместо трибуны, с которой должны были прозвучать голоса, поддерживающие программные горьковские выступления, «Современник» все отчетливее превращался в безответственную трибуну разгоречивых мнений. Это и вызвало разрыв Горького с журналом.¹¹⁰

¹⁰⁹ Архив Горького.

¹¹⁰ Вслед за Горьким из журнала ушел и Ляцкий. Оскорбленный разрывом личных отношений, Ляцкий просил Певина известить Горького о том, что он, издатель, всегда был в курсе всех переговоров с писателем. 12 июня 1913 г. Певин писал Горькому: «Все члены редакции с марта месяца не раз обсуждали созданный Вами редакционных недочетов, не возражали против привлечения к сотрудничеству указанных Вами лиц, а с течением времени и вхождения их в редакцию» (Архив Горького). Но «течение времени» Горького не устраивало.

После ухода Горького журнал целиком перешел в руки В. Богучарского, П. Щеголева, Е. Кусковой, С. Прокоповича, В. Водовозова, В. Львова-Рогачевского. Новая редакция не смогла создать орган, удовлетворяющий читателя-демократа. Резко изменился состав литературного отдела. На страницах журнала появляются произведения И. Потапенко, А. Федорова и подобных им литераторов. Исчезнет сатира Саши Черного. Подписка стала падать. В конце 1913 г. журнал снова был реорганизован. Большую роль в нем начал играть П. Суханов (Гиммер), пытавшийся объединить марксистов и народников. «Невиданное в нашем демократическом журнальном мире явление представляет собой этот „Современник“, — писал В. И. Ленин. — Рядом с случайными именами сотрудников (кого только нужда не загонит у нас в чужие журналы искать заработка!) мы видим явно демонстративное соединение имен, долженствующее знаменовать соединение направлений». И далее, перечислив имена сотрудников — народников, ликвидаторов, махистов — и отметив участие Плеханова в журнале, Ленин заключал, что «в полном соответствии с этим, *звездой* направления журнала является проповедь (народни-

Вместе с тем нельзя забывать еще об одном весьма важном обстоятельстве, предопределившем и ускорившем разрыв Горького с «Современником».

Как мы видели, всем переговорам писателя с представителями новых журналов сопутствовало стремление найти деньги для организации подлинного марксистского органа. Работа в «Современнике» еще более углубила это стремление.

В конце 1912 г. Горький дает согласие на постоянное сотрудничество в газете «Правда» и на помощь в редактировании ее беллетристического отдела, а в январе следующего года пишет В. И. Ленину: «Нам пора иметь свой журнал, но мы не имеем для этого достаточного количества хорошо спевшихся людей» (XXIX, 294). Ленин ответил на это: «Второй части этой фразы я не принимаю. Журнал *заставил бы спеться* достаточное количество людей, будь журнал, будь ядро...

Ядро литературское есть. Правильность линии подтверждена опытом 12 лет (или даже 20), а опытом последних 6 лет сугубо. Собирать вокруг этого ядра, тем самым определяя его детальнее, растя его и расширяя. С пелегального и с „Правды“ мы *должны* были начать. Но *останавливаться* на этом мы не хотим. А посему, раз Вы сказали, что „нам пора иметь свой журнал“, то позвольте Вас за сии слова притянуть к ответу: *либо* наметить сейчас план поисков денег для толстого журнала такой-то программы такой-то редакции такого-то состава сотрудников, *либо* начать по сему же плану расширять „Просвещение“.

А вернее: не *либо* — *либо*, а *и* — *и*».¹¹¹

Редактор «Просвещения» А. Трояновский в свою очередь писал Горькому (24 января 1912 г.), что в настоящее время хорошо поставленный марксистский журнал «найдет достаточное количество читателей», и просил писателя высказать свое мнение о «необходимом характере, содержания и задачах»¹¹² такого журнала. Горький ответил на это: «Коротко скажу: побольше Запада, побольше внимания к Европе, пусть это внимание будет

ками) союза народников и „марксистов“ (не шутите!)» (Полн. собр. соч., т. 25, стр. 324; см. также: «Планы статьи о журнале „Современник“» (там же, стр. 445—447)).

¹¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 154, 155.

¹¹² Архив Горького.

возможно всесторонним; необходимо освещать не только политическую жизнедеятельность европейского пролетария, но и, по возможности, следить за процессом проникновения идей социализма в быт, процессом образования новой психики, интеллектуальным ростом нового человека. Эта задача не только для художника, а, равно, и для публициста. Некоторые товарищи-беки могли бы изложить свои наблюдения над бытом западноевропейского рабочего, быт этот им знаком.

Побольше фактов, картин, характеров — это лучше запоминается, глубже действует на рыхлую психику русского человека.

Я взялся бы редактировать подобные письма, конечно, со стороны их формы». ¹¹³

Горький предложил также усилить внимание к теории социализма и давать «небольшие, ясно написанные статьи о современном состоянии биологии и учения о материи».

Возможность расширить программу «Просвещения», введя в него литературный отдел, все более увлекала Горького. Здесь он мог осуществить то, что с таким трудом давалось ему в «Современнике», — организовать вокруг журнала писателей оптимистического взгляда на жизнь. Новый литературный отдел «Просвещения» (№ 2) был открыт очерком Горького «Вездесущее», который звучал в унисон со всем содержанием журнала. ¹¹⁴ Это уже был *свой* орган.

Разрыв с «Современником» (журналу этому Горький уделял много времени) позволял усилить работу писателя в марксистском органе. 12 (25) февраля 1913 г. В. И. Ленин писал Н. Г. Полетаеву: «Теперь Горький очень энергично взялся помогать „Просвещению“ и превращать его в большой журнал». ¹¹⁵

---

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Газета «Правда» отметила: «В только что вышедшем № 2 журнала „Просвещение“ наибольший интерес представляет статья М. Горького „Вездесущее“ . . . , то „вездесущее“, что объединяет пролетариат всего мира. . . социализм» (Правда, 1913, № 53, 5 марта). Через год газета «Путь Правды» (1914, № 63, 17 апреля) сообщила: «Кю дню рабочей печати выйдет отдельным изданием рассказ Максима Горького „Вездесущее“: цена 5 коп. Товарищи-рабочие, покупайте и распространяйте это издание».

¹¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 168.

Вскоре А. Трояновский и М. Савельев сообщили писателю о значительном повышении интереса к «Просвещению» в связи с появлением в нем произведения Горького и беллетристического отдела под его руководством. 23 апреля А. Трояновский писал: «Вашу подпись, согласно Вашему желанию, не будем анонсировать так жирно, по очень бы просили разрешить указывать ее в объявлениях. Дело в том, что для рабочих — это говорит об очень многом. Ваше имя вызвало в рабочей среде значительный интерес к журналу (а ведь у нас из наших читателей и подписчиков около 85% — рабочие).

В профессиональных обществах, которые одни потребляют около 1/3 всего нашего тиража, постоянно спрашивают о будущих Ваших рассказах («есть ли что» и т. д.), а рабочие поэты и беллетристы обязательно настаивают на том, чтобы их стихотворения и рассказы пересылались Вам...».¹¹⁶

То, что сотрудничество Горького усилило интерес к журналу, отметил и В. И. Ленин. Обращаясь к писателю с просьбой прислать что-нибудь для майской книги «Просвещения», Ленин сообщал о возможности издать ее в таком случае в количестве 10—15 тысяч. Будучи же перепечатано «Правдой», число читателей горьковского произведения — рабочих, социал-демократов и демократов революционных — достигло бы 40 000.¹¹⁷

Для этих-то читателей Горький прежде всего и хотел работать.

5

И все же организация журналов и издательские дела, отнимая у Горького много времени, не поглощали всей кипучей энергии писателя. Одновременно им выдвигались и другие, не менее сложные задачи. Одной из них была попытка создать Музей русского освободительного движения.

Мысль о розыске и хранении материалов, характеризующих общественные настроения отдельных эпох, возникла у Горького под непосредственным воздействием В. И. Ленина. В 1908 г. писатель опубликовал по его предложению в ряде газет и журналов письмо с просьбой присылать материалы, имеющие «прямое или косвенное

¹¹⁶ Архив Горького.

¹¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 180.

отношение к истории последних лет», т. е. к революции 1905 г., в Русскую библиотеку в Женеве. Обращение мотивировалось необходимостью помочь созданию коллективных работ по истории «общественных движений в России за последние годы».¹¹⁸

В 1912 г. Горький решил придать подобному сбору более широкий и планомерный характер. Значительно были раздвинуты хронологические рамки привлекаемых материалов (со времени Екатерины, кончая современностью¹¹⁹) и не ограничены их виды.

19 сентября 1912 г. Горький писал В. П. Краинхфельду: «Обращаюсь к Вам с предложением такого рода: если у Вас или у кого-либо из знакомых найдутся документы по истории русской борьбы за освобождение или редкие экземпляры конфискованных изданий, вырезанных статей, рукописей и пр., и если держатель таких вещей опасается за их целостность — пусть пересылает эти вещи мне. У меня образуется склад таковых ценностей, я вполне ручаюсь за их сохранность и порядок. Имеется в виду превратить со временем этот склад в „Музей по истории борьбы за освобождение в России“. Собираются также следственные производства, обвинительные акты по политическим делам, циркуляры администраторов, воззвания и прокламации черносотенцев, их переписка, их издания и тому подобное».¹²⁰

Зная, какое настороженное внимание вызывает в официальной России все связанное с именем «Горький», давно уже ставшим синонимом революционности, писатель не пожелал огласить свой план в печати. Решено было составить воззвание для рассылки лицам, которые могли бы помочь как сбором самих материалов, так и взносом денежных сумм на покупку отдельных коллекций. В дальнейшем Горький предполагал вилотную привлечь к работе Музея Е. А. Ляцкого, тот соглашался

¹¹⁸ См. текст обращения в кн.: В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. 2-е доп. изд., М., 1961, стр. 416, 417. Речь шла о партийной библиотеке, организованной Г. А. Кукулиным. После его смерти библиотеку возглавил В. А. Карпинский, письмо которого о необходимости пополнить ее новыми материалами В. И. Ленин переслал Горькому. Текст письма см. в кн.: М. Ф. Андреева. Переписка, воспоминания, статьи... Изд. «Искусство», М., 1961, стр. 621.

¹¹⁹ См. письмо Горького к В. Вересаеву (XXIX, 255).

¹²⁰ Архив Горького.

приехать в Италию на долгое время. «Имеем возможность на первых же порах получить, с ничтожной затратой денег, ценные архивы частных лиц и партий. . . — писал Горький И. П. Ладыжникову. — С этим необходимо торопиться: старый политик русский вымирает, а вместе с ним пропадают и очень ценные документы».¹²¹

Когда Горький сообщил В. И. Ленину о своем замысле, тот ответил: «План собирания материалов по истории революции великолепен. Приветствую всей душой и желаю успеха».¹²²

Однако отсутствие людей, систематически занятых пропагандой начатого дела и непосредственными поисками материалов, как в самой России, так и за рубежом, сильно тормозило работу. Рядом с Горьким не оказалось энтузиаста, готового всячески поддержать его инициативу, а без этого дело было мертво. Не желая отказать от столь дорогого ему замысла, Горький решил передать организацию Музея в ведение русских обществ в Италии. Съезд русских, культурных и экономических общественных организаций, состоявшийся по инициативе каприйцев в 1913 г., принял постановление об учреждении Исторического музея русского освободительного движения при Обществе Библиотеки им. Льва Толстого в Риме в качестве учреждения «вполне автономного».¹²³ В числе учредителей будущего Музея была названа Комиссия каприйского архива-библиотеки.

¹²¹ Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 205. — Горький хотел получить для будущего Музея архив и библиотеку, собранную князем И. Д. Бебутовым, который передал свои материалы на временное хранение Главному правлению (ЦК) Германской социал-демократической партии. Они были завещаны РСДРП. К. Каутский не возражал против их передачи Горькому как организатору русского социалистического архива, если сам Бебутов согласится на это. Последний же хотел убедиться в том, что хранение материалов будет вполне надежным, и потому откладывал решение вопроса до личной встречи с Горьким. Однако, как увидим, она не оказалась необходимой.

¹²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 103.

¹²³ Протоколы Первого съезда русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Рим, марта 27—30, 1913 г. Изд. «Società della Biblioteca russa Leone Tolstói», Roma, 1913, приложения, стр. 6. — Горький все же не забыл о своем замысле. В 1917 г. по его инициативе была сделана попытка создать Дом-музей борцов за свободу (см. коллективное обращение, опубликованное в газете «Дело народа», 1917, № 24, 14 апреля, стр. 4).

Но дальнейшая работа по созданию Музея не оказалась плодотворной. Помешали этому как отъезд Горького в Россию в конце 1913 г., так и первая мировая война.

Еще не опубликован и не собран в достаточной мере материал, раскрывающий интереснейшую тему «Горький и Италия», но и сейчас уже можно сказать, что Горький-общественник не устранился и от чисто итальянских дел. Он выступает на страницах итальянской печати, откликается на просьбы итальянских общественных организаций, приходит на помощь итальянцам в дни бед. Так, после ужасного землетрясения в Калабрии и Сицилии Горьким был организован сбор средств в России, часть которых была передана комитету помощи пострадавшим, а часть отдана на постройку школы-приюта им. Э. де Амичиса.

В 1910-е годы Горьким была выдвинута идея создания Русско-итальянского общества (первого прообраза общества «Италия—СССР»), ставящего своей целью ознакомить обе страны с жизнью и культурой друг друга. Предложение это также обсуждалось на съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. В число ближайших задач были включены следующие.

«1. Устройство систематических лекций:

а) об Италии, читаемых русскими и итальянскими лекторами;

б) о России для итальянцев.

2. Систематическое осведомление итальянской прессы о событиях русской жизни и об ее культуре.

3. Привлечение русских литературных сил для участия в итальянской печати и итальянских — в русской.

4. Издание информационного листка, не пренебрегая способами его существования.

5. Устройство при обществах курсов русского языка, истории и литературы для итальянцев.

6. Опубликование для итальянцев списка книг и пособий по изучению России. . . Обмен лекторами между русскими организациями в Италии и совместное приглашение ими лекторов из России и заграничных центров. . .»¹²⁴

---

¹²⁴ Протоколы Первого съезда русских культурных и экономических общественных организаций в Италии, стр. 35—36.

Горький и сам попробовал осуществить кое-что из задуманного, преследуя при этом задачу сделать более целенаправленной деятельность русской колонии на Капри. В письме к В. Г. Короленко читаем: «Затеяли мы на Капри русско-итальянскую библиотеку, — видели бы Вы, как любезно снабжают ее книгами различные официальные учреждения — министерства, парламент, ученые общества и т. д., — даже неловко: присылают многоготовые дорогие издания, а мы пока не можем соответствовать, и библиотека очень мало — русская. Затеваем два сборника: на итальянском языке „Русские об Италии“, на русском — „Итальянцы о России“» (XXIX, 311, 312).

О том, что проекты Горького привлекли внимание итальянцев, свидетельствовали как помощь библиотеке — не только книгами (муниципалитет Капри обещал предоставить для библиотеки специальное здание),¹²⁵ так и интерес к названным сборникам: для первого из них, по словам Горького, был уже найден издатель.¹²⁶

Но и на этом инициатива писателя не иссякла. В 1913 г. он выступил с предложением превратить заброшенный средневековый картезианский монастырь на Капри в итало-русский этнографический музей. Критик У. Ойетти обещал свое содействие в этом.¹²⁷ Возвращение Горького в Россию помешало дальнейшим хлопотам.

Работа съезда освещалась в русских газетах и журналах, при этом особо отмечалась инициатива каприйцев (см., например, статью М. Осоргина «Русские эмигранты и римский съезд» (Вестник Европы, 1913, № 7, стр. 283—299)).

¹²⁵ Усхав с Капри, Горький поблагодарил в письме к мэру острова каприйцев и итальянский народ в целом за радушие и внимание к нему. Мэр К. Ферраро ответил: «Всем известно, что Вы замечательный писатель, но не все в такой мере, как жители Капри, знают, что благородство сердца Максима Горького не уступает силе его ума» (Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 268). В 1944 г. жители Капри обратились к уполномоченному представителю СССР в контрольной комиссии для Италии с просьбой установить мемориальную доску на вилле, где жил Горький, так как на Капри «он создал вместе со многими другими русскими эмигрантами значительный центр русской культуры в Италии» (Советские архивы, 1968, № 4, стр. 97).

¹²⁶ Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 218.

¹²⁷ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, стр. 257, 258.

Глава вторая

1

Идейный разброд, уныние, отступничество от недавних революционных увлечений, столь характерные для эпохи реакции, — В. И. Ленин отмечал, что этому была подвержена и революционная среда, — оказали огромное воздействие на литературу. Знаменательным стал отказ ее от тем и героев предшествующего десятилетия.

Подъем общественных настроений в начале 1900-х годов и первая русская революция нашли живейший отклик в прозе, поэзии, драме. Вопреки утверждениям символистов об исчерпанности возможностей реализма, новая литература свидетельствовала о том, что реализм жив и что основные традиции национального искусства не забыты. Передовой отряд писателей конца XIX — начала XX в. унаследовал характернейшую черту русской литературы — ее близость к исканиям общественной и революционной мысли и ее высокий нравственный потенциал.

На первый план был выдвинут новый герой — борец-рабочий и социально прозревающий крестьянин. Значительное внимание уделялось протесту и бунту женщины.

Литература эпохи реакции не только отказывалась от изображения крушения старых начал жизни, но нередко осуждала революционную борьбу с ними. Началось массовое очернение нового героя — революционера и бунтаря, изменилось отношение к женщине. Место борца занял «никудышный», нравственно опустошенный герой нового времени. Было провозглашено обращение к «вечным» темам, обернувшееся на деле оплошением этих тем. Глубокий мир нравственных чувств был подменен

примитивным изображением людей во власти роковых страстей и инстинктов.

Горький необычайно остро воспринимал новый поворот литературы.

В его архиве сохранилась полная горечи заметка, написанная в 30-е годы: «Люди читали, учились, а я начиная с 907 года усердно копался в пыли и мусоре литературы и публицистики интеллигенции, которая отвернулась от рабочего класса и пошла на службу буржуазии. Это — тяжелая работа, но я должен был сделать ее для того, чтобы знать по возможности все, что может отравить, задержать рост революционного правосознания пролетариата. Сколько подлого и глупого прочитано мною!»¹

Художественная литература сыграла огромную роль в становлении горьковского мировосприятия. Это она показала юному Пешкову, что, помимо страшного мира мещанских буден, существует иная жизнь, что человеку свойственно быть борцом. Литература познакомила юношу с тяжелой жизнью народа, раскрыв вместе с тем его духовное богатство.

Ни у одного писателя прошлого мы не встретили такого обилия оценок книги и ее воспитательного значения, как у Горького. Горький любил книгу и знал, что она помогает жить, приобщая читателя к большим раздумьям о себе и своем времени. Отсюда такое напряженное внимание писателя к творчеству своих современников. Литература для него — боевое оружие, которым он стремился вооружить широкие народные массы.

Задачи литературы, личность писателя, читатель — вот проблемы, волновавшие автора «Матери» всю жизнь.

Предреволюционная эпоха вызвала появление огромной массы новых читателей. И если русский писатель XIX в. страстно искал *читателя-друга*, которому станут

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. 2-е доп. изд. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 316. — В 1910 г. Горький писал Р. М. Блажку: «Вы советуете мне „не читать“ книг, огорчающих меня, — увы, это невозможно! Я — профессиональный читатель, влюбленный в литературу, каждый раз, когда приходит новая книга, я открываю ее с глубочайшим волнением, напряженно ожидая найти в ней что-то новое, радостное, талантливое. И ведь в этих бочках дегтя есть-таки капли меда — технически паша литература становится все сильнее, изящнее» (Архив Горького).

близки и дороги его образы и идеи, то Горький решительно заявлял, что такой читатель появился в огромном количестве и теперь, в новых исторических условиях, необходимо говорить не только о нем, но и новом типе писателя, *писателе-друге*. Напоминая о грамотном рабочем и мужике как лучших и строгих читателях наших дней, Горький справедливо утверждал, что читатель этот ищет в книге «ответов на свои социальные и моральные недоумения» и, желая понять «ложь нашей жизни», жаждет «сбросить ее с себя» (XXVIII, 322).

Революция 1905 г., умножив ряды читателей-демократов, еще более повысила ответственность литераторов, однако в годы реакции многие из них забыли об этом. Вместо того чтобы показать, какие сдвиги произошли в социальном сознании людей и как непоборимы и в городе, и в деревне ростки нового, многие авторы обратились к изображению далеких от общественной жизни явлений, к воспеванию упаднических настроений. В числе отступников оказались недавние соратники по работе в «Знании», и это особенно удручало Горького. Не все из них оказались во власти модных тем, по творчество всех ушедших из «Знания» несомненно потеряло свое боевое общественное звучание. С какой печалью пишет Горький, обычно весьма скупой на раскрытие своих личных настроений, о чувстве одиночества, которое овладело им не как Алексеем Пешковым, а как писателем, Горьким (XXIX, 77).

Измена заветам русской литературы, чутко отражавшей биешие сердца народа, не могла не вызвать гневного горьковского отпора. Статья «Разрушение личности» (1908) поставила коренные вопросы о взаимодействии личности и коллектива и неизбежном оскудении человека, оторвавшегося от народа-творца, создателя всех ценностей на земле. Перенесенный в конкретные условия современности вопрос о росте индивидуализма перерастал в острую проблему взаимоотношения народа и буржуазной интеллигенции.

Статьи «О современности» и «Издаലെка», с которыми Горький выступил в 1912 г., развивали основные мысли первой статьи. Отмечая антидемократизм литературы эпохи реакции, искажение ею революционной действительности и стремление показать, что жизнь бессмысленна, Горький писал о полном соответствии совре-

менных произведений следующим заключениям: «Еще одно доказательство бессмысленности человеческого бытия» или «К вопросу о неизлечимой порочности природы человека».²

Задача новой литературы для самого Горького состояла в пробуждении действенного отношения к жизни; творцам ее предстояло подняться над действительностью и увидеть то, что говорило о неумершем сопротивлении темным силам. Пафос публицистических выступлений писателя в разоблачении реакционной сущности современной литературы и ее усердного служения читателю-мещанину.

Свидетель двух темных полос русской жизни — реакции 80-х годов и реакции, последовавшей после революции 1905 г., Горький часто сближал обе эпохи, находя при этом, что последняя мрачнее и циничнее первой. Останавливаясь на общих чертах «этих до мелочей ходящих совпадений» (пессимизм, крайний индивидуализм, быстрая смена верований людей, разрушение социально-этических норм), Горький настойчиво обращал внимание на родственность стремления интеллигенции двух исторических периодов отказаться от разрешения социальных проблем.

Понижение социальной этики привело к резкому изменению «самого типа русского писателя» (XXIV, 64). Буржуазная пресса это тотчас же использовала. Не творчество писателя, а его личность была выдвинута на первый план. Сообщения о творческих замыслах уступили место пространным обсуждениям личного поведения литераторов; газеты развлекали обывателей хроникой происшествий, интервью, ответами «знаменитых» на многочисленные и часто пошлые анкеты.³

Скандалы в общественных местах, личные ссоры с требованием разбора их в третейских судах, многочисленные «письма в редакцию» от «пострадавших»

² М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., изд. 2-е, без цензурных изъятий и доп. двумя статьями. Изд. «Парус», Пгр., 1918, стр. 92.

³ Вот заголовки некоторых из них: «Таинственное. Писатели и артисты о загадочном в их жизни» (Биржевые ведомости, 1912, 29 декабря); «Что делать с избытком женщин» (Петербургская газета, 1911, 21 октября); «Мужчина с изюминкой» (там же, 16 октября); «Самый счастливый день в жизни» (Биржевые ведомости, 1911, 31 декабря).

с разъяснениями происшедших конфликтов, усиленное рекламирование литературно-артистического ресторана «Вена» — все это создавало нездоровое отношение к миру искусства. «На днях получил очень постыдную книгу: „Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник“, — писал Горький 11 июля 1913 г. В. Короленко. — Это нечто вроде „Календаря писателей“,⁴ но, пожалуй, еще пошлее. Сколько бесстыдников развелось на Руси — жуть берет» (XXIX, 311). И пресса, и сами писатели спешили посвятить в свои семейно-литературные дела всю улицу. Работник искусства стал популярным персонажем эстрадно-сатирических обзоров, усердно разоблачался он и в современной литературе.

Увлечение многих авторов «громкою славою», оглушившей их на некоторое время, сказалось в полном равнодушии к органам, в которых они сотрудничали. Писатели нередко работают в изданиях, преследующих коммерческие цели (например, в пресловутом «Синем журнале»). Примером может служить также выступление группы литераторов (А. Белого, Вяч. Иванова, К. Баранцевича, С. Городецкого и др.) с оценкой современных мужских мод в журнале «Джентльмен и моды», изданном в 1912 г. торговым домом Краут и К^о.

«Несомненно, что даже и крупные литераторы находятся в сильном подчинении подленьким интересам все растущей уличной прессы и вольно или невольно служат ей, непоправимо компрометируя себя в глазах читателя-демократа — самого ценного читателя в стране. . . — писал Горький в статье «О современности». — И несомненно также, что в утрате русской литературой ее социально-педагогического значения современные писатели сами повинны. В погоне за славою и вниманием они перешли границу допустимого и утратили тот этический аристократизм, который еще недавно резко отделял их от улицы».⁵

Падение писательского авторитета прекрасно осознавалось самими литераторами, в частности А. Куприным. Они нередко выступали в печати против упадка нравов в своей среде, что, впрочем, не мешало им принимать

⁴ Имеется в виду «Литературный календарь-альманах. 1908». [Сост. Оскар Норвежский]. СПб., 1908. 154 стр.

⁵ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., стр. 89, 90.

активнейшее участие в шумной жизни литературной богемы.

Возмущенно говоря о неуважении, которое было проявлено писателями к собственным талантам, потраченным на изображение мелкой правды дня, Горький противопоставил современному литератору писателя прошлого века.

2

На вопрос «Каким должен быть писатель?» Горький ответил воспоминаниями о Н. Каронине-Петропавловском. В период работы над ними он писал Л. Андрееву: «Русский писатель должен быть личностью священной, в России нечему удивиться, некому поклониться, кроме как писателю, — русский писатель каждый раз, когда его хотят обнять корыстные или грязные руки, должен крикнуть: „Прочь, я сам знаю, кто я есть в моей земле!“». „В моей земле“, Леонид, так и говори, ибо наш брат прикрывает раны и язвы ее сердцем своим, и лапе сердце, распластанное по ней, топчут копыта скотов — ты это знаешь уже» (XXIX, 193).

Само заглавие «Писатель» говорило об основной направленности воспоминаний. В центре их — образ продолжателя славных традиций русской литературы. «Хорош — чист и светел — был русский писатель...» — так закончен был очерк об интеллигенте-подвижнике в 1911 г.⁶

Сближая в своих критических статьях настроения человека 80-х годов с настроениями растерявшихся людей современной эпохи, Горький не случайно извлек из своей богатой памяти фигуру писателя-восьмидесятника. На фоне мрачного времени, для которого было столь характерно «отвращение ко всем иллюзиям, смех над всем, чему еще недавно верили, холод и душевная пустота» (X, 297), особенно резко выделялась фигура литератора, запечатлевшего в своих книгах духовные искания эпохи. Несмотря на тяжесть безвременья, Каронин

---

⁶ Современник, 1911, № 10, стр. 19. — В 1923 г. Горький снял завершающую воспоминания фразу. Ее зацепили две новые страницы, как бы подводившие итог горьковского отношения к одному «из творцов священного писания о русском мужике» (X, 306).

не переставал жить в постоянной тревоге о судьбах народа и никогда не утрачивал чувства личной ответственности перед ним. Приводимые беседы с Карониным о русской литературе, русском писателе и его нередко страшной участи, о философии и психологии русского человека являлись своеобразными ответами Горького на антиобщественные выступления современных авторов, «забывших о месте, куда они пришли».

В своих воспоминаниях Горький рассказал о самоучке Пешкове, в представлении которого русский писатель был суровым глашатаем правды, «он одинок среди людей, никем не любим, обладает несокрушимую силою сопротивления врагам справедливости, и, хотя враги усердно вымораживают его душу, она неистощимо пламенна и — „допдеже есмь“ — возжигает свет во тьме» (X, 290). Юноша, находившийся «в позиции человека, готового упасть», пришел к одному из таких литераторов за разрешением насущного для себя вопроса о том, что ему делать, как жить, и не стоит ли коренным образом изменить свое существование, уйти в земледельческую колонию. С волнением вспоминает Горький о встрече с большим литератором («И вот я, с трепетом в душе, — как верующий пред исповедью, — тихонько стучу в дверь писателя»), человеком глубокой веры в народ, в свое призвание. Насмешливый отзыв Каронина о жизни в колонии, расцениваемой им как желание идти «отдыхать туда, где люди устают больше, чем ты», и как искажение хорошей идеи «единения с народом», невольно заставил потускнеть юношескую мечту. «Более тысячи верст нес я мечту о пезависимой жизни с людьми-друзьями, о земле, которую я сам вснашу, засею и своими руками соберу ее плоды, о жизни без начальства, без хозяина, без унижений, я уже был пресыщен ими. А тихий, мягкий человек взмахнул рукой и как бы отсек голову моей мечте» (X, 293).

Мысли Каронина о русской литературе, «лучшей литературе в мире», и судьбе ее творцов нашли живой отклик в душе юноши. «Русский писатель всегда хочет написать что-то вроде Евангелия, книгу по всему миру, — говорит Каронин, — у нас этого все хотят, это общее стремление и больших, и маленьких писателей, и, знаете, часто маленькие-то вечную правду чувствуют вернее, глубже гениев — вот что не забудьте, это очень важно!

Русская литература — особенная, это, так сказать, священное писание, и читать ее надо очень внимательно, очень!» (X, 298).

Светлый образ Каронина противопоставлен в очерке живым «учителям жизни». Иронически показан журналист В. Маненков, шумно изъяснявшийся в любви к народу, но не пожелавший вытащить утопающего в грязи человека, так как это грозило опасностью потерять калоши. Сурово изображен догматик, поучавший людей неистовым разоблачением их пороков. Он начал «с того, что рассмотрел критически все условия социального бытия и доказал слушателям, что во всех несчастиях жизни они сами виноваты, потому что трусы, лгуны, лицемеры и лентяи» (X, 302). Горький приводит оценку этого проповедника человеком чуткого сердца и огромной любви к людям: «Посылки сильные и верные, а выводы ничтожны и наивны. По-моему, это значит, что у него — одновременно — и логика плохая и чувства нет. В учителя он записался не потому, должно быть, что людей жалко и добра им хочется, а потому, что приятно для него учить людей. Холодная душа» (X, 303).

Как и в воспоминаниях о М. Коцюбинском (1913), Горький выявляет в литературном портрете писателя-восьмидесятника качества, особо ценимые им в человеке: демократизм, социальный романтизм, гуманность. Каронин прекрасен своим вниманием к людям, мучительными раздумьями об их жизни, влюбленностью в свое писательское дело, высокими требованиями к искусству.

О публицистическом замысле воспоминаний, о том, что и здесь Горький хотел утвердить свою мысль о святом служении литературе и ярком пламени любви к народу, которая всегда должна согревать ум и сердце писателя, красноречиво говорят его письма.

В 1908 г. Горький известил Пятницкого о желании выступить с рядом «резких статей, в форме открытых писем к литераторам» (XXIX, 77). Ими стали статьи «О цинизме» и «Разрушение личности». В последней немало места уделено старому русскому писателю, который «всю свою жизнь, все силы сердца... тратил на жаркую проповедь общечеловеческой правды» и «будил внимание к народу своему» (XXIV, 66). Осенью 1911 г. Горький вновь возвратился к противопоставительным думам о старом и новом поколении писателей. Он писал

В. Львову-Рогачевскому об актуальности темы «Русский писатель в прошлом и теперь» и тут же добавлял, что в «Современнике» будут опубликованы «мои воспоминания о Карошине».⁷

Заслуживает внимания ближайший повод возникновения воспоминаний. В сентябре 1911 г. председатель Общества любителей российской словесности А. Е. Грузинский обратился к писателю с просьбой дать какой-либо отрывок из нового произведения для прочтения на столетнем юбилее Общества в октябре. В ответ был прислан «Писатель».

Чтение еще неопубликованного произведения, как бы непосредственно связанного с тем, что должно было особенно волновать любителей российской словесности, было тепло встречено присутствующими. 24 октября Грузинский послал Горькому письмо-отчет о прошедшем юбилее: «Всем очень и очень пришло по душе то, что Вы прислали. Это так близко и существенно касается русской литературы, так живо и тепло рисует человека, наконец, здесь кроме характеристики личной так много общих мыслей о русском человеке и русском писателе, что все вместе действует очень сильно. Я от всех только и слышал кругом одни хорошие, растроганные отзывы. Я лично был увлечен вещью и взялся ее читать сам из внутренней потребности... Огромное Вам спасибо. Там есть удивительные вещи...».⁸ Горьковские воспоминания высоко оценил и Д. Н. Овсяннико-Куликовский.⁹

Литературный портрет, созданный Горьким, представлял несомненную ценность в раскрытии духовного облика Карошина, но в то же время этот портрет органически включался в острую литературную борьбу своего времени.

Характерно, что вслед за появлением горьковских воспоминаний одна из газет организовала анкету на тему «Как должен жить писатель».¹⁰ Однако литераторы укло-

⁷ Архив Горького.

⁸ Там же. Сокращенно: Архив А. М. Горького, т. VII. Гослитиздат, М., 1959, стр. 281.

⁹ М. Горький. Материалы и исследования, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 139, 154.

¹⁰ Петербургская газета, 1911, 7 и 14 ноября.

нились от прямого ответа, прислав высказывания о материале наблюдений художника. Тем самым характер анкеты был изменен.

3

Еще более злободневным был рассказ «Случай из жизни Макара», возникновение которого связано с желанием помочь молодежи, растерявшейся в эпоху реакции.

Среди «мусора», прочитанного Горьким в 1907—1911 гг., оказалась литература, которую он называл кладбищенской. Творцы ее стремились всячески подчеркнуть бессмысленность, пошлость и жестокость человеческого бытия с его неизменным концом — смертью, провалом в «Великое ничто», «Черную дыру», «Пустоту». Призрачно счастье героев и бесплодна их борьба, изображаемая как погоня за пригрезившимся миражом. Тема вечного начала жизни и ее обновления, появления нового на смену отмирающему, уступала место славословию в честь Смерти, равнодушно завершающей путь и раба, и героя. В числе этих славословов встретим Ф. Сологуба, З. Гиппиус, М. Арцыбашева, Б. Зайцева и многих других.

Литература эта имела своих теоретиков как в среде символистов (Д. Мережковский), так и в среде реалистов (М. Арцыбашев). Близкая трактовка родственных тем нередко сближала в те годы творческие позиции представителей обоих лагерей. Основу такого сближения создавало главным образом неприятие революции 1905 года и стремление опорочить ее.

В чем состоит смысл жизни — в борьбе за более справедливое гармоническое общество или же в индивидуалистическом стремлении раскрыть свою личность — вот центральный вопрос, выдвинутый литераторами-пессимистами. Решение его связывалось с вопросом о личном бессмертии.

Мережковский, давно выступавший под видом защиты культуры против революционной демократии, утверждал, что только с помощью религиозного сознания возможно осмыслить сложнейший процесс развития человечества. Если же человек станет на путь отрицания религии и веры во всеобщее воскресение, неизбежная смерть перечеркнет ценность любой жизни, превратит личность в ничто. «Жизнь без бога и смерть без воскресения в бу-

дуцем, — писал Мережковский, — делает не только каждого человека в отдельности, но и все человечество „гниющей массой“». ¹¹

Мережковский был возмущен пьесой Л. Андреева «К звездам», герой которой, астроном Терновский, говорил о бессмертии человеческого деяния и разума, связывающих воедино прошлое с настоящим и будущим. Вот какова реакция критика на эту речь: «Снявши голову, по волосам не плачут; уничтожив личность, не притязают ни на какое реальное бессмертие. Говорят откровенно, мне бы хотелось, чтобы с моим уничтожением все уничтожилось; впрочем, так оно и будет; если нет личного бессмертия, то со мною для меня все уничтожится».

„Разве умер Джордано Бруно?“ ¹² — Еще бы не умер! Издох, как пес, хуже пса, потому что животное не знает, что с ним делается, когда умирает, а Джордано Бруно знал». ¹³

---

¹¹ Д. Мережковский. В тихом омуте. СПб., 1908, стр. 30; ранее: Русская мысль, 1908, № 1, стр. 85. — В работе «О так называемых религиозных исканиях в России. Статья 3-я, Евангелие от декадана» Г. В. Плеханов отметил, что религиозные искания современных литераторов «вращаются преимущественно вокруг вопроса о личном бессмертии» (Г. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. Госполитиздат, М., 1957, стр. 429).

¹² Цитата из речи профессора Терновского («К звездам»).

¹³ Д. Мережковский. В тихом омуте, стр. 32. — А вот что писал Горький в том же 1908 г., как бы отвечая писателям типа Мережковского: «Благодарение мудрой природе: личного бессмертия нет, и все мы неизбежно исчезнем, чтобы дать на земле место людям сильнее, красивее, честнее нас, — людям, которые создадут новую, прекрасную, яркую жизнь и, может быть, чудесною силою соединенных волей победят смерть».

Радостный привет людям будущего!» (XXIV, 71). Характерен и текст, сданный Горьким в статье «О Стасове» (1907) после слов «ни никто не умеет любить будущее, хотя всем пора бы догадаться, что именно в нем скрыто наилучшее и величайшее»: «Мой современник, будучи решительно убежден, что именно он-то и есть наилучшее в жизни, может быть, скажет: — Какое мне дело до будущего, если меня в нем не будет».

Да, вас не будет, и на этот факт следует смотреть как на одно из верных доказательств в пользу лучшего будущего» (М. Горький. Материалы и исследования, т. III, стр. 112). Организация издательства «Парус» (1915—1918), Горький указал на необходимость издания книг, затрагивающих «проблемы философские (идеи эволюции, диалектики, бесконечного, бессмер-

Арцыбашев не выступал с прямой защитой религиозного сознания, но разрушение веры в личное бессмертие и потусторонние законы, управляющие жизнью человека, кажутся ему столь же губительными.

И если Мережковского страшил материализм, то и Арцыбашев в свою очередь говорил о пагубности знаний, убивающих веру в недоступное познанию человека. В 1912 г. он публикует рассказ «Преступление доктора Лурье», полемизирующий с певцами человеческого разума.

Ученый Лурье задумался над вопросом — добру или злу служит он? Созидая, не разрушает ли? Посвятив всю жизнь самоотверженному труду во имя «науки, прогресса, света и блага для всех», ученый решает вступить в борьбу «со своим собственным идолом». С целью опыта он заключает в свой дом молодого негра Разу, заставляя его убедиться в своей «сверхъестественной силе». Окруженный чудесами, творимыми при помощи науки, Разу начинает преклоняться перед своим таинственным владыкой как божеством. И тогда тот объясняет ему происхождение таинств: мир фантастики и веры был разрушен. Утратив интерес к старому миру чудес и не будучи в силах обрести новую веру, юноша убил себя. «Разу умер первым, а вторым умираю я сам, — пишет в своем дневнике герой Арцыбашева. — Я понял, что служу не делу жизни, а делу разрушения, что, служа знанию и срывая покровы с таинственного прекрасного мира, я обрекаю человечество на тоску бессмысленной и механической пустоты, в которой собственная жизнь его становится бесцельной и жалкой, как песчинка, уносимая ураганом».¹⁴ На эту же тему написан «Рассказ о великом знании».¹⁵

Отрицание личного бессмертия приводило Арцыбашева к восприятию смерти как бесстрастной уравнилительницы человеческих жизней. Любопытно его признание: «То, что Толстой умер, меня несколько не поразило и даже не тронуло. Всякий человек умрет, умру и я сам,

---

тия)» (Книга. Исследования и материалы, т. XII. Изд. «Книга», М., 1966, стр. 161, 162).

¹⁴ М. Арцыбашев. Рассказы, т. III. «Московское книгоиздательство», М., 1914, стр. 65, 66.

¹⁵ Новая жизнь, 1911, № 12, ноябрь.

между нами только та разница и есть, что он умер на несколько лет раньше».¹⁶

Невозможность избежать смертного конца приводила певцов смерти к пересмотру социальной этики. Если жизнь так коротка, что люди не успевают увидеть плоды своей деятельности, стоит ли вступать на путь борьбы, которая требует самоотречения и ограничения личности? — спрашивал герой эпохи реакции, получая в ответ неизменное отрицание ценности общечеловеческих усилий в борьбе за будущее, ибо оно, по мысли писателей-пессимистов, не должно интересовать людей, обреченных на вечное исчезновение. Отсюда призыв отказаться от погони за обманчивыми «миражами».

В 1911—1912 гг. Арцыбашев опубликовал цикл статей «Записки писателя», в котором яростно выступал против жизнедеятельной литературы, возглавляемой Горьким.¹⁷ «Нет ничего легче, чем заслужить любовь людей, — писал автор «Санина» в статье «От „малого“ ничтожным». — Писатель при наличии известного дарования может сделать это очень легко: надо только неустанно и с достаточ-

---

¹⁶ М. Арцыбашев. Рассказы, т. III, стр. 258; ранее: Итоги недели, 1911, № 3, 14 марта.

¹⁷ Арцыбашев давно, еще со времени появления поэмы «Человек», выступал против Горького (см., например, его письмо 1904 г. к В. С. Мирялинову; ИРЛИ, ф. 185, № 245). Неприязнь эта еще более усилилась после отказа «Знания» печатать произведения Арцыбашева.

Для Горького Арцыбашев в свою очередь олицетворял определенное идейное направление в литературе эпохи реакции. По поводу романа «У последней черты», утверждавшего, что смерть более достойна человека, чем жизнь, Горький писал в 1910 г. М. К. Иорданской: «Какже вы умники, что отказались печатать черный роман Арцыбашева, требующий подзаголовка: Лев Толстой и Федор Достоевский с Антоном Чеховым в вольном изложении храброго и мрачного гимназиста Михаила Арцыбашева. И — эпитафия: „Читатель, трепещи, я те задам, ибо у нас в гимназии ни во что не верят“» (Архив Горького). О том же он писал и В. Г. Короленко в ноябре 1910 г.: «Читали Вы „У последней черты“? Я не люблю Арцыбашева, он — талантлив, конечно, но мне кажется не умным и болезненно злым. Эта повесть окончательно убила во мне остатки интереса к нему: фронт, но — весь в чужом! Нахватал у Толстого, у Достоевского — знает, где брать! — Но берет рукою грубой, тяжелой, все искажает, мнет и, кажется, делает это только для того, чтобы передемонизировать Андреева в пессимизма. Тигр из мехового магазина» (А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания. Гослитиздат, М., 1957, стр. 64).

ным пафосом повторять, что человек звучит гордо, а жизнь прекрасна, и побегут и будут вопить: „Осанна! Благословен грядый во имя господие”». ¹⁸ Сам Арцыбашев выступал с доказательствами того, что человек звучит низменно.

Через все «Записки писателя» проходит мысль о бесполезности борьбы во имя будущего: смысл жизни, по утверждению автора, давно уже утерян человечеством, современные же попытки объединить общей целью людей призрачны и заранее обречены на неудачу. Отсюда заключение: литераторам нет дела до человека «завтра», их задача в призыве насладиться «своим сегодня».

Крушение религиозного сознания превращало для Мережковского человечество «в гниющую массу»; Арцыбашев угодничал его «удобрению» в поступательном ходе истории.

Характерно, что мысли, высказанные Арцыбашевым от собственного имени, близки, порою дословно повторяя, мыслям его героев, в частности героев романа «У последней черты».

Произведение это действительно свидетельствовало о широких заимствованиях у Достоевского, но заимствованиях оплошленных. Этически-философский бунт Ивана Карамазова сменился дешевым пигилизмом.

Карамазовский отказ от высшей гармонии, платой за которую служат также страдания певчих детей, замечен у арцыбашевского героя, призывавшего к самоубийствам, ненавистью к тому Ивану Ивановичу, который «в четырехстах миллиардах лет будет ходить в голубых ризах и пальмовой веткой обмахиваться». ¹⁹

В статье «Учителя жизни», направленной против тех, кто призывал к борьбе за перестройку жизни, Арцыбашев повторил тираду своего персонажа, завершив ее словами: «Не навязываете вы нам эту любовь к неведомому человеку будущего, к тому дальнему, которого в никакой телескоп не увидишь?.. Не справедливее ли перед самим собою будет, если мы поменьше будем думать о грядущем счастливом Иване Ивановиче и больше о себе. Ведь вот, богом клянусь, мне не только

---

¹⁸ М. Арцыбашев. Рассказы, т. III, стр. 275.

¹⁹ М. Арцыбашев. У последней черты. Роман, ч. 2-я. Изд. «Bibliopolis», Paris, 1913, стр. 110.

радостно, что Иван Иванович будущий будет счастлив, а, наоборот, я готов ненавидеть этого Ивана Ивановича».²⁰

Сходные мысли были высказаны Арцыбашевым в интервью с сотрудником газеты «Утро России». Упрекая литературу в измельчании, писатель заявил, что «современная интеллигенция потеряла „бога“, — бога, которого она заменяла то разумом, то идеалом всечеловеческого счастья. Теперь это все изжито, утрачено, осталась одна великая Пустота».²¹ Здесь же Арцыбашев усиленно подчеркивал свое неприятие «идеологии социал-демократизма».

Итак, тема Смерти повлекла за собой в антидемократической литературе пересмотр нравственной проблематики и резко выявила отрицательное отношение писателей к «миражам», под которыми довольно прозрачно подразумевалась борьба революционная. Шел призыв освободиться «из плена социальных чувств и мыслей» (XXIV, 15).

Вскрыва в статье «О цинизме» (1908), что таится за тяготением писателей — циников и мещан к «новой красоте» и «новой свободе», Горький особо выделял среди них певцов смерти. Литературно-публицистические выступления последующих лет продолжили это разоблачение.

Годы нового революционного подъема внесли свежую струю в литературу. Критика заговорила об изменении ее тематики, о «возрождении реализма». 8 ноября 1912 г. В. Вересаев писал Горькому: «Мне кажется, что атмосфера сейчас насыщена именно жаждой утверждения жизни. Эту жажду я замечаю в целом ряде вновь появляющихся писателей».²² То же было подмечено и самим Горьким. Он пристально следил за работой А. Толстого, М. Пришвина, И. Шмелева и только что вступивших в литературу писателей. Однако упадочническая литература все еще была сильна и не собиралась сдавать свои позиции. Несмотря на оживление революционного движения, В. И. Ленин называл пятилетие 1908—1913 гг. одним «из наиболее смутных и тяжелых периодов русской исто-

---

²⁰ М. Арцыбашев. Рассказы, т. III, стр. 299—300; ранее: Итоги недели, 1911, № 4, 21 марта.

²¹ Утро России, 1912, № 192, 21 августа.

²² Архив Горького.

рии».²³ Почва, питавшая буржуазную литературу, не иссякла. И потому Горький считал своим долгом продолжить свою борьбу. Он был прав, когда говорил, что в литературе этой «все заслуги подвергнуты сомнению, осмеяны, втоптаны в грязь, вчерашние герои судимы, как подлецы, вчерашняя вера рассматривается, как пошлость, вчерашняя творческая работа сочтена ошибкой... Пленила людей тесным пленом правда дня, и не видят они великой правды века, той правды, которая кристаллизуется из крови и мозга живых людей и — бессмертна!».²⁴

В рассуждениях героев «кладбищенской» литературы о бессмысленности жизни Горький видел проявление навязчивых идей писателей, не понявших истинного значения исторического процесса. Одному человеку Горький противопоставил в своем творчестве человека, чувствующего неразрывную связь с обществом, с коллективом. «Каждый из нас — есть вывод из посылок прошлого и необходимая посылка в будущее»,²⁵ — сказано в статье-докладе, посланном Горьким III Всемирному конгрессу семейного воспитания в Брюсселе.

Резкое противостояние Горького и писателей, которым была близка литературно-общественная позиция сборников «Земля» и альманахов, издаваемых «Шиповником», убедительно раскрывает отношение к эпидемии самоубийств, возникшей после разгрома революции 1905 года.

Явление это приняло настолько большие размеры, что ряд крупных столичных газет ввел даже специальный раздел — «Самоубийства и покушения на самоубийства», ежедневно сообщавший о гибели десятков людей. «А у Вас там целое лето будут лить дожди, каждый день будете Вы читать газету, а в ней ежедневно шестнадцать самоубийств», — писал Горький художнику И. И. Бродскому весной 1912 г. (XXIX, 242, 243). Рост эпидемии вызвал множество статей и книг, посвященных статистике и анализу причин самоубийства.²⁶

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 12.

²⁴ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., стр. 137, ранее: Запросы жизни, 1912, № 11, 16 марта, стр. 646.

²⁵ Первый женский календарь на 1911 год П. П. Ариян. СПб., 1911, стр. 103. — Эта формула часто встречается в горьковских письмах 1911—1912 гг.

²⁶ Приводим далеко не полный список книг и статей, посвященных данному вопросу: П. К. Крупская. Самоубийство среди учащихся (Свободное воспитание. 1910—1914, № 10); Са-

Горький утверждал, что одной из них, и притом далеко немаловажной, была литература, которая, выступив с отрицанием героической борьбы за перестройку общества, воспела отречение от идеалов, эгоцентризм, погоню за красотой «единого мига». Духовный мир героя и его стремления невероятно сузились. Общественно-политическая жизнь страны и пессимистическая литература, которая не преодолела «ее внушений»,²⁷ — таковы основные источники, отравляющие молодежь, по мысли Горького.

Вот что говорится в одном из неопубликованных писем к Р. М. Бланку: «Очень заболела у меня душа и голова от этих проклятых книг, написанных несчастными людьми. Много я видел и претерпел на земле всякой мерзости, но никогда не жаловался на боль и обиды, а ныне — придет новая книга, раскрываешь ее со страхом и готов просить — пощади! А как представишь те чувства, которые эта литература может вызвать в душе юноши, девушки — охватит бешенство и готов сойти с ума от страдания к людям, от страха за них».²⁸ Писатели эпохи реакции неприемлемы для Горького прежде всего как гасители «мятежа духовного».

В отличие от Горького Арцыбашев соглашался признать разгул реакции лишь последней каплей, переполнившей чашу. Истинную же причину он видел в пробуждении людей, одурманенных идеями «учителей жизни». Тот, кто зачарован миражами, писал автор «Санпна», лихорадочно движется вперед, будучи ослеплен «сверканием огней и красных факелов, оглушен залпами и грохотом большого, напряженного созидательного труда, он не задумывается над истинным смыслом жизни, не видит ее черной пустоты и не отдает себе отчета в том, для

самоубийство. Сборник статей. М., 1910; Г. С. Петров. О самоубийстве. М., 1910; С. А. Новосельский. Статистика самоубийств. СПб., 1910; В. А. Бернцки. Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1911; И. Левицкий. Борьба с самоубийствами учащихся. Иркутск, 1911; В. М. Бехтерев. Самоубийства и возможная борьба с ними (Вестник знания, 1912, № 2), и др.

²⁷ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., стр. 125—134; ранее: Запросы жизни. 1912, № 7, 17 февраля, стр. 385—394.

²⁸ Архив Горького. — В письме к жене Горький говорил: «Пессимизм в наши дни — цинизм» (Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 44).

чего все это и чем кончится».²⁹ Но в минуты затихшая у человека спадает с глаз пелена и обпаруживается «мрачная пустота бессилия», это-то и толкает его к уходу из жизни.

Таким образом, Арцыбашев и близкие к нему писатели обвиняли в гибели молодежи не тех, кто удушил революцию, а тех, кто совершил ее.

Утверждая, что не следует верить человека в ценности и красоте жизни, Арцыбашев сообщил о своем ответе девушке, спросившей его, не следует ли ей умереть: «Жить надо только тому, кто в самом факте жизни видит радость, а тем, кто не видит в ней ничего, тем и в самом деле лучше умереть».³⁰

Выступление Арцыбашева вызвало отклики читателей. На один из них (Г. Н. Михайлова) писатель ответил статьей «По поводу одного частного письма», в которой, вновь подчеркнув свое стремление разрушить веру в будущее, весьма резко напал на своего оппонента.³¹

Не менее показательны также ответы писателей на анкету, организованную в апреле—мае 1911 г. газетой «Биржевые ведомости». Отказавшись от выяснения причин многочисленных самоубийств, что предлагала сделать газета, отвечающие перевели вопрос в плоскость обсуждения права человека распоряжаться своей судьбой. Самовольный уход из жизни рассматривался большинством из них как естественное очищение мира от непригодных, пегодных элементов. «Природа ненавидит слабость и естественным подбором стремится создать жизнеспособный и стойкий организм, — писал, например, А. Куприн. — Поэтому нам нечего бояться самоубийств, — они являются клапаном, дающим выход слабости».³²

---

²⁹ М. Арцыбашев. Рассказы, т. III, стр. 412; ранее: Итоги недели, 1911, № 4, 21 марта.

³⁰ М. Арцыбашев. Рассказы, т. III, стр. 322, статья «Эпидемия самоубийств» (ранее: Итоги недели, 1911, № 6, 4 апреля). — В таком же смысле дан Арцыбашевым ответ на анкету о самоубийствах в «Биржевых ведомостях» (1911, № 12910, 28 апреля). Цитируемые слова совпадают с высказываниями арцыбашевского героя Санниа (Санни. Изд. «Жизнь», СПб., 1908, стр. 152).

³¹ М. Арцыбашев. Рассказы, т. III, стр. 333; ранее: Живо слово, 1911, № 8, 25 апреля.

³² Биржевые ведомости, 1911, № 12906, 26 апреля.

Итог подобным выступлениям был подведен в статье Горького «Издадека», он не мог согласиться с ними. «Сказать в наших политических и бытовых условиях: „застрелился — потому что негоден к жизни“, значит — оправдать эти условия, доводящие юношество и отрочество до отвращения к жизни»,³³ — писал Горький. В отличие от других он стремился прежде всего выявить именно причины ненормального социального явления. Самоубийства подтверждали как отсутствие сопротивляемости социальным обстоятельствам, так и опасность культивирования чувства одиночества, вызывавшее безразличие к социальным задачам общества.

Все это воскресило в памяти Горького собственную попытку самоубийства в юности. Факт личной биографии нашел отражение в рассказе «Случай из жизни Макара».

В ответах на анкету по поводу самоубийств писатели отмечали гибель слабейших, тех, кто еще не сформировал свою личность, свое «само», и потому не был достоин, по их мнению, сожаления. Горький избрал в качестве героя также еще не сформировавшегося идейно юношу, показывая в то же время пути излечения частого спутника молодости — пессимизма.

Герой рассказа, «как и всякий здоровый юноша, любил мечтать о хорошем, — жило в нем крепкое чувство единства и родства с людьми» (X, 408). Чувство это рождало желание как можно быстрее построить новую, чистую, дружную жизнь. Но постепенно мечты о будущем и яростное увлечение чтением отодвинули юношу от реальности, «от действительного сегодня». Книжное восприятие жизни, углубившее начавшийся разрыв между представлением о мире и самой действительностью, так же как и общение с либеральной интеллигенцией, еще более книжной, чем самоучка Макар, оторвали его от близкого рабочего коллектива. Не сблизился он и с новой средой. Внутренняя изолированность породила сознание ненужности и бесцельности своего существования. Чувство растерянности и социального одиночества (отчуждения) привело Макара к покушению на самоубийство.

Желание жить вернулось к герою вместе с чувством вновь обретенного единения с коллективом. Доброе отно-

³³ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., стр. 140; ранее: Запросы жизни, 1912, № 27, 6 июля, стр. 1572.

шение товарищей-пекарей усилило вместе с жадной жизнью страстный протест против пошлой проповеди мещан «не хочу хотеть», «не все ли равно». У Макара появляется уверенность в существовании упрямых, «упругих» людей, которые властно говорят окружающему: «Не хотим ничего подобного, хотим, чтоб все было иначе» (X, 436). Юношеский пессимизм, вызванный несоответствием мечты и действительности, сменился горячим желанием «не соглашаться, спорить, встать в тесный круг разнообразных „хочу“ и „не хочу“, утверждать и отрицать». Так началось выздоровление Макара «на долгую, упрямую жизнь» (X, 439).

Итак, тема смерти в рассказе Горького была разрешена в плане победы жизненного начала. Возвращение к жизни влекло за собой борьбу с ее мерзостями.

«Случай из жизни Макара» справедливо был воспринят критикой как отклик на эпидемию самоубийств, причем отклик, отразивший специфику горьковского восприятия жизни. Было подчеркнуто, что основной в нем стала «мысль о крепости лишь тех уз, в основе которых лежит социальная солидарность»,³⁴ и что герой рассказа знаменует рост сознания народных масс.

В то же время критики увидели в горьковском произведении новый выпад против интеллигенции, разобщенной с народом. Также была воспринята статья «О писателях-самоучках». В рецензии Е. Колтоповской на «Сборник товарищества „Знание“», в котором был напечатан рассказ, говорилось: «„Случай из жизни Макара“ посвящен злободневной теме о самоубийствах. Но сквозь эту, как бы случайную тему просвечивает другая, гораздо более важная — коренная горьковская тема: о дряблости и никчемности нашей интеллигенции, о том вреде, который она вносит в жизнь...».³⁵ Это повлекло за собой упрёк в тенденциозности Горького. «Автор лишил Макара старой среды, и это понятно и естественно, но он не дал ему новой среды, и это уже не столь понятно»,³⁶ — писал А. Дерман. Признавая своевременность выступления писателя, критика отказывала вместе с тем образу самоучки в типичности.

³⁴ Заветы, 1912, № 5, стр. 159.

³⁵ Новая жизнь, 1912, № 7, стр. 260.

³⁶ Заветы, 1912, № 5, стр. 159.

Рассказ оказался совсем неприемлем для эстетствующей критики. Ю. Айхенвальд выступил в газете «Речь» с злыми выпадами против Горького-писателя.³⁷ Ему ответил критик, следивший за процессами, происходившими в рабочей среде. «Психология горьковского Макара, — писал Н. Коробка, — должна быть чужда и непонятна интеллигентам модернистского толка, но она жизненна, более того: это — психология огромной массы того человеческого материала, который выбрасывают на поверхность недра русской жизни и который часто делается жертвой разлагающих влияний идейного и морального декаданса».³⁸

Немногие критики дооктябрьской поры сумели уяснить своеобразие горьковского миропонимания. То, что составляло сердцевину его взгляда на жизнь, предопределяя новый творческий метод, нередко расценивалось ими как тенденциозность. Это частично было отмечено в упомянутом отклике Коробки. Указав, что Горький принадлежит к числу людей, верящих в «нечто ценное, настоящее», критик заключал: «Он верит в победу „настоящего“, а люди, лишённые этой веры, принимают ее за тенденциозность».

Эта вера нашла отражение и в «Случае из жизни Макара».

4

Память Горького была изумительна. Допуская погрешности в датах, она отчетливо сохраняла живые представления о внешнем и внутреннем облике бесчисленных спутников его жизни и разнообразных поводах общения с ними. В 20-е годы Горький с сожалением говорил о том, что не успеет уже написать книгу, воссоздающую образы сотен увиденных им людей.

В то же время изучение автобиографических произведений, соотнесенных со временем их написания, позволяет сказать, что воспоминания Горького — не бесхитротные рассказы о виденном и слышанном, не спокойное повествование о прошлом. Нередко, как показано выше, это острые, полемические выступления, в которых он продолжал свою литературно-общественную борьбу. По-

³⁷ Речь, 1912, № 171, 25 июля.

³⁸ Запросы жизни, 1912, № 29, 20 июля, стр. 1703.

тому вполне естествен вопрос: стремился ли Горький к точному воспроизведению событий? И возможно ли при создании его биографии широко использовать сведения, сообщенные им самим, без предварительной и подчас большой работы по проверке фактов и сопоставлению их с другими свидетельствами автора и его современников?

Очерк «Писатель», рассказы «По Руси» и «Случай из жизни Макара», так же как и повесть «Хозяин», созданные в 1911—1912 гг., дают в некоторой мере возможность ответить на вопрос о характере горьковского автобиографизма.

Горький любил вспоминать о своем прошлом. Красочные устные рассказы о юношеских скитаниях, о встречах с «шестрыми людьми» родины, о неизбывной талантливости русского человека всегда захватывали слушателей.³⁹ Многие из цикла «По Руси» было сперва рассказано, а затем уже написано.

Когда С. А. Венгеров, приступив к работе над исследованием «Русская литература XX века», обратился к Горькому с просьбой прислать автобиографию, тот ответил: «Желание Ваше, чтобы я написал о моих „литературных и общественных переживаниях, которые имели особенное значение в моей жизни“, — тоже не могу исполнить. Не думаю, чтобы это было интересно, да и неловко говорить о себе в то время, когда и так уж современное писательское „я“ раздулось в литературе нашей серую тучей и совершенно закрывает и социальные горизонты, и бытовой пейзаж» (XXIX, 239).

Работа самого Горького над циклом биографических произведений была в основном посвящена изображению «социальных горизонтов» русской жизни и зреющему недовольству масс.

В публицистических статьях писатель нередко напоминал об ответственности каждого гражданина «за те мерзости, которые творятся в его доме, его городе, его стране».⁴⁰ Желание вскрыть социальную природу этих

³⁹ Заслуживает внимание свидетельство о том, что Горький порой рассказывал — и все так же увлекательно — о случаях, уже нашедших отражение в его творчестве. Так, он любил вспоминать о своем невольном акушерстве («Рождение человека») и о неудавшейся попытке заступиться за истязаемую женщину («Вывод»).

⁴⁰ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., стр. 195.

мерзостей, выступить в качестве правдивого свидетеля-обличителя наложилось известный публицистический отпечаток на все произведения Горького эпохи нового подъема рабочего движения. Однако эта публицистичность не помешала превращению эпизодов личной жизни в типизированные картины русской действительности.

Буржуазная и либеральная критика, не мнясь с социальными воззрениями писателя, часто упрекала его в слишком мрачном, нарочитом сгущении красок, вызванном будто бы стремлением навязать читателю свои убеждения. Подобные критические заключения возмущали Горького искажением его творческой позиции. В одном из писем 1912 г. он так пояснял свои художественные задачи: «Я честный свидетель всего происходящего, что бы ни писали обо мне гг. критики. Я недурно знаю русский быт и русскую литературу и я, не без сожаления, скажу: никто не выдумывает меньше меня. Когда-нибудь я напишу свою автобиографию и в ней документально и со ссылками на лица и места оправдаю все, иногда как будто невероятные, события и состояния душ в моих рассказах. Мне одно можно поставить в вину: я слишком мало ценю плохое, мало обращаю на него внимания, ибо — я знаю: оно издохнет, издыхает, оно не пужно людям, они его уничтожат, со временем; они этого немножко хотят, захотят больше, захотят страстно и — освободятся, да, да! И я гораздо более занят розысками хорошего, того — чему надо жить, чему следует расти, и что — растет. Возиться в гнилых кучах отмирающего — не люблю, не боюсь грязи, презираю ее и — Вам тоже советую, от души.

Повторяю, я честный свидетель бытия: чепуха это, будто я судья несправедный».⁴¹

Творчество Горького было гневным свидетельством, но не носило характера моралистического поучения. Он не упрекал, а призывал, опираясь на положительные жизненные явления, к уничтожению насилия над человеком, проявленного в многообразных общественных и бытовых формах.

Стремление создать действительное, до известной степени даже злободневное произведение было характерно и

---

⁴¹ Архив Горького. — Ранее из письма к Л. Никифоровой публиковались отдельные цитаты.

для Горького-мемуариста. Вот почему многие из его автобиографических произведений так легко переключались в полемический план, предопределяя своеобразный отбор явлений. Он сделан и в литературном портрете Каронина.

Работая над воспоминаниями о писателях-современниках (А. Чехове, Н. Каронине, М. Коцюбинском), Горький как бы «утаивал» часть наблюдений. Представляя несомненный интерес, они тем не менее оказывались лишними при раскрытии авторского замысла.

Обратимся к очерку «Время Короленко» (1923). Дополнительные штрихи, данные в нем к портрету Каронина, заставляют воспринимать фигуру писателя-восьмидесятника в ином плане, чем в очерке «Писатель». В ранних воспоминаниях (1911) Каронин — настоящий учитель, к которому не напрасно обратился за помощью юноша-самоучка. Он помог ему многое понять. Болезнь писателя только подчеркивала несокрушимость его духа. В очерке же о Короленко Каронин — больной, полузамученный человек, вызывающий у юного Пешкова чувство острого сострадания. Юноша ждал от литератора каких-то утверждающих, точных ответов на свои вопросы и был глубоко изумлен его неопределенным высказыванием о том, что это «может быть и так», а «может быть и не так»: «Речи его вызывали у меня тягостное недоумение, мне казалось, что этот полузамученный человек имел право и должен был говорить как-то иначе, более определенно» (XV, 6). Другое освещение фигуры Каронина позволило сильнее подчеркнуть значение знакомства с Короленко. Для Горького это действительно была первая настоящая встреча с писателем, который *твердо знал*, чего он хочет и с кем должен бороться: «Я видел какого-то особенного писателя: он ничем не похож на расшатанного и сердечно милого Каронина, не говоря о смешном Старостине» (XV, 16).

Горький впервые встретил Каронина в Казани, но воспоминания об этой встрече несколько противоречили желанию показать читателю светлый мужественный образ литератора. И потому Горький умалчал о ней в 1911 г., начав свои воспоминания с посещения Каронина в Нижнем Новгороде. Позднее, в очерке «Время Короленко», Горький так вспоминал о Каронине: «Я видел его в Казани, где он остановился на несколько дней,

возвращаясь из ссылки. Он вызвал у меня памятное впечатление человека, который всю свою жизнь попадал не туда, куда ему хотелось» (XV, 7). Красочно рассказав о беседе писателя с молодежью, Горький только вскользь упомянул здесь о своих дальнейших встречах с ним.

Новое освещение фигуры Каронина заставило Горького при подготовке своего собрания сочинений в 1923 г. переработать и первую редакцию очерка «Писатель», получившего теперь обычное для его литературных портретов заглавие-имя («Н. Е. Каронин-Петропавловский»). Внесенные в очерк поправки весьма характерны. В 1911 г. Горький писал, что «за время пешего путешествия» его «мрачное настроение несколько рассеялось, а мечта о жизни в колонии, с двумя добрыми товарищами и милой барышней, укрепилась, стала ярче». В редакции 1923 г. Горький сообщает, что его мечта «несколько поблекла» еще до прихода к Каронину. Это помогает понять, почему последнему так легко удалось убить эту юношескую мечту. Кроме того, в соответствии с очерком «Время Короленко» в новую редакцию был внесен и более поздний совет Каронина, обнаружившего у юноши «сумятицу в голове», все же пожить в колонии, чтобы изжить свое настроение (X, 306). В новой редакции появилась и фраза о том, что до встречи в Нижнем «также мельком видел я в Казани и Каронина» (X, 289).

Характерна следующая деталь. В очерке «Время Короленко» Горький вспоминает, что, вернувшись из своих скитаний, он принес в котомке из Царицына тетрадь стихов и философскую поэму «Песнь старого дуба». Показать поэму Каронину он не решился: «Больной Николай Ельпидифорович вызывал у меня острое чувство сострадания, и я всем существом моим ощущал, что этот человек мучительно, упорно задумался над чем-то» (XV, 6). Поэма «Песнь старого дуба» послужила началом литературного знакомства Короленко с Горьким. В очерке «Писатель» — это сохранено и в дальнейшем — было дано иное объяснение, почему Пешков не обратился за литературной помощью к Каронину: он будто бы потерял свои литературные опыты в дороге (X, 294). Возможно, что что-то было утеряно, но часть опытов несомненно сохранилась.

Память Горького обладала исключительной цепкостью. Выступая 15 ноября 1938 г. в Доме писателей на

заседании, посвященном обсуждению книги «Горький и его время», П. А. Груздев сообщил, что специально проверил свидетельство Горького о выступлении проагандиста, на котором присутствовал и он, и Каролин. Чуждая обоим «проповедь» действительно состоялась, Горький только ошибочно приписал ее толстовцу. Это еще раз подтвердило многократно устанавливаемую биографом точность Горького-мемуариста. Однако освещение событий всегда было насыщено у него чувством современного видения, позволяющим углублять и обобщать вспомнившееся.

Горький вспоминал о крупных людях, в таких случаях мемуаристы обычно стремятся рассказать как можно полнее о том, что они видели и слышали. Горький преследовал иную цель. Он создавал литературный портрет, раскрывающий своеобразие личности и творчества рисуемого им писателя. В связи с этим из огромных запасов памяти отбиралось лишь наиболее типичное для данного образа. Сколько раз, и подолгу, беседовал Горький с Чеховым, но воспоминания весьма скупо раскрывают эти беседы, не отражены в них и многие личные встречи (в частности, встреча в Нижнем). В то же время каждый из литературных портретов включал в себя особую тему, позволяющую Горькому сказать, чем наиболее ценен данный писатель. В раскрытии этой ценности обычно и таилась полемическая направленность.

Родственное отношение к материалу характерно и для произведений, использующих биографические данные, хотя Горький более свободно распоряжался здесь материалом, прибегая к типизации увиденного и пережитого.

В. А. Поссе вспоминал, что в конце 90-х годов Горький рассказал ему о попытке убить себя.⁴² Рассказчика интересовали мотивы, толкнувшие юного Пешкова на самоубийство.

Второе свидетельство об устном рассказе Горького находим в дневнике К. П. Пятницкого. Судя по записи (5 сентября 1911 г.), писатель и теперь вспоминал о причинах самоубийства и последующем спасении, не оставившаяся па том, что именно *вернуло* его к жизни.⁴³

⁴² В. А. Поссе. Алексей Максимович Пешков-Горький. ИРЛИ, Р. 1, оп. 22, № 272, стр. 103—107.

⁴³ Архив Горького. — А. Золотарев в свою очередь вспоминал, что Горький как-то рассказал ему «о днях странного одиночества,

Когда юная Э. Фильварова написала Горькому (1910 г.) о своем разочаровании в жизни и желании кончить самоубийством, Горький ответил: «Вы переоценили Ваши страдания, Ваше личное, Вы изморяете жизнь мерою Вашего маленького горя. Вам не нравится жизнь, она тяжела для Вас. Очень хорошо, Вы имеете право прекратить ее. Но — причем тут люди и зачем обвинять их, проклиная, презирать? Они едва ли хуже Вас, едва ли более счастливы.

Да, я тоже покушался на самоубийство, мне очень стыдно вспоминать об этом, и оправданий этой глупости я не нахожу до сей поры, хотя это случилось со мной 23 года тому назад. Стрелялся я потому, что признал себя неспособным к жизни, но людей — ни в чем не обвинял, хотя они обращались со мной весьма неласково. Когда я лежал, раненый, в больнице, ко мне пришли товарищи мои, рабочие, и укоризненно сказали мне:

— Дурак.

Стало мучительно стыдно» (XXIX, 121).

Здесь уже упомянуто о посещении товарищей по работе. Однако результат его освещен не так, как в «Случае из жизни Макара»: «стало мучительно стыдно» за свой поступок, но нет еще утверждения, что посещение это заставило почувствовать крепкие связи с жизнью. Здесь Горький *верен правде факта*. Вспомним, что воспоминания о Каронппе открываются сообщением: «Уходя из Царицына, я ненавидел весь мир и упорно думал о самоубийстве» (X, 289). Прошло уже два года со времени неудавшегося самоубийства в 1887 г., но полного «выздоровления» еще не наступило.

Новое истолкование посещения товарищей возникло в процессе работы над рассказом. Факт личной биографии был превращен в большое социальное явление. Причины духовного выздоровления были заново осмыслены и обобщены. Рассказ говорил о ценности личности и неизбежной гибели человека, выпавшего из коллектива, разорвавшего тесные связи с ним. Характерно, что, оценивая позднее свой рассказ, Горький видел его значение именно в авторском отказе от узкой личной правды факта, в придании ему типичности. «Факты — правдивы,

---

пережитого им когда-то в юности» (Воспоминания А. Золотарева «Горький-каприец», гл. I, стр. 22. Архив Горького).

а освещение их сделано как будто не мной и рассказ не обо мне. Если не говорить о литературной ценности рассказа — в нем для меня есть нечто приятное, — как будто я перешагнул через себя» (XIII, 585).

Из потока воспоминаний о встреченных в юности лицах («По Руси») также отбирались эпизоды, не только раскрывающие характер беспокойных русских людей, вступающих в единоборство с застывшим бытом и образом мыслей «зимних людей», но и остро затрагивающие злобу дня.

Автобиографические произведения 1911—1912 гг. подготовили работу над автобиографической трилогией, уже задуманной в эти годы. Метод обработки материала в них близок.

Показав читателю «свинцовые мерзости» российского бытия, Горький сумел противопоставить им неколебимую уверенность в светлом будущем родины, в победе нового человеческого сознания.

Глава третья

1

Свои юношеские скитания по Руси Максим Горький объяснял желанием узнать, что за народ живет вокруг него. Став писателем, он включил в число наиболее ответственных задач литературы изображение характерных свойств духовного облика народа, которые обычно именуют его «душою». Эту задачу ставили перед собой все крупные русские писатели, основной она была и для Горького.

Нельзя сказать, что какой-либо народ является обладателем особых свойств, совершенно чуждых другим народам. В характере людей, формировавшихся в сходных социально-исторических условиях, в сходной социальной среде немало общего. Отсюда представление об общечеловеческих чертах, о родстве характеров людей различных национальностей. Вспоминая о роли чтения в становлении своего миропоимания, Горький писал: «Сходства между иностранцами и русскими я не искал, нет, я искал различий, но находил сходство» (XXIV, 484).

Не менее справедливы суждения о многообразии характеров, представляющих в своей совокупности тот или иной народ. Вот одно из замечаний Горького об изображении мужика в русской литературе: «Платон Каратаев и Калиныч несомненно русские мужики, но это мужики центральной, московской Руси, и такие типы „смирных“ людей — очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири, их нет на Украине. И. А. Бунин очень верно, очень умело пипет орловского мужика, но для Верхнего и Среднего Поволжья этот тип почти неправда, — психику волжанина наилучше уловил Короленко в лице Тюлина.

„Мужики“ Чехова — правдивый этнографический очерк, да, около Москвы — в Калуге, Туле, Орле — этакие фигуры не редкость и очень естественны, но — разве похожи на них Вологжане, Новгородцы, Поморы... У нас на Руси не было и нет еще того единства социальных, политических и, словом говоря, культурных условий, которые позволили бы нам создать единодушные, выработать твердый, определенный тип русского человека, русского мужика».¹ Неоднородность исторического и экономического развития отдельных областей огромной страны приводила к тому, что в одном и том же поколении появлялись, как отмечал писатель, «люди как бы разных веков, до того они психологически различны, неслиянны» (XXIV, 184).

Подобная неоднородность характеров и видоизменение их под воздействием исторических условий, однако, не помешали выработке представления о характерах национальных, воплощающих наиболее устойчивые черты духовного облика народа. Эти примечательные черты — итог деятельности многих поколений, результат воздействия на психику народа множества факторов, и прежде всего истории, экономики, географии возрастившей его страны. Будучи присущи в той или иной мере многим индивидуальностям, эти черты в то же время как бы обобщаются, восходя до типизации в качестве черт общенациональных.

Несмотря на отсутствие научного определения национального характера (научные определения ряда явлений отсутствуют и в точных науках, хотя свойства этих явлений хорошо изучены), мы тем не менее устанавливаем явные различия в характере французов, шведов, итальянцев, русских и т. д., и различия, вызванные сопоставлением не отдельных индивидуальных характеров, а характеров национальных.

В статье «Национальное единообразие и национальное разнообразие» Д. С. Лихачев справедливо говорит, что

---

¹ Письма А. Г. Туркину 1913 г. (Урал, 1968, № 3, стр. 150). — Отсюда стремление Горького к изображению многообразия русских характеров. Оно было подмечено им еще в юности. В конце 90-х годов он писал А. Вольскому: «А смелая страна эта большая Россия, каких она родит людей оригинальных! Лесков, Бакунин, Толстой, Достоевский — не скажете, что это не славяне...» (Русская литература, 1968, № 2, стр. 22).

для выработки научного определения национального характера необходимо успешное развитие этнопсихологии, вклад в которую должны внести представители различных специальностей — психологи, историки, социологи, этнографы, гештальт и антропологи.²

Все это так, и тем не менее, пока этнопсихология недостаточно проявила себя, нельзя признать нас совсем безоружными. Познание национального характера — одна из наиболее сложных задач цеха литераторов. Писатели всех стран, не обладая столь универсальными знаниями, все же успешно выполняли данную задачу, совмещая в своем лице психологов, историков и этнографов, а порой и социологов. Именно литература знакомит в первую очередь с своеобразием самосознания и жизнедеятельности народа. Недаром Горький утверждал, что литераторы более историки, чем историки-профессионалы, видимо, имея в виду, что писателей интересуют не столько сами факты, сколько социально-психологические мотивировки их возникновения, психология народа.

Предостерегая от восприятия типизированных литературой характеров в качестве общенациональных, т. е. обладающих чертами, присущими не только отдельным классам или группам людей, Д. С. Лихачев пишет: «Как много критиков XIX века пыталось канонизировать Обломова как русский тип. Что от этих потуг осталось сейчас?»³

Для новой социалистической действительности Обломов действительно не характерен. Но можно ли сказать, что обломовщина, возникшая и укрепившаяся под воздействием определенных социальных условий, была не характерна для русского общества XIX столетия и была быстро изжита в пореформенную эпоху?

В выступлении на съезде металлистов в 1922 г. В. И. Ленин сказал: «Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что

² Русская литература, 1968, № 1, стр. 137.

³ Там же, стр. 138.

*старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел».*⁴

Таким образом, В. И. Ленин признал, что образ Обломова отразил черты, присущие представителям различных социальных слоев общества, и потому мог считаться русским типом. Но вместе с тем Ленин обратил внимание и на другую, не менее значимую сторону данного явления, на то, что типические черты характера не остаются неизменными в процессе исторического развития и изменения эти могут быть ускорены.

Споры о том, каков русский характер, не раз возникали в русской литературе, критике и публицистике, свидетельствуя о попытках утвердить в качестве национального тот или иной типический образ.

Особенно остро вопрос о русском характере встал перед публицистами и литераторами после революции 1905 года. Обострение интереса к данной проблеме нередко связывают с появлением сборника «Вехи», давшего искаженную оценку развития русской демократической мысли.⁵ С этим нельзя согласиться.

Желание понять, каковы наиболее характерные свойства русского народа и подготовлен ли он для революции, возникло не в результате стремления полемизировать с буржуазными публицистами, а в связи с непосредственной жизненной ситуацией — могучим проявлением воли народа, впервые так остро почувствовавшего ответственность за свою судьбу, и жестоким подавлением ее.

Обогатили ли недавние грозные события русского человека, и если обогатили, то чем именно? Такова была суть вопроса, оказавшегося в центре ожесточенных споров той поры. Возможен ли в ближайшее время новый, и притом еще более могучий взрыв народного недовольства, — вот что волновало русское общество.

Революция была подавлена, но, несмотря на разгром ее и последовавший за ним разгул реакции, защитники самодержавно-капиталистической России боялись, что воспоминания о 1905 годе прочно укоренятся в памяти людей, и попытались оклеветать происшедшее.

---

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 13.

⁵ См., например, статью М. И. Дикман «Очерки М. Горького „По Руси“ и идейно-политическая борьба 1910-х годов» (Уч. зап. Ленингр. пед. инст. им. А. И. Герцена, 1959, т. 198, стр. 233—263).

Реакция увидела в революции лишь развязывание темных инстинктов и анархию. Народ после 1905 года, по ее уверению, — народ, утерявший свой благородный облик. Выражением подобных взглядов был не только сборник «Вехи», примечательны также книга И. Родина «Наше преступление» и многочисленные выступления в периодической печати.

С отрицанием положительного начала, внесенного революцией в психологию народа, выступали многие буржуазные публицисты. Но нас в данном случае интересуют не их высказывания, а суждения писателей, пытавшихся непредвзято разобраться в том, что происходит в родной стране.

Прогрессивной литературе предстояло показать, *как и чем* обогатила революция сознание народа и что помешало ее победе. Необходимо было дать не только изображение старого антиреволюционного мира (это было сделано многими писателями), но и показать социальную возмужалость народа.

Тяготение к осмыслению исторического опыта России, стремление понять, *куда она идет*, — наиболее примечательные черты литературы 1910-х годов. Значительно повысился в связи с этим и интерес к национальному характеру. С подобным же явлением мы встретимся в живописи. В те же годы М. В. Нестеров вдохновенно работает над большим полотном «На Руси».⁶

Ответ, данный Горьким на возникшие вопросы, не совпал с ответами, которые дали другие реалисты. Автор «Песни о Буревестнике» воспринимал русский характер в свете своей концепции человека.

Человек для него прежде всего деятель, творец истории и преобразователь природы. В конце 1909 г. Горький писал А. В. Амфитеатрову: «Требуется, чтоб человек однажды сказал сам себе: „Аз есмь создатель мира“. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история» (XXIX, 104). Этого еще не произошло, но при решении вопроса, каков русский характер, Горький считал необходимым прежде всего выявить роль активного, волевого начала в русской пси-

⁶ Вспоминая о настроениях начала XX в., Нестеров писал: «Как велико в нашем поколении было чувство Родины, как она могла нас волновать» (А. Михайлов. Михаил Васильевич Нестеров. Изд. «Советский художник», М., 1958, стр. 163).

хике. В одном из писем 1910 г. сказано: «...верю в некоторые прирожденные особенности народа, еще не стертые в нем новой его историей, верю в его исключительную талантливость, — ей же имею многочисленные и все растущие доказательства, — и всего более надеюсь на историческую молодость нашу, обеспечившую нам педурную психику» (XXIX, 110—111).

К этим прирожденным особенностям Горький относил силу воли, упорство и мужество народа, его вольнолюбие. Об этих особенностях свидетельствовало освоение огромных, природно неласковых пространств, об этом же говорили битвы с многочисленными врагами, умение постоять за родную землю; стремление к свободе подтверждало создание Новгородской и Псковской феодальных республик, многочисленные восстания народа, вплоть до крестьянских бунтов XIX в.

«Народом сделано много дела»,⁷ — говорил Горький, однако для нормального развития его духовных сил условия созданы не были. Тяжкая русская история, которую писатель называл «фантастической», наряду с формированием положительных сторон народного характера привила ему и немало отрицательных черт. Многообразные формы подавления народной воли, затянувшееся рабство, вековое невежество отложили свой пагубный отпечаток на народной психике, но вместе с тем не смогли изменить ее исконные основы. Причудливое сплетение противоречивых начал сделало, по мысли Горького, русский характер одним из сложнейших национальных характеров мира.

Чтобы выяснить, какие черты русской психики Горький считал наиболее устойчивыми, наиболее свойственными ей, следует вспомнить его отношение к двум характерам, один из которых — выдумка, творческое создание народа, а другой — реальное порождение русской истории.

Горького долгое время волновал образ новгородского озорника Васки Буслаева, своеобразно им домысленный. Писателя привлекало не столько само озорство и буйство фольклорного героя, сколько мотивы, их предопределившие. Характер Буслаева дорог ему своим деятельным на-

---

⁷ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 188.

чалом, своим противостоянием окостеневшим нормам жизни. В дерзком бунте он видел желание обогатить жизнь, воспротивиться всему, что ее ограничивало.

В 1890-е годы Горький начал писать пьесу «Васька Буслаев», в которой герой мечтал украсить землю, построить новые города, насадить сады. Позднее, характеризуя свой ранний замысел, писатель пояснял, что его привлекала именно «ладья Васькиных мечтаний» (XXX, 171), тяга к творческому деянию.

В 1910-е годы, ставшие годами раздумий над тем, что более всего характерно для русской психики, перед взором писателя вновь встал образ Васьки. О не верящем ни «в сон, ни в чох» озорнике, активно сопротивляющемся установленным запретам, Горький собрался написать либретто оперы «Васька Буслаев». В ней должен был выступить Ф. Шаляпин, покоренный этим замыслом.⁸

К образу повгородца как наиболее примечательному былинному герою Горький вновь вернулся в первые годы Октября. Уступив замысел новой пьесы А. В. Амфитеатрову, он потом не раз сожалел об этом.

Может возникнуть вопрос, что позволило Горькому так переосмыслить новгородские былины о Буслаеве. Они ведь лишены мотивов, ставших основными в горьковском восприятии данного образа.

Освоение писателями фольклора в конце XIX—начале XX в. претерпело значительное изменение в сравнении с его освоением в первой половине XIX столетия. В творческих переработках писатели стремились тогда донести до читателя фольклорные образы и сюжеты в близких к народным трактовкам. Многие из этих произведений («Сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, «Конек-горбунок» П. Ершова и др.), проникая в народную среду, в свою очередь воспринимались ею как творения народные.

Иное отношение к фольклору сложилось в писательской среде в конце века, когда большую известность получили фундаментальные своды записей песен, сказок,

⁸ Позднее, говоря о необходимости проследить за развитием тем и героев в литературе и фольклоре, Горький отметил, что образ Васьки Буслаева с его «кощунством» восходит, хотя и в значительно сниженном виде, к образу богоборца Прометея (XXX, 324).

былин и других видов народного творчества. Теперь на первый план выступало не тяготение к творческому воссозданию хорошо знакомого уже народного сюжета или же образа героя, а стремление создать произведение, опирающееся в какой-то мере на фольклор, но дающее индивидуальное истолкование его.

Особенно широко использовался фольклор в публицистических целях. Значительное распространение получила публицистическая сказка, в которой нашли отражение некоторые художественные приемы и образы персонажей народной сказки, но проагандировались другие идеалы, другая мораль. Обращаясь к героям фольклора, писатели сохраняли теперь лишь «общий дух» народного прототипа, заимствовали лишь наиболее поразившие их черты героя, трактовка которого в целом весьма значительно отличалась от трактовки народной. Излюбленные народом персонажи начинали воплощать в себе не свойственные им в фольклоре черты или же отражать только некоторые из них. Вот один из примеров подобного рода. В начале 80-х годов Л. Толстой, М. Салтыков-Щедрин и Г. Успенский обратились к образу Иванушки-дурачка, при этом каждый выделил в нем наиболее дорогие ему черты. Толстой («Сказка об Иване-дураке и его двух братьях») превратил Иванушку в деятельного землепашца и непротивленца, Щедрин (сказка «Дурак») сосредоточил внимание на отсутствии у Иванушки подлых мыслей и его безбоязненности. Успенского же («Записки Тяпушкина») привлекло насмешливое отношение народного героя к сильным мира сего.⁹

Горький также шел по пути индивидуального освоения «общего духа» народных образов. Ему близка и прежде всего активность Бусласава. Былинный озорник воспринят им как выразитель духа повгородской вольницы, ушкуйничества, которое прославилось не только своими разбоями, но и освоением новых областей страны. Это и рождало мысль о творческом начале, присутщем народному герою.

Но если былинный герой пленил Горького удалью, восставшем против догматов и уверенностью в своих сп-

⁹ См. мою статью «М. Горький и фольклор. (Оценки образа Иванушки-дурачка)». В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». (Сборник статей к 90-летию Н. К. Писанова). Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 191—200.

лах, то другой, исторический образ протопопа Аввакума привлек его несгибаемостью воли и пламенной защитой своих верований.

Черты бунтаря-протопопа и Буслаева Горький находил во многих изумивших его русских людях. Так, в воспоминаниях о Льве Толстом он писал: «В нем, как я думаю, жило дерзкое и пылливое озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протопопа Аввакума, а где-то наверху или сбоку таился чаадаевский скептицизм. Проповедовало и терзало душу художника Аввакумово начало, низвергал Шекспира и Данте — озорник новгородский, а чаадаевское усмехалось над этими забавами души да — кстати — и над муками ее» (XIV, 290).

Живя на Капри, Горький вновь перечитывал произведения крупнейших русских писателей, как бы желая проверить их свидетельствами свои представления о русском человеке. Не отрицая зоркости литераторов XIX столетия, Горький вместе с тем не согласился с их трактовкой народного характера. Он считал, что они отобразили народную психику односторонне и, забыв о бунтующем мужике, значительно преувеличили черты его пассивности.

Пассивизм при этом трактуется весьма широко. Горький относил к нему не только проявления смирения, кротости и бездеятельности, привитых крепостничеством, но и то бунтарство и своеволие, которые не выходили за рамки индивидуалистического бунта личности. Иными словами, к пассивизму Горький относил все виды отказа от действительной борьбы с социальным злом. В связи с этим он включил в число пассивных людей не только Каратаева, но и Ивана Карамазова, устранившегося от борьбы за будущее.

Нельзя, конечно, забывать о том, что в отдельные периоды своей жизни (в годы первой империалистической войны и первые годы Октября) Горький сам преувеличивал отрицательные черты народного сознания и его пассивность, но это делал Горький-политик, увлеченный полемикой с современниками, а не Горький-художник. Ошибочность таких выступлений и причина их были раскрыты самим писателем. В статье «Следуйте примеру рабочего класса Союза Советов» Горький писал, что, будучи возмущен в свое время «терпением крестьянства и его забитостью», он порой *терял* «понимание смысла

истории» и потому «думал о своем народе не очень ласково» (XXVI, 154). Эти временные уклонения не изменяли общего взгляда писателя на характер русского человека. О взгляде этом необходимо судить не по отдельным высказываниям, а на основании всего круга горьковских размышлений, нашедших отражение в письмах, публицистических статьях и художественных произведениях.

В 1910-е годы Горького особенно привлекало отношение к народу Н. Лескова и В. Короленко. Первого он ценит за попытку «доискаться истиной сути» в огромном «запасе неорганизованной воли» русского народа. «Каждый его герой, — писал Горький, — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России».¹⁰ Любимым рассказом Горького был «Очарованный странник», героя которого он считал подлинно русским человеком. В горьковском предисловии к книге Лескова («The Enchanted Wanderer»), вышедшей в Америке в 1924 г., говорилось: «Черты „очарованного странника“ совершенно ясны в характере и жизни родоначальника русского анархизма Михаила Бакунина, друга Рихарда Вагнера, человека, который делал революцию в немецком Дрездене с таким же умением и успехом, с каким „Очарованный странник“ крестил степных татар. Такие „странники“ есть и в современной жизни — революция не убавила, но умножила их число... Это люди неиссякаемой фантастической энергии, которую раньше им некуда было приложить, и, лишенные возможности делать историю, они творили анекдоты».¹¹ Немало таких «анекдотов» было запечатлено в творчестве самого Горького.

Высоко оценил Горький и героя рассказа Короленко «Река играет», который также помог ему в понимании русской души, показав иное ее проявление. В то время как у очарованного странника энергия, нередко принимавшая самые неожиданные формы, никогда не иссякала, короленьковский Тюлин олицетворял тип человека, «в котором активное отношение к жизни пробуждается только

¹⁰ М. Горький. История русской литературы, стр. 276.

¹¹ Русская литература, 1968, № 2, стр. 30, 31.

в моменты крайней опасности и на краткий срок» (XIV, 242).¹²

Таким образом, творчество Лескова и Короленко особенно привлекало Горького выявлением волевого начала в русской психике. Писатель убежден, что именно оно являлось сутью русского характера. Задача нового времени состояла в пробуждении и укреплении воли человека (так думал не один Горький),¹³ в превращении «героя на час», передкого для русской действительности, в героя на всю жизнь. Русская литература должна была помочь читателю в этом. Свою новую повесть «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький считал «национально-нужной»,¹⁴ содействующей преодолению инертного восприятия действительности. Вопрос об активном и пассивном начале в психике русского человека стоит также в центре цикла рассказов «По Руси».

В произведениях своих Горький тяготел к многолюдству.¹⁵ Во время работы над «Жизнью Матвея Кожемякина» он писал: «Наступают на меня десятками эти рос-

---

¹² Горький не раз свидетельствовал о близости своих наблюдений к наблюдениям Короленко. Так, в 1913 г. его сильно взволновала статья «Турчин и мы», обратившая внимание на малое развитие правосознания в народной психике: «Как зорко видите Вы темные пятна славянской психики, как верно Вы пишете о ней?» — писал Горький автору (XXIX, 307). «Когда читал, то — местами — даже странно было: мои слова!» — отметил Горький также в письме к А. Н. Тихонову (Горьковские чтения. 1953—1957. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 43).

¹³ Так, например, Л. В. Крутикова в статье о «Суходоле» И. Бунина (Русская литература, 1966, № 2) обратила внимание на выступление в 1916 г. И. П. Павлова, утверждавшего, что рефлекс воли, «загнанный исторически на русской почве», может и должен быть укреплен, что сделает нас «тем, чем мы должны и можем быть, судя по многим эпизодам нашей исторической жизни и по некоторым взмахам нашей творческой силы» (И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Изд. 4-е. М.—Л., 1928, стр. 282).

¹⁴ См. письма к Е. П. Пешковой (Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 127) и В. Е. Чошихину-Ветринскому (Новое и забытое, кн. 1, М., 1966, стр. 116).

¹⁵ «Читал ли ты полярскую книжку „Жизни“, — писал в 1900 г. А. В. Яровицкий брату. — Там „Трое“ Горького начато печатаем, — большая повесть, где будет, по его словам, „176 действующих лиц“» (Уч. зап. Горьковского пед. пнст., 1968, вып. 110, стр. 303).

сийские люди и каждый просит меня: Защищи!». ¹⁶ Каждый из «записанных» им людей обладал своими резко обозначенными индивидуальными особенностями, и вместе с тем каждый отражал в своем характере и нечто общее, обусловленное тесным кругом «идей, традиций, предрассудков» социальной среды. ¹⁷ Это позволяло писателю в решении вопроса, каков русский характер, исходить не из отдельно взятых черт, а из общего отношения героев к жизни, из выявления общих тенденций развития характера.

Приступив к созданию цикла рассказов «По Руси», Горький сообщал: «... мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их» (XXIX, 252). И еще одно признание: «... в очерках этого типа я хочу изобразить именно нечто „коренное русской жизни“ — русской психики и даже имел дерзкое намерение дать очеркам общий заголовок „Русь“». ¹⁸

Горький вновь возвратился здесь к своим юношеским скитаниям. Правдивое повествование о будничной жизни русских людей сочеталось в этих рассказах с широкими философскими обобщениями и изумительным изображением природы. В воспоминаниях о недавнем прошлом отчетливо звучал голос писателя-революционера.

Здесь не умолчено о темных сторонах народного сознания, но основное внимание сосредоточено на выявлении его здоровых основ. Именно они раскрывали сущность национального характера, им и предстояло проявить себя в недалеком будущем. На первый план выдвинуто сопротивление человека косной среде, его мечта о счастье.

В большинстве рассказов, созданных в 1912—1913 гг. («Ледоход», «Покойник», «Калинин», «Нилушка» и др.), в той или иной мере затрагивалась проблема активности и пассивности человека, и каждый раз автор приходил к мысли о непобедимости творческих сил. Страшен был мир косности, но всюду уже отчетливо проступало и нечто противостоящее и непокорное ему. Оно не всегда

¹⁶ М. Горький и его современники. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 3.

¹⁷ М. Горький. История русской литературы, стр. 235.

¹⁸ М. Горький. Собр. соч., т. 8, изд. 3-е. Гослитиздат. М.—Л., 1947, стр. 671.

побеждало, скорее, даже подавлялось сурово. Но тем не менее наличие подобного противостояния в недрах самой народной жизни говорило о том, что оно не случайно, что это одно из проявлений душевного здоровья народа. Сложная и суровая история породила сложную народную психологию. Характеры русских людей были изображены Горьким как характеры, удивляющие сочетанием как бы несовместимых черт. Особенно показательны в этом отношении рассказы «Каланин» и «Ледоход».

Герой «Ледохода» староста артели плотников Осип — превосходный работник, но «не любит утруждать себя». Также неохотно работают и другие члены артели. Что делает их равнодушными к труду, что мешает им почувствовать его поэзию? — как бы спрашивает Горький и находит ответ в общих условиях существования рабочего люда. То был пассивный протест против подневольного труда.

Но в то же время в душе «лентяя» Осипа таились незаурядные силы и уверенность в себе. Когда плотники во время неожиданно начавшегося ледохода решили перейти через реку, чтобы встретить в городе пасхальный праздник, Осип становится умным и властным руководителем опасной переправы (Он «словно помолодел, окреп: хитровато-ласковое выражение его розового лица слиняло, глаза потемнели, глядя строго, деловито; ленивая, развалистая походка тоже исчезла — он шагал твердо, уверенно» — XI, 29). Рассказчик называет его «человеком-воеводой».

Но как только миновала опасность и началась привычная серая жизнь, Осип сразу спускает, становится маленьким и «словно тает». Это все еще «герой на час», подобно Тюлнину. Но уже и сейчас он внушал уверенность в том, что «душа человека — крылата»¹⁹ и что

---

¹⁹ С «крылатостью» души Горький связывал душевный размах, большую человеческую мечту и стремление к ее осуществлению. «Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок». — писал Горький в 1917 г. о русском искусстве (XXIV, 184). О «крылатости» души говорится и в воспоминаниях «В. И. Ленин». Жалуясь на тяжесть своей работы в Чека, П. А. Скороходов отметил, что она ему не по характеру, но «ведь Ильичу тоже, наверно, частенько приходится держать душу за крылья» (XVII, 38).

при соответствующих обстоятельствах русские Осипы станут умными народными вожаками. «Я не знаю — правится мне Осип или нет, — говорит юноша, от лица которого ведется рассказ, — но готов идти рядом с ним всюду, куда надобно, — хоть снова через реку, по льду, ускользящему из-под ног» (XI, 40). Такие люди служили ярким напоминанием о безграничности человеческого дерзания и о том, как много могут сделать они.

Образ Осипа Горький считал *типичным* для русской жизни. Мы встречаем этого героя в ряде произведений писателя, в том числе в автобиографической трилогии, упомянут он и в вариантах четвертого тома «Жизни Клима Самгина».

Характерный подтекст содержится и в рассказе «Калинин». Бродяга привлек внимание рассказчика своим независимым отношением к богу и убежденностью в том, что людям не следует хвастаться своими страданиями. Личная трагедия заставила бывшего лакея обрести чувство собственного достоинства. Он взбунтовался против порядков, обрекающих людей (не только «лакеев», но и «господ») на занятие «пустяками», и не захотел «проигрывать» свою «жизнь неведомо для чего».

Однако стихийный протест приобрел неожиданную форму. Недовольство существующим жизненным устройством привело не к борьбе с ним, а к желанию не принимать в нем непосредственного участия. Калинин близок сектантам-бегунам, убежденным в необходимости устраниваться от жизни и тем самым отойти от ее зла. Отказ от какой бы то ни было борьбы с этим злом погасил интерес юного рассказчика к бродяге, не сумевшего сохранить в своей душе бунтарский пламень. Ему более по душе новоафонский монах Виталий, утверждавший, что «человек должен быть в мире ратником супротив зла» (XI, 205).

Осипы и Калинин — различные человеческие типы, со своей индивидуальной судьбой. Однако и тот и другой выявляют, по мысли писателя, нечто «коренное» для русской жизни, выраженное в нестром силетении и борьбе различных начал в психике человека конца XIX — начала XX в.

Но Горький не ограничился только изображением людей, воплощавших в себе опыт старой России. Общение с революционерами и чтение большого числа рукописей

писателей-самоучек, отражавших глубинные процессы жизни, убедили его в появлении особого типа людей.

Становлению нового строя русской души посвящены роман «Мать», повесть «Лето», автобиографическая трилогия и многие другие произведения. Психология нового человека не создавалась на пустом месте. Горький показывает ее не избавившейся еще от многих старых напластований, но в ней уже пробуждены ее лучшие свойства. Среди новых людей писатель видел рабочих, крестьян и выходцев из других слоев общества.

Горький не приукрашивал жизнь, она раскрыта в его книгах с беспощадной прямотой. Но он не забывал показать и то, что предвещало гибель старого мира.

Окуров был страшен своей ветхозаветной замкнутостью, и большинству его жителей казалось, что именно в этой дреме и ветхозаветности заключается суть жизни. Но и Окурова уже достигло дыхание нового времени, и здесь уже появились новые люди. Это позволяло писателю утверждать, что русская революция оставила глубочайший след в сознании народа и что остановить процесс его видоизменения уже невозможно.

2

В плане понимания русского характера, и в связи с этим будущего пути России, весьма интересно сопоставить взгляды Горького и Ивана Бунина как представителей различных видов реализма в русской литературе XX в. — социалистического и критического.

Творчество Бунина не миновало воздействия революции; произведения, публиковавшиеся им в «Сборниках товарищества „Знания“», проникнуты острыми социальными мотивами. И тем не менее нельзя не заметить, что социальный рост Бунина-художника был более замедлен, чем рост ряда других знаньевцев.

То, что одним непосредственно дал 1905 год, Бунину принесли годы нового революционного подъема. Он оказался на этот раз более восприимчив к новышению общественных настроений, чем многие реалисты. Рост революционного движения не только напоминал о недавней революции, чуткое ухо улавливало в нем приближение новой народной грозы. 1910-е годы свидетельствовали о расцвете бунинского творчества, наивысшем обществен-

ном накале его. Позднее Бунин сам скажет: «В эти годы я чувствовал, как с каждым днем все более крепнет моя рука, как горячо и уверенно требуют исхода накопившиеся во мне силы». ²⁰ Тогда же с наибольшей глубиной проявились исторические взгляды писателя.

Взор Бунина был прикован к деревне. Мужик — вот кто стоит в центре русской жизни — утверждал он в своих произведениях и в беседах с журналистами. Вместе с тем писатель подчеркивал, что его занимает не мужик как таковой, а «душа русского человека в глубоком смысле, изображении черт психики славянина». ²¹

Стремление понять, каким путем шло формирование русской психики, привело Горького к внимательному чтению трудов русских историков. В феврале 1910 г. он писал одному из начинающих авторов: «Надо знать историю тех людей, о которых рассказываете: Ключевский интересно освещает историю народа, но — Соловьев еще интереснее рассказывал ее, и вы его почитайте». ²² Такой же совет Горький дает в том же году и другому писателю, добавляя, что книги историков скажут ему, кем он был в прошлом, в своих предках, и укажут на то, кем он «должен быть теперь» (XXIX, 147). Это письмо примечательно раскрытием собственной позиции Горького-художника. Ему необходимо не только постичь историческую обусловленность русского характера, но и выяснить, каким изменениям он подвергся в новую историческую эпоху.

К трудам тех же историков обратился и Бунин, также желавший выявить исторические корни психики современного человека. Однако оба писателя искали в этих трудах разное. Бунин хотел найти ответ на вопрос, какова нравственная основа, нравственный уклад русской жизни. ²³ Горького же интересовала прежде всего социальная обусловленность русского характера, то, каким образом талантливый и мужественный народ был дове-

---

²⁰ И. Бунин. Собр. соч. в 9 томах, т. IX, изд. «Художественная литература», М., 1967, стр. 268.

²¹ См. беседу 1911 г. (там же, стр. 536).

²² Литературное наследство, т. 70. М., 1963, стр. 632.

²³ См. публикацию высказываний Бунина, записанных Н. А. Пушешниковым, в книге «В большой семье» (Смоленск, 1960, стр. 249).

ден «до пассивизма, проповеди „неделания“, анархизма и прочих недугов» (XXIX, 143).

В примирении с жизнью, кротости и терпеливости многие писатели усматривали сущность русского характера. Для Горького — и в этом резкое отличие его от других авторов — пассивное отношение к действительности, в чем и как бы оно ни проявлялось, — *недуг*, который надобно побороть, и как можно быстрее. Борьбу с этим недугом, как уже сказано выше, Горький считал главным делом своей жизни.²⁴ Выздоровление могла принести только революция. «История излечивает все уродства жизни, а порою устраняет их хирургическим путем»,²⁵ — писал Горький в декабре 1912 г. В. Вересаеву.

Обращаясь к современности, Бунин ищет прежде всего ее связь с прошлым, его историческое мироощущение пессимистично. Сборник «Иоанн Рыдалец» (1913) — в нем раскрыты не только мрачные, но и светлые, поэтические стороны русской души — был снабжен эниграфом из И. Аксакова «Не прошла еще древняя Русь...».

Характер русского человека, уклад деревенской жизни определены, но мысли Бунина, всем ходом истории народа и суровой природой страны. Последняя воспринимается им как одно из основных слагаемых в формировании характера нации. Раскрытие склада русской психики, в которой на первое место выдвигаются смирение и покорность, немислимо для писателя без изображения долгих зимних ночей, выюжных сумерек, осенних дней, рождающих ощущение подавленности и одиночества деревенского жителя. В рассказе «Мелитон» (1901) автор восклицает: «Какое нужно терпение, чтобы покорно пережить эту бесконечную осень!».²⁶ Изображение перехода вечера в ночь в рассказе «Золотое дно» (1903) в свою очередь сопровождается лирическим заключением: «И что-то старорусское есть в этой печальной картине, в этой силенующей дали с мутно-малиновым щитом... Как печальны

²⁴ Горький писал слушателям партийной школы в Болонье: «...основой наш русский недуг — пассивность, и Вам, представителям новой России, необходимо вести с этой болезнью неустанную, непримиримую борьбу» (XXIX, 142). См. также письма к отдельным лицам, например, к П. Х. Максмову (XXIX, 175).

²⁵ Архив А. М. Горького, т. VII. Гослитиздат, М., 1959, стр. 116.

²⁶ И. А. Б у н и н, Собр. соч., т. II, стр. 510.

кажутся в это время темные деревушки, мертвую тишину которых будит звук рессор и бубенчиков! Как глуха и пустынна кажется старая большая дорога, давно забытая и неезженная!».²⁷

В произведениях 1910—1913 гг. пейзаж все сильнее напоминает о бесприютности и запустении деревенской жизни. Таково, например, изображение зимы в повести «Деревня».²⁸ Такова же картина лета в «Суходоле», закапчивающаяся словами «И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надо всем...».²⁹ *Глухую Русь* Бунин подмечает повсюду: в поведении и размышлениях своих героев, в необычайно бедном и мрачном быте.

От взора Бунина не укрылся рост народного недовольства, но вековая отсталость, дикие изломы души (писатель отмечает обычно склонность своих героев к своеволию, а не к воле) и инерция мышления могли привести, по его мысли, лишь к стихийному протесту, к анархическому бунту, а не к борьбе за свое будущее. «Народ переживает что-то новое»,³⁰ — думает Кузьма Красов, но в то же время живучесть старого, порожденного Дурновкою, заслоняет от него сущность этого нового. Повесть «Деревня» свидетельствовала не о том, что создатель ее не видел новых процессов жизни, — Бунин был достаточно зорок, — а о том, что он был уверен в неподготовленности мужицкой Руси к восприятию социальных идей. Патриархальная Россия не находила в лице Бунина защитника, краски его произведений мрачны и суровы. Голос автора звучал тревожно, писатель не верил в близкую возможность преобразования жизни деревни. Революционное потрясение, которое только что пережила страна и которое вновь назревало, не казалось ему плодотворным.

По-иному воспринимал современное состояние патриархальной Руси Горький. Пытаясь выявить наиболее отличительные качества русской психики, он воскреснал в своей памяти как образы рядовых людей, с которыми столкнула его жизнь, так и образы выдающихся современников, в характере которых наиболее отчетливо про-

²⁷ Там же, стр. 283.

²⁸ Там же, т. III, стр. 107.

²⁹ Там же, стр. 140.

³⁰ И. А. Бунин, Полн. собр. соч., т. 5, Изд. А. Ф. Маркса, Пгр., 1915, стр. 78.

явилось национальное своеобразие. Среди них на первом месте был Лев Толстой.

Смерть Толстого потрясла Горького. То была не только общенациональная, но и огромная личная утрата; никого не любил он так, по собственному признанию, как Толстого, хотя и восставал против его социальной проповеди.

С уходом Толстого из жизни обрывались непосредственные связи реализма XIX столетия с новой литературой. Исчез «старый паладин правды», одно присутствие которого повышало у писателей чувство ответственности, отвлекая «их от будничного и низкого — к настоящим, коренным и чистым заветам литературы».³¹

Отказавшись выступить в печати с откликами на смерть Толстого, Горький, однако, *не мог молчать*. Он пишет А. В. Амфитеатрову, В. Г. Короленко, Е. П. Пешковой. То — крик боли и в то же время продолжение многолетнего спора, выявление сути своего неприятия Толстого — моралиста и проповедника. Думы о Толстом сплетаются с не менее волнующими размышлениями о прошлом народа. «Как раз теперь я занимаюсь русской историей, — сообщает Горький Е. П. Пешковой, — и, чем более понятно мне наше прошлое, — тем выше растет Толстой как выразитель духа нации, это в полном и обширном смысле слова — гений народный».³² По мысли писателя, великий бунтовщик «отразил в себе» не только светлые, но и все темные стороны русской психики, и прежде всего ее болезнь — пассивизм и склонность к фатализму. «Именно под это несчастье, — говорит Горький, — Л. Н. и подводил философское основание, от него исходя, ему подчиниться и звал» (XXIX, 139).

Оценка Толстого как ярчайшего выразителя национального духа как бы подводила итог поискам исторических корней русского характера, которые Горький предпринял в связи с работой над повестью «Жизнь Матвея Кожемякина». Писатель был одержим уверенностью в том, что Русь, которую Толстой так талантливо воплотил в своих произведениях, начинает уступать место другой, антифаталистической России. 1905 год — для него

---

³¹ Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 106; см. также письмо на стр. 105.

³² Там же, стр. 107; см. также письмо к А. В. Амфитеатрову (XXIX, 139—140).

рубеж, обозначивший начало новой русской истории³³ и тем самым интенсивное формирование нового типа русского человека.

Смерть Толстого заставила с необычайной силой понять, что вместе с выразителем своих настроений и чаяний в прошлом уходит и сама патриархальная Русь. «Стихийный человек кончается» (XXIX, 136) — вот основной вывод из горьковских раздумий о Толстом как явлении историческом. Такое понимание было свойственно в ту пору немногим.

Тема активного и пассивного отношения к жизни, являющаяся центральной темой всего горьковского творчества, приобретает в послереволюционные годы особый накал. Теперь она повернута новой гранью: решался вопрос о роли народа в историческом процессе, о возможности и необходимости возрастания его исторической деятельности.³⁴

---

³³ В «Письмах к читателю» (1916) Горький говорил: «Несколько лет тому назад народ сделал стихийную, но мощную попытку развязать себе руки, разжать уста. Попытка эта кончилась неудачей, но ее все-таки необходимо оценить высоко, ибо она была первым за всю нашу историю напряжением воли всего народа» (М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. 2-е изд. Изд. «Парус», Пгр., 1918, стр. 194). Во время же самой революции 1905 года он писал: «Наша революция изумительно глубока, разностороння, она должна быстро создать в передовых слоях революционной массы людей стойких, мудрых, и она должна кончиться крупным социальным завоеванием» (Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 163).

³⁴ В 1910-е годы Горький предложил Н. Д. Сытину издать в противовес официальному истолкованию русской истории в связи с подготовкой к празднованию 300-летия со дня воцарения Романовых «Историю русского народа», раскрывающую роль народных масс в историческом процессе. Замысел этой неосуществившейся работы, помимо писем, отражен в сохранившемся в архиве писателя «Проекте договора по изданию книг по истории народной жизни России». «Необходимость такой работы, — сказано в проекте, — диктуется соображениями как чисто научного, так и общественного характера. Роль народа как субъекта в историческом процессе недостаточно освещена в нашей исторической литературе и недостаточно учтена при построении общих схем русской истории. Заполнение этого пробела является очередной научной задачей... Только узнав и поняв свое историческое прошлое, установив глубокую связь между этим прошлым и настоящим, познав свои сильные и слабые стороны, русская трудовая демократия сумеет стать достойным творцом грядущей жизни России» (К. Н. Хамов. А. М. Горький и историческая наука. Роль А. М. Горького в создании «Истории гражданской

Бунин любил русский народ и страдал, видя беды его, но не ожидал значительных перемен в судьбе народной и не возлагал надежд на решительные сдвиги в народном миропонимании. Образ Дениски, одного из персонажей повести «Деревня», свидетельствовал об уродливом преломлении новых явлений в сознании представителей старой деревни.

Как известно, Горький высоко оценил повесть Бунина, считая, что автору удалось взглянуть на русскую деревню исторически. Историческая зоркость, выражавшаяся в установлении связей настоящего с прошлым, особенно привлекала Горького в то время. Так, он сам писал «Жизнь Матвея Кожемякина», выявляя социальную почву окурощины.

Писатель был чужд иллюзорному восприятию действительности и не страшился сказать своему читателю суровую правду о жизни. Но в отличие от Бунина и других реалистов проблема «человек и история» решалась им по-новому. Произведения Горького говорили, что человек, даже будучи обитателем сонного Окурова, уже не в силах утрапиться от хода истории, начинающей твориться при активном участии народных масс. На смену патриархальному человеку шел человек, который начал понимать, что *именно он* должен взяться за перестройку общества. Раскрывая историческую обусловленность личности, Горький вместе с тем показывал, что человек в свою очередь активно воздействует на ход истории. Помочь ему в этом воздействии должно было овладение социалистическим восприятием жизни. В цитированном выше письме к Амфитеатрову о человеке как активном деятеле мира Горький пояснял: «... социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего *личного* человеческого достоинства.

Иного пути — не вижу. Все иные пути — от мира, один этот — в мир» (XXIX, 104).

Бунин во власти представлений об устойчивости черт, выработанных веками; представитель же новой социалистической литературы воспринимал русский характер как характер исторически юный, динамически развивающийся («ведь мы еще не работали, не жили!» — XXIX, 111).

войны», «Истории фабрик и заводов» и других трудов по истории. Горький, 1958, стр. 12).

Это были различные точки зрения, разительное несовпадение в восприятии дали. Бунину казалось, что «раба, от крепостного права живущее в душе русской» (XXIX, 102) необычайно сильно в ней. Старое главенствует в жизни, — говорил автор «Деревни»; «Рабы перерождаются в людей — вот новый смысл жизни!» — утверждал Горький (XXIV, 6).

Темы Горького нередко совпадали с темами, которые привлекли внимание других авторов, например тема русского захолустья. Было родственно порой изображение отрицательных сторон мышления народа, его предрассудков и суеверий. Но познание глубинных процессов жизни у других литераторов не было столь проникновенным.

Горький изображал окурившую Русь как Русь, уже уходящую в прошлое; просыпающийся народ — вот кто был главным действующим лицом его книг. Представители критического реализма были лишены подобного восприятия, старое не казалось им столь значительно колеблемым.

В изображении своих героев Горький и другие литераторы, в том числе Бунин, опирались на национально-историческую почву, однако различное понимание смысла современной истории вызвало резкие отличия в освещении ими психологии русского человека.

Устанавливая связи прошлого с настоящим, Горький стремится уловить видоизменение стихийного человека в новых исторических обстоятельствах. Бунин же видит не только в прошлом, но и в настоящем все еще древнего человека, не затронутого ни развитием цивилизации, ни сложными поворотами истории. По его мысли, жизнь идет вперед, не задевая глубоких народных пластов. Свидетельство тому — стовосьмилетний дед Таганок: «... подумать только — при Таганке прошел один из самых замечательных веков! Сколько было за этот век переворотов, открытий, войн, революций, сколько жило, славилось и умерло великих людей! А он даже малейшего понятия не имел никогда обо всем этом. Целых сто лет видел он только вот эти конопляники да думал о корме для скотины!».³⁵

³⁵ И. Бунин, Собр. соч., т. 3, стр. 208, 209, рассказ «Сто восемь» (1911; позднее «Древний человек»).

Взгляд реалистов 1940-х годов в основном был обращен назад, они пытались связать настоящее с прошлым, в то время как Горький, не забывая о власти старого, видел русских людей в их движении к будущему.³⁶

Психология русского человека в изображении Горького сложна и противоречива, в ней много веками утвердившихся свойств. Но его как художника привлекали прежде всего черты, которые предвещали становление психики нового человека и позволяли сказать, что народ может — и сейчас, а не в далеком будущем — стать творцом своей истории. В связи с этим Горький значительно видоизменил приемы раскрытия характера и овладел искусством новой светотени в литературе.

История доказала правоту Горького-художника.

3

В публицистических и художественных произведениях Горького начала века говорилось о возникновении молодой России, которая ставит своей задачей коренное преобразование жизни страны. То же еще более настойчиво утверждалось писателем после поражения революции 1905 года. Он пишет А. Н. Тихонову, что сама действительность формирует новый тип дееспособного русского человека и что литератор должен гордиться возможностью стать «барабанщиком», провозвестником этого нарождающегося типа (XXIX, 86). Таким барабанщиком стал сам Горький.

После октября подобная задача в качестве первоочередной была поставлена перед советской литературой. Горький также не остался в стороне от нее. В 20-е годы он не мог воссоздать образ нового деятеля, так как не имел возможности непосредственно наблюдать за его работой, но наиболее отличительные черты этого деятеля он видел воплощенными в характере ряда хорошо известных ему современников.

---

³⁶ «Пора понять, — писал Горький в декабре 1909 г., — что в стране, которая еще так недавно столь величественно всколыхнулась, — в этой стране должны быть и есть свободные, поворожденные люди... Они, люди эти, самое ценное земли, они наша посылка в будущее» (XXIX, 101). См. также статью о писателях-самоучках (XXIV, 127).

В стремлении своем привлечь внимание читателя к все более отчетливо проявляющимся *новым чертам* русского характера Горький был склонен порою даже говорить о них как о чертах нерусских. Это не значило, что он считал их чертами неорганическими, привнесенными извне. «Не русское» в данном случае означало еще недостаточно в ту пору распространенное, противостоящее традиционному восприятию. Так, говоря о присущей Чехову любви к труду и вере в его облагораживающую силу, Горький сопроводил свое наблюдение следующим пояснением: «Русский любит энергией, но — плохо верит в нее... Но Чехов — не очень русский в этом смысле... Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как А. П. ... Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда» (V, 430—431). В то же время Горький не раз отмечает в своих воспоминаниях, что Чехов именно *русский* литератор.

Не русские, т. е. не традиционные, черты Горький подметит и в собственном характере. В воспоминаниях «Лев Толстой» приведено замечание последнего в связи с положительной оценкой Горьким Лескова: «Странно, что вы его любите, вы какой-то не русский, у вас не русские мысли» (XIV, 288—289).³⁷

Особенно примечательно стремление писателя обратить внимание на те стороны характера, которые формировались в процессе нового революционного опыта. Это показательно как для художественных произведений, созданных до Октября («Мать», «Лето»), так и для более поздних воспоминаний о деятелях революции. Вот портрет Леонида Красина, нарисованный Горьким: «... тонкий, сухощавый, лицо, по первому взгляду, как будто „суздальское“, с хитрицей, но, всмотревшись, убеждаешься, что этот резко очерченный рог, хрящеватый нос, вынуклый лоб, разрезанный глубокой складкой, — все это знаменует человека, по-русски обаятельного, но не по-русски энергичного» (XVII, 53).

³⁷ Примечательно, что пост Рильке, считавший, что для русских людей наиболее характерны смирение и терпение, находил, что Горький в данном случае не русский человек (Вопросы литературы, 1968, № 7, стр. 148).

С подобными же высказываниями мы встретимся и в воспоминаниях о В. И. Ленине. Горького восхищала в нем ярко выраженная «воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее» (XVII, 29). Писатель выступал против культа страдания, который он наблюдал в самых различных слоях русского общества и который не принимал в творчестве Достоевского и других литераторов. В. И. Ленин поразил писателя своей ненавистью к этому культу, своей убежденностью в том, что люди смогут, если только захотят, преодолеть свои несчастья.

«Для меня, — писал Горький, — исключительно велико в Ленине именно это чувство непримиримой, неугаваемой вражды к несчастиям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста, и это была в нем не русская черта. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку, — Человеку — с большой буквы».³⁸

Фраза «и это была в нем не русская черта», смущающая некоторых горьковедов, не являлась опиской. Появившись в воспоминаниях о Ленине при последней переработке их, она развивала уже давнюю мысль писателя. Фраза эта имеется в издании 1931 г., которое использует последний авторизованный текст.

Высказывание Горького следует рассматривать в общем контексте воспоминаний, достаточно ясно проясняющем суть суждений писателя. «Не русская» употреблено Горьким в смысле *новая* примечательная черта русского характера.

Если Лев Толстой воспринимался Горьким как национальный гений, воплотивший в себе наиболее характерные черты стихийного русского человека, то Владимир Ленин был для него гениальным олицетворением человека нового века. Один завершал огромный исторический этап формирования русского характера, другой открывал сложнейший период становления новой социальной психологии.

---

³⁸ М. Горький. В. И. Ленин. ГИХЛ, М.—Л., 1931, стр. 24. В изданиях последних лет фраза «и это была в нем не русская черта» отсутствует.

Очерку «В. И. Ленин» предшествовали горьковские выступления в 1920 г. В речи на 50-летнем юбилее Ленина Горький сказал, что «он простой, такой милый, такой душевный, обычный простой русский человек, как каждый из вас» (XXIV, 205). Здесь же он говорил о том, что в лице Ленина «русская история создала почти чудесное».

О том же говорится и в очерке «В. И. Ленин». В начале его Горький пишет о героизме Ленина, который напоминал «нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости» (XVII, 6). Далее были отмечены гордость Ленина русским искусством и литературой и его восхищение талантливостью русских людей.

Суммируя в конце очерка свое представление о Ленине-человеке, политике и вожде трудового народа, Горький не противоречиво, а, наоборот, в полном соответствии с нарисованным образом человека «изумительной силы воли» (XVII, 36), непоколебимо верующего «в свое призвание» (XVII, 29), вновь говорит о Ленине как русском человеке: «Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну, — издали она кажется красочнее и ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее — исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звездами» (XVII, 45).

В ранней редакции, опубликованной в «Русском современнике», это было еще более подчеркнуто словами: «И был насквозь русский человек», разбудивший «Россию, и теперь она не заснет».³⁹ В том же 1924 году Горький писал Р. Роллану: «Я особенно нежно и глубоко любил его за ненависть к страданию, за его неукротимую вражду ко всему, что искажает человека. Он был очень большой русский человек. Вы правильно оценили его. Толстой и он — двое чудовищно больших людей, я горжусь, что видел их».⁴⁰

³⁹ Русский современник, 1924, № 1, стр. 244.

⁴⁰ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. 2-е доп. изд. М., 1961, стр. 279.

И Красин, и Ленин в восприятии Горького — ярчайшие представители русской нации. Раздумывая о них, писатель не нашел еще точного определения того нового, что проявили эти характеры, но для него несомненно, что они знаменовали возникновение *нового типа русского человека*.

Увлечение поэзией труда, энергия, направленная на социальную перестройку мира, сила воли и оптимизм — все это определяло сущность характеров *насквозь русских людей*, но людей уже новой эпохи.

Спор о русском характере в литературе 1910-х годов показал, что Горький наиболее остро подметил изменения, происходящие в русской психике, и в то же время глубоко проник в исконные основы народного характера.

Литературные портреты революционеров, созданные Горьким после Октября, завершили его наблюдения над огромными сдвигами в сознании людей конца XIX—начала XX вв. Русский характер обогатился новыми чертами.

Глава четвертая

1

Исследования о Горьком в большинстве своем раскрывают либо его связи с литературным миром (общение и переписка с писателями, организация тех или иных издательских начинаний), либо анализируют его произведения в свете их общественной роли. Устанавливалось, какие стороны жизни раскрывал Горький, с кем боролся и полемизировал, что именно бичевал. Все это необходимо, ибо раскрывает нечто важное, особо характерное для Горького — писателя и революционера. В основе многих произведений, в которых современный читатель не ощущает полемики, воспринимаемая отдельные эпизоды как типические обобщения, лежала именно полемика, разоблачение определенных конкретных явлений. Но читатель прав, так как Горький, подобно другим крупным мастерам слова, действительно обобщал изображаемые явления, видя в них выражение определенных общественных устремлений. «Дачники» были встречены при своем появлении как злободневное драматическое произведение. Появление пьесы обозначило начало открытой борьбы Горького и символистов. Теперь никто уже без специальной помощи не улавливает прямых поводов реальной борьбы, однако зрителю ясно, что Горький выступал против антидемократической интеллигенции, против ее искусства. И если литературоведы раскрыли множество реальных причин боевых горьковских выступлений, то еще многое надо сделать, чтобы показать, как, *какими художественными средствами* добился писатель подобного обобщения.

Русская реалистическая литература на рубеже двух веков тяготела к обнаженной публицистичности. В твор-

честве Горького 1900-х годов она также весьма ощутима, но в отличие от произведений многих авторов, не возвысившихся над реальной полемикой (вспомним «Без дороги» и «На повороте» В. Вересаева), горьковские произведения превратились в ярчайшую художественную летопись русской жизни.

Пришла пора начать более интенсивное изучение неповторимо индивидуального в художественной манере Горького, в его лепке людей, в изображении течения русской жизни. Такие работы появляются, но их немного, и связаны они преимущественно с горьковской драматургией.

В последние годы в изучение горьковского творчества включились лингвисты, поставившие перед собой задачу составить словарь языка писателя. Опубликованные ими статьи позволяют многое уяснить в стилистике Горького. Но одновременно с этими работами необходимы и работы литературоведов, раскрывающие его мастерство.

1910-е годы были годами расцвета творчества многих писателей-реалистов (И. Бунина, С. Сергеева-Ценского, А. Серафимовича и др.). К ним относится взлет и художественного мастерства Горького. Еще недавно критика, уловив, но не приняв принципы горьковского изображения жизни, кричала о «конце» Горького-художника. Теперь и она, в том числе критика символистская, признавала преждевременность своих прогнозов. Горький не отказался от своих новаторских принципов, все более расширяя область их применения.

«Мать» была неласково встречена в печати, даже марксистская критика приняла роман с оговорками. Она признала большое пропагандистское значение произведения, но отказала автору в глубокой типизации (В. Воронский, А. Луначарский). За рубежом роман встретил более положительные отзывы. Данное обстоятельство привело Горького к следующему, весьма примечательному выводу: «„Мать“ имеет большой успех в Германии и Франции и — никакого в России! Это — признак, что мы ушли по пути художественных требований дальше Европы, и это не единственный признак».¹ Это обязывало к все более строгому отношению к себе как к художнику.

¹ Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 38.

Основной для 1911—1913 гг. стала работа над повестью «Детство» и рассказами, которые вошли в циклы «По Руси», «Сказки об Италии» и «Русские сказки». О повести «Детство» написано уже немало работ. Оста- новимся на менее изученном.

Горький сразу же задумал объединить свои рассказы. Так, посылая первые произведения о русских людях в «Вестник Европы», он советовался с редактором о заглавии всего цикла. О том, что рассказы, посвященные Италии, составят цикл, Горький сообщил Е. П. Нешковой: «Пишу „сказки“, Бунии очень хвалит и Коцюбинский, а я им верю, оба — люди со вкусом. Написал уже 14, будет 25, вероятно».² О том же он писал Б. Рубинштейну. «Русские сказки» сразу были отосланы в «Современный мир» в виде цикла.

Вместе с тем для циклов этих, несмотря на резкие различия, характерна тесная взаимосвязь. Горький создавал их одновременно, как бы реализуя в каждом из них единый творческий замысел.

«По Руси» раскрывало черты народной психологии, «Русские сказки» посвящены изображению антинародных начал русской жизни. То разные стороны одной и той же действительности. Они противостоят и в то же время связаны друг с другом.

«Сказки об Италии» выявляли чудесное и прекрасное в современной жизни, в отличие от них «Русские сказки» повествовали о страшном в ней. В этой резко несхожей «сказочности» — прекрасного и ужасного — также была своя близость и противостояние. Жизнь в изобилии рождала и то и другое.

В то же время лирико-философская насыщенность произведений, тематическая переключка и романтически приподнятый тон позволяют говорить о несомненной родственности «Сказок об Италии» и «По Руси».

Автор и сам подчеркивал идейное и тематическое соприкосновение своих циклов.

Цикл «По Руси» говорил о крылатости русской души, «Сказки об Италии» напоминали о новом проявлении этой крылатости: в XIV «сказке» приведена беседа итальянцев, в которой дана высокая оценка подвига русского народа в 1905 году.

² Там же, стр. 131.

Но здесь же не забыто и об уродствах русской жизни. В XVI «сказке» русский губернатор, едуший в Италию на отдых, сообщал о проекте усмирения бунтовщиков в духе усмирения жителей в «Русских сказках».

Последние в свою очередь развивали некоторые темы «По Руси». Бродяга Калинин проповедовал отход от жизни, дабы устранился от зла. Одна из «Русских сказок» показывала, к каким последствиям приводили подобные устранения.

Рассмотрению трех циклов и посвящены дальнейшие главы.

2

Цикл «По Руси» был ответом на горячие споры о судьбах России и русском национальном характере.

Сообщая Е. П. Пенковой о чтении И. Буниным в капле Нового (1912) года рассказа «Веселый двор», говорившего об излюбленном им все том же «древнем» человеке, Горький писал: «Слушали: Коцюбинский, у которого большое сердце, Черемнов — туберкулезный, Золотарев — человек, который не может найти себя, и я — у меня болит мозг и в голове, и во всех костях. Потом долго спорили о русском народе и судьбах его и, конечно:

Где хоть три есть человека,
Там есть три взгляда на предмет!».³

Цикл должен был показать наиболее типичные свойства русского человека, многие из которых предстояло преодолеть в процессе движения к новой жизни. В старой патриархальной Руси Горький искал то, что предвещало возможность этого изменения.

Замысел цикла, работа над которым развернулась в 1912—1913 гг., возник в связи со смертью Л. Толстого и раздумьями о том, что было связано с ним.

В письме к А. Амфитеатрову от 8 ноября 1910 г. Горький говорит о Толстом как проповеднице «пассивного отношения к жизни» и в то же время как душе, объявившей «собою всю Русь, все русское» (XXIX, 139). Вслед за ним он шлет второе письмо, где, продолжая говорить о Толстом, сообщает о восхищении, вызванном чтением «Черного араба» М. Пришвина: «Вот как надо писать

³ Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 131.

путевое, мимоидущее» (XXIX, 140). Чужое произведение оказалось весьма созвучным зреющему замыслу — показать увиденное человеком в пути и воссоздать образ самого путника.

Через несколько дней, все еще волнуемый смертью Толстого, Горький пишет: «Работы у меня — леса. Одних „Жалоб“, должно быть, три будет, да еще о „мимо идущих“ людях рассказывать намерен. Да „Кожемяки“ все еще. Да Соловьева читать надобно внимательно и разные книжки об угрох, немцах, финнах и литве разпой и обо всем, чем нас били и чем добились до пассивизма, проповеди „неделания“, анархизма и прочих недугов. Так-то» (XXIX, 142).

Мысль о «мимоидущем» (и о человеке, и об увиденном им) находит более развернутое выражение в декабрьском письме к П. Максиму: «Хождение мое по Руси было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть — где я живу, что за народ вокруг меня?» (XXIX, 148). Этим желанием томим и юноша, от лица которого ведется повествование в цикле «По Руси».

«Не знаю, как озаглавить мне очерки, посланные Вам,⁴ — писал Горький Д. Н. Овсяннику-Куликовскому. — Я имел дерзкое намерение дать общий заголовок „Русь. Впечатления проходящего“, — но это будет, пожалуй, слишком громко. Я намеренно говорю „проходящий“, а не „прохожий“: мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий — до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпывающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное.

Может быть, Вы согласитесь дать заголовок „Впечатления проходящего“, — откинув слишком широкое и требовательное слово „Русь“?» (XXIX, 251, 252).

Д. Н. Овсяннику-Куликовский предложил заглавие «По Руси» с подзаголовком «Записки (или впечатления)

⁴ Горький нередко называл свои произведения то очерками, то рассказами. Позднее он писал: «Об очерке писать не буду... Тут нужен литературовед-специалист. Мне же трудно писать потому, что у меня целые книги, например „По Руси“, „Ералаш“, написаны в смешанной форме очерка-рассказа. И это не только потому, что они ведутся от „первого лица“. Мне трудно расчленить у самого себя очерк и рассказ, так что я неизбежно залутаю читателя в моей собственной неурядице» (Архив А. М. Горького, т. X, кн. 2. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 286, 287).

проходящего». Варьируя эти заглавия, Горький остановился при публикации цикла в Собрании сочинений в 1915 г. (т. 19) на заглавии «По Руси».⁵

Фигура проходящего в последние годы привлекла к себе внимание ряда исследователей. Они сопоставили и выявили различие между рассказчиком в произведениях 90-х годов и в цикле «По Руси». Отмечено несовпадение роли «проходящего» у В. Короленко («проходящий» — его термин) и у Горького. Охарактеризованы также наиболее примечательные особенности горьковского героя. Высказано справедливое суждение о невозможности прямого отождествления «проходящего» с самим автором.

Отсылая читателя к этим ценным работам⁶ (в них раскрыта и основная проблематика цикла «По Руси»), я останавливаюсь лишь на недостаточно раскрытом или же спорном.

Слова Горького «проходящий — до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпывающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное» несколько смущили исследователей, заставив их превратить рассказчика в человека, который «стремится реали-

⁵ Первый рассказ в «Вестнике Европы», названный впоследствии «Ледоход» (1912, № 12), был напечатан под заглавием «Из впечатлений проходящего». Рассказы, появившиеся в 1913 г. (№№ 1—2, «Женщина» и «Покойник»), публиковались под заглавием «По Руси. (Из впечатлений проходящего)». В издании И. П. Ладыжникова в 1913 г. цикл вышел под заглавием «Записки проходящего». В 1923 г. Горький присоединил к циклу «По Руси», куда входило 11 рассказов, произведения, опубликованные в сборнике «Ерлаш и другие рассказы» (Пг., 1918). Это несколько видоизменило его звучание. В данной работе мы рассматриваем цикл, каким он сложился в 1912—1913 гг. Характерно, что сам Горький, объединив рассказы в единый цикл, все же (см. подстрочное прим. 4) расчленил его на две книги.

⁶ Л. М. Поляк, Книга Горького «По Руси». Уч. зап. Моск. гос. унив., 1948, вып. 127, стр. 3—21; В. А. Келдыш: 1) Тип рассказчика в новеллах и очерках Горького. (К проблеме положительного героя в творчестве писателя.) О художественном мастерстве М. Горького. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 72—130; 2) Идеологическая проблематика сборника «По Руси». Горьковские чтения. 1953—1957. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 113—169; В. Г. Еремушкин, Образ автора-повествователя в рассказах и очерках В. Г. Короленко и в цикле М. Горького «По Руси». Научн. докл. Горьковской юбилейной сессии. Матер. межвуз. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. Горького, Горький, 1968, стр. 25—28.

зовать те высокие принципы, которые он возвещает» (В. Келдыш) и рассматривать его как активного участника действия в рассказах (В. Еремущкин). Однако большинство произведений цикла «По Руси», созданного в 1912—1913 гг. («Кладбище», «Нилушка», «Не парохде», «Калинин» и др.), не подтверждает этого. В названных рассказах «проходящий» не является лицом активно действующим; вряд ли можно причислить к особой активности и «действия» в других рассказах (например, чтение псалмов над покойником). Для Горького важно изображение действий иного порядка: то раздумья, что рождены у «проходящего» неустроенностью и печалью русской жизни, то активное обогащение опытом людей, с которыми сталкивает его жизнь.

«. . . у меня есть свой беспокойный, немолкающий вопрос: „Что такое человечья душа?“», — говорит юный скиталец (XI, 24). Жизнь дает на этот вопрос многообразные ответы. Человек, хотя и на миг становящийся человеком-воеводой («Ледоход»), уверяет, что она крылатая. Эту-то «крылатость» проходящий и пробует отыскать повсюду. След, оставленный им во время скитаний по родной стране, заключался не в каких-то особых деяниях или поучениях, а в том, что он в той или иной мере помогал самораскрыться встречному человеку, обнажив основное в себе. А это в свою очередь, дополняя личные наблюдения юноши, обогащало не только его представление о жизни, но и его требования к ней.

Одна из характернейших черт цикла «По Руси» — лиричность — создана в основном образом проходящего. Это не равнодушный свидетель событий, а человек, который хочет избавить людей от их неизбывной печали, тоски и апатии. «Вот я и один, в ночи, на милой мне земле, всем одинаково чужой и всему равно близкий, щедро оплодотворяемый жизнью, по мере сил оплодотворяющий ее», — говорит герой Горького (XI, 206). Он почти ничего не рассказывает о себе, факты биографического характера весьма скудны в рассказах, нет в них и сведений о внешнем облике юноши. Задача писателя состояла в показе становления духовного мира героя. Образ проходящего воссоздается на протяжении всего цикла путем раскрытия *присущего ему* восприятия жизни. Точно так же и сама Русь возникает не сразу, а в процессе изображения «пестрых» дел и чувствований ее жителей.

От рассказа к рассказу тянется нить, показывающая, как укрепляется в юном человеке любовь к жизни, к людям, как рождается желание, чтобы огонь его сердца стал виден заплутавшимся в ночи. Патриархальная Русь создала многообразно противоречивых людей; Горькому важно показать, как в ее недрах начинало зреть противодействие старому укладу жизни. «Несогласных» было немало, «знамение времени» состояло в том, что среди них все чаще стали появляться люди, настойчиво ищущие новые жизненные пути.

Как известно, Горький считал ранний период своей жизни типичным для многих русских людей. Отсюда желание рассказать о своем детстве и отрочестве. Но прежде чем приступить к реализации этого замысла, Горький воссоздал в „По Руси“ образ Пешкова-юноши, который во многом предопределил изображение русской действительности и самого маленького героя в повестях «Детство» и «В людях».

Характерно, что образ проходящего не был замкнут для Горького только рамками цикла «По Руси», отсюда и смутившее исследователей суждение. Писатель устанавливает несомненную связь своего скитальца с автобиографическим героем других произведений той же поры. В повести «Хозяин» (редакция 1913 г.) Горький называет своего героя (сцена в трактире) Макаром. Таково же имя рассказчика в цикле рассказов «По Руси» (ранние редакции «Губина» и «Ледохода»). В памяти читателя невольно возникал и рассказ «Случай из жизни Макара». Таким образом, знакомя с различными эпизодами жизни своего героя, Горький значительно углублял представление о нем.

В «Случае из жизни Макара» герой еще не обрел твердую жизненную позицию. В «Хозяине» он выступает уже в роли просветителя, расширяющего чтением и своими рассказами жизненные познания товарищей. Он уже деятелен, «бунт» пекарей против хозяина — следствие его агитации.

В сцене в трактире давалось разъяснение слова «проходящий», перекликающееся с пояснением в письме к Овсяннико-Куликовскому. Под проходящим подразумевался Макар. Пекарь Шатунов говорит: «Бродяга, это — скажем, — прохожий. А то — проходящий, который оставляет по себе след... Проходящий, значит, идет и сеет, —

это так ему назначено от судьбы его. Он, коли что доброе знает — скажет, и худое — не скроет... Внимающие люди — везде есть... всегда найдутся!».⁷

Таким образом, Горький показывал своего «проходящего» и в активной роли. О том, что он не одиночка, что таких «проходящих» смутьянов уже немало, говорил русский кунец в рассказе «Жалобы».

Однако в «По Руси» роль проходящего была иной. Это, скорее, открыватель того, что рождало веру в возможность изменить судьбы родины, но не агитатор, не активный смутьян. Он и сам говорит об этом: «Вольшинство людей, среди которых я иду по земле, — не то восходя, не то опускаясь куда-то, — серо, как пыль, мучительно поражает своей ненужностью. Не за что ухватиться в человеке, чтобы открыть его, заглянуть в глубину души, где живут еще незнакомые мне мысли, неслыханные мною слова. Хочется видеть всю жизнь красивой и гордой, хочется делать ее такою, а она все показывает острые углы, темные ямы, жалких, раздавленных, изолгавшихся. Хочется бросить во тьму чужой души маленькую искру своего огня, — бросишь, она бесследно исчезает в немой пустоте» (XI, 128).

Цикл восстанавливал в первую очередь раздумья и чувствования проходящего, которые таили в себе действенное начало.

В книге «Творчество Горького советской эпохи» Е. Тагер пишет: «Герой автобиографического цикла, как и фигура рассказчика в сборнике рассказов „По Руси“, будучи особыми образами произведения, вместе с тем совпадали с автором в отношении к окружающему миру. Они обладали высотой авторской точки зрения, выступали в роли той конечной инстанции, которая оценивала и истолковывала изображаемую художником действительность».⁸

Полностью с этим нельзя согласиться. Конечно, автобиографический герой совпадал с Горьким в своеобразии восприятия окружающего мира, но большой мастер не мог наградить своего проходящего «высотой авторской точки зрения». Это исказило бы образ человека, который только начал осмысливать противоречия жизни.

⁷ Современник, 1913, № 5, стр. 20, 21.

⁸ Е. В. Тагер. Творчество Горького советской эпохи. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 171.

Цикл «По Руси» был лишен «прямой тенденциозности», т. е. обнаженно выраженной идейной направленности, в чем дооктябрьская критика так любила упрекать писателя. Вместе с тем каждая из «картинок» этой глубокой книги не выпадала из круга его социальных идей. Личная позиция автора находила здесь выражение в угле зрения, предопределявшем изображение русской жизни, в удивительных картинах природы, углублявших это изображение, в раздумьях проходящего, сопровождаемых раздумьями зрелого литератора.

Встреча с Губиным заставила юношу подумать, как богата Русь неудавшимися людьми. Однако противопоставление скучных «зимних» людей людям неудавшимся (XI, 47) сделано уже не им, а автором, что подчеркнуто и графически. Противопоставление начинается с многооточия и им же кончается. Характерна также концовка в рассказе «Женщина», в которой автор подводит итог своим наблюдениям.

В этом плане цикл «По Руси» подготовил Горького к работе над автобиографическими повестями «Детство» и «В людях». В них выводы, недоступные сознанию ребенка и подростка, также делались самим автором. Тем самым и здесь утверждалось звучание двух голосов.

3

Начало циклу было положено публикацией рассказа «Рождение человека»,⁹ в котором говорилось о том, как юноша, скитающийся по просторам родины, стал невольным акушером. В поисках заработка по югу России бродили согнанные со своих голодных мест крестьяне. Вместе с односельчанами искала работу и женщина, родившая сына в горах Кавказа.

Повествование о невольном содействии рождению человека напоминало о радости жизни и красоте ее. Приветливо встречала появление ребенка природа, щедро украсившая землю. Буйными красками рисовал Горький осень юга, праздничность убранства ее лесов, ценность игры моря, яркость сияния солнца.

Чудесна Земля и прекрасной могла бы стать жизнь на ней, если бы человек нашел слова, «завывавшие в лад

⁹ Заветы, 1912, № 1, апрель.

с нею», если бы сумел обогатить ее своим истинным творчеством, своей любовью, — вот что утверждалось в новых горьковских произведениях.

Что же мешает этому? Автор не даст прямого ответа, но подводит к думам о нем. «Шуми, орловский! Кричи во весь дух», «утверждайся, брат, крепче, а то ближние медленно голову оторвут» (XI, 13) — таков завет проходящего «человеку неизвестной судьбы», воспринятый читателем тех лет как призыв к сопротивлению.¹⁰ В свете этого призыва воспринимаются размышления, раскрывающие жизненную позицию проходящего.

Основной лейтмотив рассказа «Превосходная должность — быть на земле человеком», перекликающийся со знаменитым афоризмом «Человек — это звучит гордо», нашел отзвук во многих горьковских произведениях, созданных в годы нового революционного подъема.

«Рождение человека» тотчас же привлекло внимание критики, противопоставившей оптимиста Горького писателям-пессимистам. Критика отметила, что рассказ вновь поднял вопрос о гордом звучании слова «человек». Привлекла нравственная чистота рассказа, резко выделяющая его на фоне литературы, посвященной проблемам пола.

«Физический акт, уже решительно не содержащий в себе ничего поэтического, акт, внушающий отвращение, когда его живописали такие натуралисты, как Золя, и тот под рукою Горького обратился в какую-то радостную светлую картинку, составил строфу в том гимне Земле, который он поет от первых своих рассказов»,¹¹ — писал обозреватель литературных новинок в «Биржевых ведомостях» А. Измайлов.

Рассказ был противопоставлен не только писателям, увлекающимся эротикой, но и «космистам» с их тяготением к абстрактным мировым проблемам. В Горьком, писал П. Перцов, «очень чувствуется эта русская, даже „российская“ подоплека. И она весьма подкупает в телерешней бесплотно-бескровно-бесцветной литературе... Надоели бутафорские темы — нагромождение холщовой Осы на картонный Целион и гроыхание печным листом. Хочется чего-нибудь „своего“, домашнего и вместе с тем

¹⁰ Примечательно, что на многолюдном вечере в Париже в апреле 1912 г., посвященном памяти А. Герцена, Горький прочел рассказ «Рождение человека».

¹¹ Биржевые ведомости, 1912, № 12970, 4 июля.

„взаправдашнего“. И оттого „акушерский“ рассказ Горького освежает». ¹²

Последний отзыв особенно примечателен. Русский читатель действительно устал и от абстрактностей, преподносимых Л. Андреевым, и от литературы, лишенной тесных связей с жизнью и в силу этого бесплотной.

Суждения о русском человеке и его исторической судьбе пронизывают многие произведения Горького. Он неизменно отмечал исключительную одаренность, яркую «безумную» талантливость народа, которая все еще не могла достаточно проявиться в русской жизни и потому часто принимала уродливые формы.

Лирические раздумья автобиографического героя и красочные зарисовки природы (мы еще вернемся к ним), вплетаясь в рассказы о чуждых человеческих судьбах, рельефно выделяли мысль об «оскверненной» земле.

«Неужели небо и звезды для того, чтоб прикрыть эту жизнь? Таковую?», «Разве для этих людей дана прекрасная земля?» — спрашивает проходящий, вспоминая о неудавшихся, запутавшихся русских жителях (XI, 42, 43). Но в памяти возникали и другие люди. Они не знали истинных путей переделки жизни, как не знал их еще и юноша-искатель, но многие из них уже не хотели блуждать среди ненужных вещей и понятий и противоставляли свою правду правде сытых мещан.

«Много я видел хорошего!» — утверждает рассказчик, вспоминая о встречах с людьми, сильными своею любовью к родине. «Всю Россию выкормим», — говорит богатырь-парень в рассказе «Едут...». ¹³

Мысль о том, как вредно пассивное отношение к действительности, заняла центральное место в повести «Жизнь Матвея Кожмякина». Большую роль играет она в раскрытии психики русского человека и в новых рассказах.

Возбудить активное отношение к жизни, заставить понять необходимость ее переделки, внушить веру в собственные силы — такова основная задача создаваемого

¹² Голос Москвы, 1912, № 105, 9 мая.

¹³ Очерк этот первоначально был составной частью рассказа «В ущелье». В переработанном виде, под заглавием «По душе», он был впервые опубликован в большевистском журнале «Провещение» (1913, № 11).

цикла. Горьким была сказана жестокая правда о своем времени, но это была правда, высказанная с целью изменить жизнь. «То, что должно бы звучать во всех этих вещах, есть только чувство возмущения и обиды за человека», — писал Горький в начале своего литературного пути (XXVIII, 101). То же он мог повторить и теперь.

4

Конец 1912 г. был посвящен Горьким работе над автобиографической повестью. В письме от 8 ноября он сообщил редактору «Современника» Е. А. Ляцкому: «Относительно проспекта: печатайте — Горький „Мой хозяин“. На декабрь и январь дам два очерка „Губин“ и „Калинин“». ¹⁴ И ему же 8 декабря: «Дописываю повесть». Однако печатание этой повести, предназначавшейся для февральской книги журнала, было приостановлено самим автором. 5 января он известил Е. Ляцкого: «Очень может быть, что к февральской книге я дам небольшой очерк, весьма сенсационный по теме, а „Хозяин“ придется отложить до марта». 6 января он пишет уже о теме своего нового произведения: «От русских людей все более густо припахивает кладбищем и тлением. Пишу очерк на тему, чем должно быть кладбище в жизни. Вот такая тема! Европейцу — это в голову не придет: они свои кладбища прячут, а у нас — пожалуйста! — в центре города красуются могилы предков, совершенно неуважаемых нами».

В письме от 10 января Горький окончательно закрепляет «Кладбище» за февральской книгой «Современника». «Сенсационность» темы подчеркнута писателем и в более позднем письме к Г. В. Плеханову: «Позвольте послать Вам еще рассказ мой, — человек, более талантливый, чем я, сделал бы из этой темы вещь очень нужную, очень своевременную» (XXIX, 309).

Что же сенсационного было в рассказе о встрече юности на кладбище маленького степного городка с одним из его жителей, не похожим на «зимних» скучных людей? Что вкладывал Горький в самый термин «кладбищенства», нередко употребляемый им в эти годы?

---

¹⁴ Архив Горького. — Дальнейшие письма к Е. А. Ляцкому там же.

«Сенсационной» была постановка вопроса об отношении человека к культуре, к работе своих предшественников; «сенсационной» была также оценка рядового строителя жизни, противостоящая взглядам на историю как на творчество отдельных индивидуальностей, а не народа в целом.

В очерке было противопоставлено два понятия — «кладбище» как хранилище сведений о деяниях человека и «кладбищенство» как синтез определенных настроений современного общества, направленных на спижение ценности этих деяний. О необходимости борьбы с усилившимся «кладбищенством» Горький писал и в письмах, и в публицистических статьях. Так, определяя задачи редактируемого им журнала «Современник», писатель говорил, что они характеризуются борьбой со всяческими проявлениями умственной лени, косности и кладбищенства.

Термин «кладбищенство» принадлежит Помяловскому, воздействие которого на свое творческое развитие не раз было отмечено Горьким. Им высоко ценилась повесть «Молотов», из речи персонажа которой (Череванина) о потерянном вкусе к жизни, о равнодушии и неуважении к будущему человечества и образованию вследствие этого своеобразной «торричеллевоу пустоты» и был заимствован упомянутый термин.

Новое проявление «кладбищенства», как бы синтезирующего миропонимание буржуазной интеллигенции, Горький видел в отказе от революционного наследства («Вехи»¹⁵ и др.), в идеалистическом отрицании познаваемости мира, в желании оправдать свое социальное безразличие (М. Арцыбашев и др.).

Очерк говорил о бессмертии деяний человека, о его гордости своей работой, о значении и необходимости труда «маленьких» людей. «Человек — работник всему миру» (XI, 99), «жизнь вся, насквозь — великое дело незаметно маленьких людей, не скрывайте их работу, покажите ее!» (XI, 100) — таковы основные положения нового произведения.

---

¹⁵ Вот оценка «Вех», данная Горьким в письме к Е. П. Пешковой: «Мерзейшая книжница за всю историю русской литературы. Черт знает что! Кладбище, труны и органическое разложение» (Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 65).

Отставной поручик Хорват¹⁶ произносит горячий монолог о небрежном отношении современного общества к людям, которые самоотверженным трудом и преодолением тяжких условий своего бытия боролись за будущее нового поколения. Он возмущен русскими кладбищами, на памятниках которых отмечены не деяния человека, а лишь смерть «рабов божьих». Обо всех этих людях при внимательном отношении к ним можно было бы сказать иное: не рабами, а активными деятелями прожили они свою жизнь. Хорват требует глубокого проникновения в смысл слов «кладбище» и «памятник», он настаивает на превращении этих памятников в летопись, в своеобразный реестр больших и малых подвигов человека. «Напишите на кресте, над могилой умершего, все дела его и все заслуги, пусть они ничтожны, но — покажите себя умеющим найти хорошее в ничтожном» (XI, 100).

Выступая против интеллигенции, забывшей о родстве с предшественниками, Горький напоминал своим очерком о том, что каждый обязан чувствовать тесную связь с прошлым родины, обязан знать, что живет «трудом и умом» маленьких, но много потрудившихся на своем веку людей; каждый должен помнить, что все эти люди жили и боролись, думая о будущем, все они «ради вас несли при жизни бремя и ярем — ради вас!» (XI, 95). Герой очерка протестует против тех, кто пишет историю только как историю событий, не показывая, как эти события творились людьми, народом. Он обвиняет буржуазных идеологов в принижении роли «маленького человека», в желании привить мысль о его ничтожестве, в сознательном утаивании значения предшествующей культуры, созданной при активном участии подобных людей. «Они там — лгуны, — говорит Хорват, — они нарочно скрывают работу, чтоб обесценить человека, показать нам ничтожество мертвых и тем внушить живым сознание их ничтожества! Ничтожными легче править, — это придумано дьявольски умно! Да, конечно, легче!» (XI, 99).

Тема «маленького» человека и великого труда его прошла через все творчество Горького, особенно сильно проявившись в циклах «По Руси» и «Сказках об Италии».

---

¹⁶ Отмечая, что «дейательные» герои русской литературы (Штольц, Инсаров и др.) — иностранцы, Горький и сам награждает своего защитника человеческого деяния иноземной фамилией.

В статье 1928 г. «О „маленьких“ людях и о великой их работе» писатель как бы подвел итог своих выступлений во славу рядового труженика. Отдельные положения этой статьи служат отличным комментарием к художественному произведению, созданному в годы революционного подъема.

В эти годы Горький выступил с инициативой коллективного создания истории русского народа. Очерк «Кладбище» раскрывал этот замысел. Предстояло показать, что сделал народ, каков был его вклад в развитие русской культуры, русского государства.

Мысль о том, что «человек — работник всему миру», и в этом-то и заключается его основная ценность, пронизывает весь цикл. В этом плане рассказу «Кладбище» весьма близки рассказы «Калинин» и «Покойник». Оба они говорят о бессмертии человеческого деяния, о том, что человек является противником зла.

Блуждая в поисках работы, проходящий забрел на хутор, затерянный в далекой степной балке. В одной из хат голодному юноше предложили прочесть псалтырь над умершим хозяином.

Кто этот человек? Как он прожил жизнь? — вот вопросы, волнующие воображение молодого чтеца. По беглым рассказам жены покойного и пьяного друга-дьячка он воссоздает жизненный путь человека активного начала. Это не раб жизни, а борец со злыми нормами общества, неустанно оплодотворяющий землю своим трудом. Перед глазами чтеца возникает картина-символ.

«По степи, пустынной и голой, ходит кругами, все шире охватывая землю, огромный, тысячерукий человек, и, следом за ним, оживает мертвая степь, покрываясь трепетными сочными злаками, и все растут на ней села, города, а он все дальше по краям идет, идет, идет, неустанно сея живое, свое, человечье» (XI, 224).

Это подлинный герой повседневности, пронесший через всю свою жизнь веру в победу светлого. Понимая, что люди часто злы «от глупости и темноты», он советовал своему затравленному другу: «Не поддавайся людям, живи просто, они — свое, а ты — свое» (XI, 225). То была мудрость человека, противопоставившего себя социальной несправедливости. Он и теперь, умерший, казался все таким же несмирившимся.

«Его густые седые брови сдвинуты над большим носом глубокой складкой, нос загнут в усы, ввалившиеся глаза прикрыты неплотно, рот тоже полуоткрыт — кажется, что человек этот упрямо думает о чем-то, думы его гневны и вот он сейчас жутко крикнет какое-то особенное, последнее свое слово» (XI, 218).

Образ этого деятельного созидателя, как и образы Павла Власова, Синцова, говорил о новом человеческом качестве — героизме на всю жизнь, а не только на час.

«Они — свое, а мы — свое» — Горький любил повторять этот знаменательный афоризм. Мы встречаем его в виде автографа на одной из книг, подаренных им,¹⁷ его он повторит в письме к жене,¹⁸ приведен он также в приветствии Обществу деятелей печати и литературы. «Один упрямый мужик, — писал в нем Горький, — говаривал в трудные дни своей жизни: „они — свое, а мы — свое“. Вот простой и хороший лозунг для людей, желающих делать хорошее дело».¹⁹

Рассказ «Рождение человека» открывал отдельное издание цикла «По Руси» (Игр., 1915), рассказ «Покойник» завершал его. Это кольцевое обрамление в свою очередь помогало раскрытию основной идейной направленности цикла. Оба рассказа поэтически сочетали суровую правду жизни с романтическим восприятием ее творческих возможностей.

В первом давалось напутствие человеку, только что вошедшему в мир, в последнем говорилось о том, кто достойно прожил свою жизнь, не уронив превосходного звания «человек».

Людям «неизвестной» судьбы предстояло усвоить завет человека, понимавшего, что звериные законы жизни надобно изменить.

В июле 1913 г. И. Бунин писал Горькому: «Перечитал „По Руси“, о чтении над покойником. Ах, хорошо! Крупный конь и поэт шагает».²⁰

¹⁷ Учительская газета, 1940, 27 марта.

¹⁸ «А все-таки будем делать наше дело, будем делать до конца дней — так ведь? Одолеет наше. „Они — свое, а мы — свое“» (Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 181).

¹⁹ Журналист, 1914, № 9—10, стр. 21.

²⁰ Горьковские чтения. 1958—1959. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 74.

Но не только людей, в которых жила непокорность, часто ломаемая условиями жизни, показал в своем цикле Горький. Он видел немалое число тех, кто примирился со своим существованием, чей круг стремлений не выходил обычно за пределы мечтаний о сытой жизни. Среди них были и философствующие мещане, выступающие обличителями всего нового. Люди с рабской психологией создавали в утешение себе рабские легенды о «смиренных» праведниках.

Подобную тягу «к самоутешению» Горький наблюдал не только в быту, но и в области публицистики, литературы, искусства. Особенно ярко проявилось оно в дни смерти Л. Толстого.

Смерть гениального художника потрясла Горького, не успевшего закончить своего письма к Короленко по поводу «бегства» Толстого. «Не хуже других известно мне, — писал Горький, — что нет человека более достойного имени гения, более сложного, противоречивого и во всем прекрасного, да, да, во всем. Прекрасного в каком-то особом смысле, широком, неуловимом словами; в нем есть нечто, всегда возбуждавшее у меня желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живет на земле! Ибо он, так сказать, всеобъемлюще и прежде всего человек, — человек человечества.

«Но меня всегда отталкивало от него это упорное, деспотическое стремление превратить жизнь графа Льва Николаевича Толстого в „жизнь ниже во святых отца нашего блаженного боярина Льва“» (XIV, 278).

Многочисленные газетные отклики на последние дни жизни и смерть Толстого ошеломили Горького. Газеты стремились уверить читателя в отказе Толстого от «борьбы мирских страстей», в возвращении писателя к церкви, в его примирении с действительностью. Словословия учение о непротивлении злу насилуем, представители различных лагерей замалчивали противоречивость социальных взглядов Толстого и сильные стороны толстовской критики современного общества.

Проповедь пассивизма, подкрепляемая ссылками на учение великого художника, а также фальсификация толстовского образа сильно взволновали Горького. «Вот — приняли газеты, и уже ясно: у вас там начинают „творить легенду“, — жили-были лентяи да бездельники,

а нажили — святого», — читаем в том же неотправленном горьковском письме к Короленко (XIV, 283).

И о том же в письме к М. Коцюбинскому: «Возмущают меня начавшиеся попытки сделать из него „легенду“, чтоб положить ее в основание „религии“ — религии фатализма, столь пагубного для нас, людей и без того пассивных» (XXIX, 137).

Все это вызывало желание как можно быстрее организовать отпор подобным попыткам. В конце 1910 г. Горький предлагает В. И. Ленину начать борьбу с «легендой о Толстом» в новом журнале «Современник». 3 января 1911 г. Ленин ответил: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать... Толстому ни „пассивизма“, ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя».²¹

Борьба вокруг Толстого стоит в центре литературно-политической борьбы эпохи нового революционного подъема. В 1910—1911 гг. Ленин выступил со статьями о наследии Л. Толстого («Лев Толстой», «Герои оговорочки», «Л. Н. Толстой и его эпоха»), в которых дал блестящий анализ социального генезиса мировоззрения писателя и значения его наследия для русской революции.

Горький также откликнулся в печати на идеализацию учения Толстого. Он посвящает проповеди «непротивления злу» одну из сатирических «Русских сказок» и пишет рассказ о том, как мещанские идеологи ищут в «отвратительных условиях» и среди плохих людей «хорошего», «душевного», «праведного» человека с целью оправдать эту отвратительную жизнь.

Анализируя причины пагубного увлечения проповедью идей Толстого и желанием создать «легенду» о нем, Горький вспоминал аналогичные случаи создания самоутешительных легенд в типичных условиях русской действительности. «Нилушка» не только воссоздавал жизнь одной из окраин бесчисленных городков Окуровых, но и раскрывал философию ее воинствующих мудрецов.²²

«Сила настоящего искусства в том, что оно, взяв простейшее, обыденное явление, вскрывает его глубокий

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 11, 12.

²² Рассказ первоначально был опубликован под заглавием «Слобода Толмачиха» (Русское слово, 1913, № 87, 14 апреля).

социально-драматический смысл, показывает его цепкую зависимость от общих условий жизни, от ее коренных основ»,²³ — писал Горький. Таким рядовым явлением, поднятым на большую принципиальную высоту, и был рассказ о поисках праведника в среде людей, замученных нищетой и грязью жизни. («Слобода так бедна, что и нищие не заходят в нее, — разве только в пьяном виде» — XI, 66).

У жителей слободы никогда не рождалось желания вырваться из цепких лап обывательщины, они безропотно подчинялись монотонному течению жизни. «Из всех звуков жизни в слободе чаще всего слышен плач и дикая ругань, но вообще в ней живет тихо, уныло и даже кошки весною мяукают негромко, подавленно» (XI, 66). Людей жили, завидуя сытой жизни горожан, робко пытаясь найти оправдание своему рабскому существованию.

Две фигуры контрастно противостоят в рассказе, как бы подчеркивая крайности жизни Толмачихи (прием контраста один из ведущих в рассказах «По Руси»). С одной стороны, это «первый человек слободы», мещанин Антипа Вологонов, заполнивший свой досуг ленивыми наблюдениями за слобожанами и рассуждениями о необходимости покоя; с другой — блаженный, дурачок Нилушка, отрешенный от житейских дел слободы и потому еще сильнее подчеркивающий ее бессмыслие и ненужность.

Антипа Вологонов — «ум» слободы, он формирует ее мысли, убеждая, что «судьбу палкой не погонишь», что «перегнать ее нельзя». Речи Антипы никогда не влекут за пределы Толмачихи, он любит повторять, что «торопиться некуда — к своему месту на погосте всегда во время доспеешь!». Его пугают попытки внести перемены в жизнь. Злорадно звучат его рассказы о неудавшихся поисках нового, о семейных драмах тех, кто захотел перестроить свой быт, разрушить прогнившие устои семьи. Антипа — проповедник терпения, любые отклонения от узаконенного порядка вызывают его осуждение.

Оба обитателя Толмачихи — и блаженный Нилушка, и злое воплощение косности Антипа — были так изуродованы в своем отношении к жизни, что невольно воспри-

²³ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. Гослитиздат, М., 1941, стр. 124.

нимались в свете сказочной гиперболизации. Речи Антипы заставляли думать

«... именно он злой колдун и хозяин этой от всего далекой земли, болотистой, изгрызанной оврагами, неплодной. Это он нарочно неуютно сунул город в глинистую лонцину, сменал, сбил в кучи дома, слутал улицы; он равнодушно творит непонятно грубую и жестокую, убийственно скучную жизнь; он набивает головы людей бессвязной жуткой чепухой, сушит их сердца страхом перед жизнью» (XI, 74).

Образ Нилушки дан в иных, светлых и мягких тонах, еще более усиливающих его отрешенность от жизни:

«... был он похож на картинку, единственную в истрепанной, запачканной книге без начала и конца, — книге, которую уже нельзя и не стоит читать — ничего не поймешь в ней.

И когда он, улыбаясь ласково, шел мимо приплюснутых гнилых домов, мимо целаявых заборов и буйных зарослей крапивы, такой сказочный и жалобный, в памяти вставали, со страшного быстроото сменяя друг друга, образы лучших и любимых людей русской земли: бесконечной вереницей мимо сердца шли житийные люди, в страхе за душу свою удалявшиеся от жизни в леса и трупобы, от людей к зверям. Вспоминались стихи слепых и нищих, песнь об Алексии, божьем человеке, и множество красивых, но безжизненных образов, в которые Русь вложила свою напуганную, печальную душу, свое покорное, певучее горе» (XI, 81).

Горький хорошо был знаком с окурощиной, опутавшей людей сонных городков. Антипа — один из тех «зимних» людей, что не терпят открытых окон, проникновения свежего воздуха в свои душевные жилища. Эти «нормальные» люди старой Руси составляли оплот реакции.

Страх перед жизнью и отрешение от нее — и то и другое содействовало неподвижности, застылости действительности. Вот почему Нилушка не отталкивает, а наоборот, привлекает «злого колдуна». Он мечтает окружить дурачка ореолом святости, а затем, научив его повторять непонятные, но как бы полные таинственности слова, истолковывать их в удобном себе смысле. Легенда о праведнике, рожденном убогой жизнью, утешая, должна

была укрепить пассивное отношение к окружающему. Ведь этот новоявленный праведник не возвышался над жизнью, не обличал ее, не боролся с ней. «Всем известно, — говаривал Антипа, — что безумные да блаженные любезны господу превыше умников. Дело — премудрое, особенно, ежели вспомнить, что блаженные — во святых, а дерзновенные где?» (XI, 77).

Весьма характерен ответ Вологонова на вопрос о Нилушке: «Чего вы хотели от него, зачем учили разным словам?» «Это все-таки утешеньшко людипкам-то... Иной раз — жалко их, очень маятно живут, очень горько! А тут — жили-были стервы-подлецы, а нажили праведника!» (XI, 86). Эти слова явно переключаются с тем, что Горький писал в цитированном выше письме к Короленко по поводу легенды о Толстом. Они как бы служат ключом к раскрытию замысла рассказа.

Разоблачение мечты мещанина Вологонова вскрывало родственность крупного общественного и бытового явления. Однако сделано это без какого бы то ни было нарушения художественной правды рассказа. Горький создал в нем яркие образы старой Руси — защитника окостеневших форм жизни, безудержной в трате своих сил бабы-озорницы и блаженного юноши, воскресавшего в памяти жития праведников.

В ответ на высокую оценку, данную «Запискам проходящего» А. М. Коллонтай,²⁴ Горький писал: «Сердечно благодарю Вас за лестный отзыв о моих очерках. Скоро выйдут еще три, один из них, кажется, удачен. Вообще же все эти очерки многословны и скучны. Поверьте, что я говорю это не ради кокетства, а со зла, которое я, русский читатель, испытываю, читая русского писателя, хотя бы он и был столь близок мне, как Горький. Ибо не это сейчас нужно, не об этом надобно писать, и не так.

Очень жаль, что я лишен таланта публициста — сейчас Русь нуждается прежде всего именно в даровитых публицистах, в людях, которые, вырвав из своих грудей сердца, хлестали бы ими по харям моих земляков».²⁵

Отзвук публицистичности, которую Горький считал столь необходимой, можно найти и в «Сказках об Ита-

²⁴ В первую часть «Записок проходящего» вошли «Ледоход», «Покойник», «Женщина», «Губин», «Калинин», «Кладбище»; во вторую — «Нилушка», «На пароходе», «В ущелье».

²⁵ Архив Горького.

лии», и в «Русских сказках»; имеется она и в рассказах «По Руси». Но в каждом цикле публицистичность обрела свое индивидуальное выражение.

В цикле «По Руси» только в «Кладбище» публицистическая направленность была явно заострена, стала ведущей, педаром Горький считал рассказ сенсационным по теме. В других произведениях она проявлялась опосредствованно — в постановке проблем, в частности в выявлении активного и пассивного начала в русской психике, или в поводах написания рассказа («Нилушка»), в романтико-лирических размышлениях героя, в символике пейзажа, в социально заостренных афоризмах героев и самого автора.

Стремясь к органической слиянности всех элементов рассказа, Горький явно избегал в этом цикле проявления дидактизма и морализации.

Приведем пример художественного видоизменения горьковских оценок действительности в 1910-е годы. Ранние произведения нередко заканчивались авторскими сентенциями, подводившими итог изображенному. «Супруги Орловы» имели следующую концовку:

«Тяжелая дверь кабака, в котором сидел я с Орловым, то и дело отворялась и при этом как-то сладострастно повизгивала. И внутренность кабака возбуждала представление о какой-то пасти, которая медленно, но неизбежно поглощает одного за другим бедных русских людей, беспокойных и иных» (III, 176).

Такова же концовка в «Бывших людях»:

«В серых, строгих тучах, сплошь покрывших небо, было что-то напряженное и неумолчное, точно они, собираясь разразиться ливнем, твердо решили смыть всю грязь с этой несчастной, измученной, печальной земли» (III, 240).

В цикле «По Руси» Горький отказался от подобных обнаженных социальных концовок, заметив их зарисовками, таящими глубокий подтекст, и порой символическими образами. Грустный рассказ об обитателях нищей слободы Толмачихи завершился словами о раненом сердце:

«Через темное, мохнатое устье оврага видно солнце, оно опустилось ниже слободы, как будто навсегда хочет уйти в болотный лес. В красный диск

его воткнулись острые, черные вершины елей, и все вокруг красно, — словно раненое сердце истекает кровью» (XI, 87).

А вот конец рассказа «Кладбище», говорившего о необходимости помнить деяния «маленьких» людей во славу жизни:

«Когда мы шли мимо церкви, сквозь железные решетки окон в красную тишину вечера истекало, не нарушая ее, угрюмое брюзжанье, досадные возгласы; как будто спорили двое и один скороговоркою частил:

— Что-о ты сделал, что ты, что ты, что ты-и?..

А другой, изредка, устало откликался:

— Отста-ань, о-отстань...» (XI, 102).

5

Критика дала циклу «По Руси» положительную оценку. После 90-х годов это был один из немногих случаев почти полного единодушия.

Был высоко оценен и оптимистический настрой, и художественное мастерство рассказов.

«Творчество, утверждающее жизнь, — в этом главная сила таланта М. Горького, так явственно расцветшего в последних книгах»,²⁶ писал Н. Глебов. В статье «Радость жить» И. М. Василевский (Не-Буква) в свою очередь подчеркивал буйную силу горьковского таланта: «„Детство“, „По Руси“... Каждая страница этих огромных, еще не оцененных современностью книг так и кричит о расцвете сил, о новом подъеме сил этого огромного писателя... Все ярче и сильнее краски на палитре художника, все проникновеннее его глаз».²⁷

В то же время отказ от прямой публицистичности в цикле «По Руси», которая не исчезла, но была выражена более сложными художественными средствами, привел ряд критиков к несколько неожиданному выводу. Они заговорили о примирительном тоне в творчестве писателя. Так, М. Королицкий писал: «Настроение это — чувство известной как бы умиротворенности в противоположность к тому острому протестующему чувству,

²⁶ Журнал журналов, 1915, № 13, стр. 19.

²⁷ Там же, 1915, № 12, стр. 20.

какое звучало в произведениях первого периода».²⁸ С умиротворенностью связывал критик и ноты скорби, прозвучавшие в цикле «По Руси». Умиротворение он увидел и в рассказе «Покойник». Королицкому вторил А. Измайлов: «Идиллические примирительные тона обвевали картинку Горького. Здесь нет никакого обычного его протеста. И смерть, и человеческое злопыхательство, и горе старого пьянчужки он принимает с кротостью, умягченный и растроганный вечно и неомрачающейся красотой солнца и синего неба».²⁹

Формула «Они — свое, а ты — свое», так же как и другие афоризмы, свидетельствующие о протесте против узаконенных форм жизни, не были восприняты журналистами.

Было явно стремление истолковать новые произведения как воспоминания стосковавшегося по далекой родине писателя. Вот что писал о первых очерках «По Руси» М. Неведомский: «Отрезанный от непосредственного общения с русской действительностью, Горький, повинаясь этой общей тяге к реализму или даже являясь „зачинщиком“ в этой области, — принужден был прибегнуть к воспоминаниям. Все его последние вещи — это картины русской жизни, запечатлевшиеся в душе художника еще в пору его молодости. Есть что-то за душу хватающее в этой оглядке, в этих бытовых реминисценциях отторгнутого от родного быта художника».³⁰

Таким образом, отдавая дань таланту писателя, критика не раскрыла замысла цикла, весьма узко истолковав его заглавие. Любопытны оценки рассказа «Ледоход», который демократический читатель воспринял как призыв к противостоянию действительности (см., например, письмо молодого крестьянина Г. Колядина — Жизнь для всех, 1916, № 6). Писатель И. Сургучев писал автору: «А рассказ у Вас в „Вестнике Европы“ чудесный, молодой».³¹ Выделив из цикла «По Руси» рассказ «Ледоход», М. Пришвин справедливо утверждал, что «Там уж весь Горький высказался».³²

²⁸ Вестник Европы, 1916, № 5, стр. 403.

²⁹ Новая жизнь, 1913, № 4, стр. 124.

³⁰ Запросы жизни, 1912, № 8, стр. 495.

³¹ М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1934, стр. 307.

³² Литературное наследство, 1963, т. 70, стр. 324.

А вот З. Гиппиус, признавая в 1912 г., что «все последние романы, повести, рассказы Горького — очень хорошо написаны»,³³ увидела в «Ледоходе» лишь простенькую зарисовку, не дав себе труда пристальнее всмотреться в фигуру Осипа. Гиппиус писала, что рассказ «очень хорошо написан. Так выпукло, живописно, так ярк язык, что прямо с удовольствием пробегаешь краткие странички. Горький проваливается, когда сплится что-то сказать, выразить „идею“, думает о „смысле“, а ежели просто говорит, пишет о зрительном, — остается приятным художником».³⁴ Какой снисходительный тон! Но сам критик явно не уловил основную тенденцию рассказа, ясную другим, и не понял, чем именно дорог был Горькому лентяй, по в то же время и человек-воевода Осип. «Простая» картинка была совсем не простой.

Вдумчивый отзыв о Горьком-художнике дан в письме Е. А. Ляцкому. После появления «Губина» он писал: «Вы стали осторожнее в выборе красок и тоньше в отделке деталей, но то новое, что Вы приобрели в Италии, представляется мне громадным шагом вперед в Вашей писательской технике. Это — необыкновенная задушевность, с которой Вы говорите о природе, и любовное сочувствие, я бы сказал, сочувствие причастное, с каким Вы вкрапливаете в природу нелепые куски человеческой жизни». Отметив, что люди у Горького — «живая ткань коренной русской жизни», Ляцкий писал о «Губине»: «В природе, где все русское, и лес, и река, и купеческая усадьба, все верно себе, — есть что-то каприйское, каприйский воздух, какая-то упоительная теплота, но без русской дремы».³⁵

Как мы видели, в письмах к А. М. Коллонтай и Г. В. Плеханову Горький весьма критически отзывался о своих рассказах. Но в дальнейшем он согласился с критиками, отметившими исключительную выразительность его пейзажей и беглых зарисовок встречающих людей. Совету опубликовать в 1933 г. в «Литературной учебе» ряд очерков «по художественной технике», Горький предложил в качестве материала также свой цикл «По Руси».³⁶

³³ Русская мысль, 1912, № 8, стр. 25.

³⁴ Новая жизнь, 1912, № 12, стр. 207.

³⁵ Архив Горького.

³⁶ Архив А. М. Горького, т. X, кн. 2, стр. 321.

Глава пятая

1

Горький сразу же увидел Италию с необычной для других русских писателей стороны.

Русский изгнанник — еще недавно прогрессивная итальянская общественность протестовала против ареста и заключения его в Петропавловскую крепость — был тепло встречен на итальянской земле.

13 (26) октября 1906 г. он прибыл в Неаполь, а 15-го в его честь был организован многотысячный митинг. Произведения Горького стали известны в Италии с начала 1900-х годов.¹ Но было бы явным преувеличением сказать, что они широко проникли в народные массы. Вероятно, многие из итальянцев, пришедших на необычный митинг, не могли ответить на вопрос, что именно написал Горький, в его лице они чувствовали писателя-революционера, человека, отдавшего свои силы служению восставшему народу. Горький был для них вестником революции 1905 года, свидетельством того, что дух русского народа не сломлен. Так это и понял Горький, сказав в своем выступлении: «Когда говорят о моей революционной деятельности, я чувствую себя взволнованным и смущенным, потому что в большой революционной русской армии — я только рядовой. Принимая ваше приветствие, как адресованное революционной России, я благодарю вас за себя, за мою родину и от имени всего мирового пролетариата» (XXIII, 456).

¹ См.: Р. И. Хлодовский. М. Горький в современной итальянской печати. В сб.: Горький и зарубежная литература. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 242—246.

Восторженную встречу устроили Горькому жители Капри, куда он приехал 20 октября. В течение двух месяцев писатель получил множество приветствий от отдельных организаций и лиц. Каприйское общество взаимопомощи рабочих избрало его своим почетным членом, один из городов, по свидетельству писателя, предложил ему почетное гражданство.² В ноябре в Риме вышла однодневная газета «Massimo Gorki», выдержавшая два издания. Журнал «Germinal» в том же ноябре посвятил писателю специальный номер (№ 11).

Теплая встреча, убедившая в огромном интересе к России, еще больше подняла настроение Горького. В декабре он пишет Е. К. Малиновской: «Я живу в восторге, в страшно повышенном настроении, — каждый день все более убеждает меня в близости революции всемирной. Здесь, в Италии, удивительно хорошо относятся к русским, — больше всех европейцев интересуются ими, больше всех пишут о них» (XXVIII, 444).

Первое приобщение к жизни и искусству Италии должно было поддерживать возвышенно-бодрое настроение. Вот одно из свидетельств писателя (март, 1907 г.): «Только что — 26-е — возвратился из Рима — он произвел на меня удивительно сильное впечатление. Мне кажется, что я впитал в себя волну духовного здоровья, бодрости, вера в жизнь, в силу духа человеческого поднялась, все в душе кипит, я чувствую себя крепким, энергичным, способным на многое».³

Впечатления от старой Италии сплетаются с раздумьями об Италии новой. В ноябре Горький пишет: «Флоренция меня страшно захватила и своей красотой, и обилием предметов искусства, и тем, что из-за каждого угла здесь смотрят тебе в лицо спокойные глаза Истории, возбуждая в душе такие светлые и бодрые надежды на будущее человечество. Чудесный город!».⁴ Как непохоже это на восприятие А. Блока, писавшего: «В Италии

² Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 20.

³ Там же, стр. 24. — В статье «О Финляндии» (1907) Горький писал: «...нигде насилие над человеком не кажется столь гнусным, столь пагубным, как здесь, в стране Джюрдано Бруно и Гарибальди, в стране Коло-ди-Риенци и Мадзини» (Новый мир, 1928, № 4, стр. 170).

⁴ Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 38.

пельзя жить. Это самая нелитературная страна — жизни нет, есть только искусство и древности. И потому, выйдя из церкви и музея, чувствуешь себя среди какого-то нелепого варварства».⁵

Отношение к итальянскому народу кристаллизовалось у Горького в свете больших и бодрых надежд. Но воспоминаниям Сибиллы Алерамо, он особенно ценил в итальянцах чувство собственного достоинства.⁶ Это подтверждается словами самого писателя: «Любят меня здесь, да и я люблю этих людей — чудесный народ! Сколько чувства собственного достоинства у них, какая живая отзывчивость ко всему хорошему!».⁷

Горький говорил о каприйцах. Однако существует немало свидетельств о его популярности далеко за пределами острова, где он поселился. Об этой популярности корреспондент газеты «Новый день» сообщал, например: «Пищущему эти строки приходилось встречать в северной Италии в квартирах рабочих и крестьян лубочный портрет Горького рядом с портретами Гарибальди и Маркса».⁸

Весьма характерен следующий факт. Не к прославленным итальянским писателям, а к писателю-изгнаннику обратился в 1912 г. Общество взаимопомощи рабочих городка Сан-Мауро ди Романья, пожелавшее почтить память поэта Джiovанни Пасколи, который родился и жил в Сан-Мауро. Необходима была надпись для мемориальной доски на доме поэта. Председатель Общества писал Горькому: «Помня, что Джiovанни Пасколи живительным огнем своего духа, силою своей поэзии побуждал народ Италии братски любить простой русский народ, который боролся и борется за свое возрождение, помня, что Джiovанни Пасколи любил Максима Горького и сам загорался гарибальдийским пламенем его борьбы, — собрание полагает, что только Вы можете составить надпись (хотя бы несколько строк) о связи поэта с его родиной и о его чудесных творениях».⁹

⁵ А. Блок. Письма к Е. П. Иванову. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 70.

⁶ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 250.

⁷ Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 65.

⁸ Новый день, 1909, № 1, 20 июня.

⁹ Горьковские чтения. 1953—1957. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 614.

26 августа (8 сентября) 1912 г. состоялось торжественное открытие мраморного медальона Пасколи, выполненного скульптором Гольфарелли. Под изображением Пасколи были приведены слова Горького: «Умирает человек — Народ бессмертен и бессмертен Поэт, чьи песни — бленние сердца его Народа».¹⁰

Более близкое общение с итальянским народом позволило Горькому изобразить современного итальянца иначе, чем это было сделано в русской художественной и очерковой литературе. Восхищенные «гулом преданий», современники Горького стремились главным образом подчеркнуть былое величие страны. Современная Италия воспринималась ими как духовно обнищавшая страна-музей. Вспомним «Флоренцию» А. Блока.

Итальянец сегодняшнего дня показывался обычно как нерадивый наследник неисчислимых сокровищ. Очеркисты-путешественники создавали стандартный образ бездельника-весельчака, беспечного гида богатых посетителей прекрасной страны.

В 1910-е годы подобная односторонность начала бросаться в глаза. Быстрый экономический рост страны, все большее и большее вовлечение ее в общеевропейскую политику заставили обратить внимание на эти стороны жизни. Восторженное восприятие искусства и природы Италии столкнулось с необходимостью взглянуть в быстро меняющееся лицо ее городов. Очеркисты-публицисты стали уделять преимущественное внимание общественно-политическому облику страны.¹¹ Однако и здесь итальянцу-труженику было уделено весьма скромное место.

Подобно многим соотечественникам, Горький был увлечен искусством итальянских мастеров и красотой итальянской природы. Глубоко волновало писателя и прошлое приютившей его страны. По, знакомясь со старой Италией и искусством ее старых городов, он пытался уловить не разрыв, а органическую связь прошлого с настоящим.

В предисловии к книге «Моя Италия» А. Трубников пояснял: «Я писал о минувшей, старой ее красоте; в та-

¹⁰ Современник, 1912, № 10, стр. 372.

¹¹ См., например: М. Осоргин. Очерки современной Италии. М., 1913; В. Бухгейм. По Италии. М., 1914; Современный Рим. Сборник. М., 1914; П. Рысс. Италия. Пгр., 1916.

ком смысле „Сказки Италии“ выражали бы точно мысль: старая Италия нашептывает сказочное, сказочными кажутся рассказы стариков и старая быль тоже сказка».¹² Итальянские рассказы Горького говорили, что старые легенды и предания прекрасны, но жизнь не стоит на месте, творчество народа неиссякаемо, он творит новые сказки, и вновь заставляет восхищаться собою.

«Жива Италия!» — вот утверждение, резко выделившее рассказы Горького из потока произведений об этой стране.

2

Процесс «проникновения идей социализма в быт», наблюдаемый Горьким в рабочем движении России и Европы, сильно волновал его как художника в течение многих лет. Художественное изображение этого процесса должно было найти место в нереализованной повести «Сын». Оно же стало главенствующим в «Сказках об Италии».

Писатель хотел запечатлеть в них не образы исключительных людей и не героические эпизоды национально-освободительной борьбы итальянцев, а образы рядовых представителей народа, у которых борьба за социализм стала повседневным делом.

Формирование социального сознания человека — центральная тема итальянского цикла. Жизнь, какова она есть и какую может стать в результате преобразующей энергии коллектива, в результате его желания украсить землю родины — вот основная мысль «сказок».

Отдавая дань таланту Гоголя, Горький, как известно, не любил его. И дело было не столько в неприятии романтизма Гоголя, как об этом обычно пишут, сколько в ассоциировании имени писателя с призывом пожалеть «маленького» человека. Горький считал, что время «Шинели» бесповоротно прошло и давно пора заговорить о «маленьком» человеке как огромной жизнеутверждающей силе. Реальная повседневность давала обильный материал для возникновения овеянных романтикой рассказов о простых тружениках.

Тема труда заняла главенствующее место в «Сказках об Италии» (забастовка в Неаполе, постройка Смплон-

¹² А. Трубников. Моя Италия. СПб., 1908, стр. 5.

ского туннеля), с нею связаны и другие темы «сказок» — радость творчества, любовь к родине и свободе, классовая солидарность. О непобедимости коллективной воли говорили рассказы о встрече в Генуе детей забастовщиков Пармы (сказка III), о дружбе крестьян с солдатами, посланными на умирение (сказка XIV). Тема труда предопределила и рассказы о людях, которые полюбили своих ближних «живой любовью».

Горький показал как организаторов социалистического движения, так и людей, воспринимавших идеи социализма из уроков собственной жизни. Старый Чекко (сказка XX) не был социалистом, но он отлично понял, чем вызвано заключение в тюрьму его сыновей — организаторов забастовки текстильщиков.

Значительная часть «сказок» была посвящена вопросам этики, раскрытию глубины и чистоты человеческих отношений. Желание очеловечить, украсить и ошоэтизировать жизнь — вот черты, унаследованные, по мысли Горького, итальянцами от своих великих предков.

Рассказы об Италии проникнуты глубоким лиризмом. Образы торговки Нунчи — лучшей танцовщицы квартала, будущего поэта — мальчика Пепе, рыбака Дживованни Туба, влюбленного в море, говорят о тонком восприятии красоты жизни, несмотря на ее тяжесть, рядовыми представителями народа. Горький высоко ценил умение итальянцев преодолевать будни, чего так не хватало русскому человеку, задышавшемуся в путях обыденности. Эта поразившая писателя черта была не раз отмечена в «сказках», в том числе и в «сказке» о празднике пасхи, превращенном в праздник весны, в красивое театрализованное зрелище. Рядом с этими праздниками писатель рисует и празднества новые (встреча детей Пармы), свидетельствующие о тяготении к иным формам жизни.

Через все рассказы проходит мысль о талантливости народа, которая проявляется в любви к искусству — пению, танцу и музыке, в тонком восприятии природы, в появлении в гуще народа своих поэтов.

Горького волновали проблемы, которые важны были для раскрытия итальянской темы и в то же время были тесно связаны с темой русской. Такова, например, проблема культурного наследия, которому публицисты типа Д. Мережковского предрекали гибель в случае победы

революции. Между героями «сказки» XVII рабочим-социалистом Трамой и известным инженером-изобретателем происходит знаменательный разговор, показывающий, что пролетариат считает себя прямым наследником духовной культуры человечества. «... почему Джордано Бруно, Вико и Мадзини не предки мои — разве я живу не в их мире, разве я не пользуюсь тем, что посеяли вокруг меня их великие умы?» — говорит социалист (X, 101, 102).

Горький не ставил перед собой задачу воспроизвести быт итальянцев, рассказы о них лишены этнографического палета. Вместе с тем «сказкам» несомненно присущ итальянский колорит, сказавшийся в отображении наиболее примечательных сторон ее экономической и социально-общественной жизни, в зарисовках людей, в воспроизведении картин природы.

Была отмечена специфическая особенность итальянской жизни — невозможность многим найти работу у себя на родине и в силу этого массовая эмиграция в Южную Америку.

«Если жизнь стала такова, что человек уже не находит куска хлеба на земле, удобренной костями его предков, — не находит и, гонимый нуждою, уезжает, скрепя сердце, на юг Америки, за тридцать дней пути от родины своей, — если жизнь такова, что вы хотите от человека?

Кто бы он ни был — все равно! Он — как дитя, оторванное от груди матери, вино чужбины горько ему и не радует сердце, но отравляет его тоскою, делает рыхлым, как губка, и, точно губка воду, это сердце, вырванное из груди родины, — жадно поглощает всякое зло, родит темные чувства» (сказка XVIII).

Эмиграция, нередко влекущая за собой сложные человеческие конфликты, до сих пор является одним из самых острых вопросов итальянской жизни. В январе 1967 г. итальянская Компартия созвала национальную конференцию по проблеме эмиграции, которая, по словам Джорджо Амендола, «собирает в себе все противоречия итальянского общества».¹³ В мае 1968 г. Луиджи Лоппо обратился к молодежи с призывом «изменить Италию,

¹³ Правда, 1967, № 6, 6 января, стр. 3.

где постоянно имеются миллионы безработных и сотни тысяч молодых вышуждены каждый год покидать свой кров и свои семьи и эмигрировать за границу». ¹⁴ Расширилось лишь число стран, не использующих итальянскую безработицу. По официальным данным, только за один 1967 год Италию покинуло 228 тысяч человек. ¹⁵

Был отмечен в «сказках» и не исчезнувший до сих пор резкий контраст между индустриальным севером и земледельческим югом страны. Контраст этот проявлялся не только в материальной, но и в духовной жизни людей. Показывая страшную власть старых традиций и предрассудков, Горький вместе с тем раскрывал силу чувств, в основе которых лежали чистые представления о любви и чести.

Писатель назвал свои рассказы сказками жизни, но это не значило, что он давал положительную оценку итальянской действительности. Противоречия капиталистического мира остро ощущались художником, бросившим гневный упрек в лицо буржуазной Франции и зло высмеявшим капиталистическую Америку. Не мог он не дать и соответствующей оценки Италии, которая перешла «от эпохи войн национально-освободительных к эпохе войн империалистски-грабительских и реакционных». ¹⁶ Итальянский народ был резко противопоставлен представителям командующих классов, его правительству. В связи с землетрясением в Калабрии и Сицилии, разрушившим в 1908 г. Мессину и ряд прибрежных селений, Горький писал: «Где оно, государство, которое дорожило бы жизнью граждан? Стремилось бы как можно лучше вооружить народ в его борьбе с природой? Заботилось бы о расширении знаний массы — знаний, необходимых ей в труде и борьбе? Где существует администрация, организованная в интересах народа, а не в целях порабощения его?»

Ничего подобного нет и не может быть, пока сам народ не почувствует себя главной силой земли и хозяином ее». ¹⁷

¹⁴ Ленинградская правда, 1968, № 112, 14 мая, стр. 3.

¹⁵ Там же, 1968, № 111, 12 мая, стр. 3.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 14, 15.

¹⁷ М. Горький, В. Мейер. Землетрясение в Калабрии и Сицилии. Изд. «Знак», СПб., 1909, стр. 66.

«Сказки об Италии» отобразили борьбу между двумя мирами. Не вымысел, а сама действительность легла в их основу.

Мы не знаем, слышал ли Горький рассказ, вложенный им в уста строителя Симплонского туннеля, и был ли он свидетелем разговора инженера-изобретателя с рабочим социалистом, по в основе многих «сказок» о человеке-организаторе мира лежат факты, почерпнутые из материалов рабочего движения Италии и собственных наблюдений писателя. Он стремился показать *типичные случаи* итальянской жизни, выявить наиболее характерные черты ее.

Неаполитанская забастовка трамвайных служащих, длившаяся с середины августа по 3 сентября 1911 г., изобиловала эпизодами, которые напоминали то, что было изображено в первой «сказке», опубликованной до этих событий в январе того же года. Горький, по-видимому, был свидетелем редких подобных сценок. Вот краткие извещения о неаполитанской забастовке собственного корреспондента «Русского слова».

«16 VIII. В Неаполе произошла бурная забастовка трамвайных служащих. Рельсы были загромождены камнями. Забастовщики производили нападение на вагоны» (Русское слово, 1911, № 188, 17 августа).

«25 VIII. В Неаполе происходят бурные выступления бастующих рабочих и служащих трамвая. Дети и жены забастовщиков с целью воспрепятствовать движению вагонов ложатся на рельсы» (там же, № 196, 26 августа).

Встреча детей Пармы в свою очередь отобразила ставшее типичным явление — коллективную заботу о детях бастующих. В прессе можно найти немало сообщений об этом. Уведомляя, например, о забастовке на о. Эльба (она длилась несколько месяцев), «Русское слово» писало: «Предстоит вывоз детей бастующих рабочих для размещения их в семьях рабочих по всей Италии» (1911, № 171, 26 июля). Вскоре газета сообщила, что Бюро труда готовит малышам радостную встречу (1911, № 181, 6 августа).

Была затронута в рассказах роль церкви в жизни итальянцев. «Сказка» о любви социалиста и религиозной девушки, раскрывавшая столкновение старого мировоззрения, поддерживаемого церковью, с мировоззрением социалистическим, напоминала о частых трагедиях на этой

почве. Характерно, что в автобиографическом произведении итальянского коммуниста Д. Джерманетто «Записки цирюльника» в качестве передкого бытового случая воспроизведен эпизод личной жизни (разрыв с невестой), весьма напоминающий коллизию горьковского рассказа.¹⁸

Реальные факты легли и в основу бытовых «сказок». Горький сообщил Е. П. Пешковой, что был свидетелем сценки, запечатленной им в рассказе о полуденном обеде мостовщиков,¹⁹ а в письме к И. А. Бушину рассказал о неаполитанском случае — соревновании дочери с матерью.²⁰ Оно было изображено затем в «сказке» о веселой Нунче.

В итальянском цикле нашли также отражение материалы, заимствованные из судебных процессов. В «сказке» о старом Чекко, который гордился сыновьями-социалистами, угадавшими думы его сердца, слышится отклик на судебное преследование двух итальянцев в Америке (о нем сообщала и русская печать: Русское слово, 1912, № 130, 7 июня). Сюжетом XVIII «сказки», рисующей представления итальянцев-южан о браке и семейной чести, послужил пашумевший судебный процесс о кровавой истории, происшедшей в Аввеллипо в Кампанье, о котором, как типичном явлении юга Италии, говорилось в статье Г. Христиана, опубликованной в редактируемом Горьким «Современнике».²¹ Г. Христиан жил некоторое время на Капри, и статья, очевидно, была отослана в журнал самим Горьким. Он не имел ничего против напоминания о жизненной основе опубликованного им рассказа.

Приведенные примеры убедительно говорят о локально-реалистической основе горьковских «сказок». Писателя интересовало то повее, что рождалось в итальянской

¹⁸ Д. Джерманетто. Записки цирюльника. Из воспоминания итальянского революционера. Изд. «Молодая гвардия», М., 1935, стр. 64, 65.

¹⁹ Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 113.

²⁰ Горьковские чтения. 1958—1959. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 67.

²¹ Г. Христиан. Письмо из Рима. Итальянка. Современник, 1912, № 12, стр. 332—334. — В рассказе Горького три убийства, но это не искусственное нагромождение. В действительности кровавая история имела свое продолжение. Под воздействием односельчан вернувшийся муж убил выздоровевшего итальянца. Горький ограничился лишь частью этой истории.

жизни, находя опору в старых традициях или же противостоя им.

Возникает естественный вопрос: знал ли Горький язык страны, о которой собирался писать, и тем самым приобрел ли он возможность более тесного общения с итальянцами? Горький владел итальянским языком в пределах, позволяющих чувствовать себя свободно среди тех, кто привлек его внимание художника, но не решался говорить с итальянцами-интеллигентами, предпочитая помощь переводчика.²²

Мне приходилось слышать от итальянских литературоведов, что «сказки» Горького далеки от настоящей Италии. О том же говорит статья В. Джусти «Максим Горький и Италия», в которой значительное место занимает оценка итальянского цикла.²³

В. Джусти кажется узким избранный Горьким круг героев (бедняков и отверженных) и потому не дающим подлинного представления о стране. Критик находит горьковскую Италию условной, не отражающей Италию, которая готовилась отметить 50-летие своего национального освобождения. Но, как сказано выше, Горький не хотел обращаться к прошлому Италии,²⁴ его привлекло изображение современного пролетария как достойного наследника тех, кто объединил его родину. В «сказках» отмечено стремление к подлинной свободе и демократизм итальянского народа. Раздумья о социальном неравенстве характерны уже для многих.

Для В. Джусти в сущности неприемлем угол зрения Горького, «способ» его изображения итальянской жизни. И здесь не только неприятие революционно-романтиче-

---

²² Сохранились воспоминания о чтении Р. Бракко Горькому, видимо, в 1909 г. пьесы «Маленький святой», о которой тот «в виде любезного исключения» сказал автору по-итальянски: «Ваш „Маленький святой“ — большое произведение искусства. Эта драма будет иметь огромный успех в России» (Горьковские чтения. 1953—1957, стр. 601). Перевод пьесы «Почти святой» М. Ф. Андреевой появился в «Библиотеке для театра и искусства» (1911, № 3).

²³ *Annali, Sezione slava*, v. II. Napoli, 1959, pp. 71—120.

²⁴ На столетний юбилей рождения Гарибальди Горький откликнулся воспоминанием о том, как он в первый раз услышал о Гарибальди. Оно было опубликовано в юбилейном сборнике, изданном в Риме (*Garibaldi. Comitato universitario per le onoranze a Garibaldi*. Roma, 1907).

ского пафоса писателя, но и дасть установившейся в итальянской литературе традиции.

Итальянские реалисты изображали обычно жизнь отдаленных областей: Д. Верга писал о деревне Сицилии, М. Серао отображала неаполитанский быт, Г. Деледда связана с Сардинией. Авторы тяготели к воспроизведению специфических черт характера и речи своих персонажей. В основе языка героев — местные наречия. Подобное тяготение характерно и для современной итальянской литературы: римляне в центре внимания Л. Моравиа, неаполитанцы — Э. Де Филиппо и т. д.

В статье «Неаполитанский театр» (1910) А. Луначарский отметил, что в пьесах Р. Бракко из неаполитанской жизни, которые были написаны на литературном языке, современники увидели удаление писателя «от родного народа, даже фальшь, потому что речи простолюдинов, переведенные на итальянский язык, звучат книжно и отрываются от неистощимых родников живого языка».²⁵

Работа над языком героев «сказок» безусловно шла вразрез с установившейся итальянской традицией, и это, видимо, вместе с отсутствием специфических черт быта вызывает особое «недоверие» итальянских литературоведов к горьковским зарисовкам. В. Джусти не увидел в них ничего характерного для неаполитанцев, лигурийцев и т. д. Писателю, как пишет он, не хватило «жизненных соков» для их изображения, отсюда упрек в том, что итальянцы в «сказках» скорее символы, чем реальные люди.

Горький действительно не воспроизвел игру чужой речи. Но не только недостаточное знание чужого языка поменяло тому. Дело было в том, что автор «Сказок об Италии» не ставил своей задачей «наградить» изображаемого им итальянца особыми «местными приметам». Пафос его рассказов в ничем. Русский писатель стремился проникнуть в *дух нации* и показать наиболее типичные, с его точки зрения, черты народной психологии. Не неаполитанец или калабриец как таковые интересовали его, ему было важно подметить то общее, что позволяло говорить о них как о представителях итальянского народа. Это была Италия, увиденная глазами чужестранца-друга.

²⁵ А. В. Луначарский, Собр. соч., т. VI, изд. «Художественная литература», М., 1965, стр. 400.

Удалось ли Горькому достичь поставленной цели? На этот вопрос следует ответить утвердительно.

То, что Горький изображал в ту пору, может быть, и не было столь распротрапленным. Во всяком случае, итальянская литература изображала «маленького» человека Италии в ином аспекте. Но Горькому безусловно удалось постичь то, что было уже проявлено в жизни и обещало все более утвердиться.

В статье «Горький о Мессине» А. Блок писал, что книга Горького о землетрясении в Калабрии и Сицилии помогла увидеть лицо «подлинного, неподдельного, обыкновенного человека», на котором было написано одновременно: «Как жалок человек и как живуч, силен и благороден человек». Этот человек «поступает страшно просто, и в этой простоте только сказывается драгоценная жемчужина его духа».²⁶

Вот эту-то жемчужину духа, проявленную в простых поступках, в простой, но высокой народной мудрости, Горький и показывал прежде всего в «Сказках об Италии».

Когда русские зрители увидели итальянцев в фильмах неореалистов («Крыша» де Сика, «Два гроша надежды» Кастеллани и др.), они встретились с ними как с давними знакомцами, воскресившими в памяти итальянцев Горького.

Отличительным признаком демократической литературы Горький считал пафос. «Пафос — это как раз то самое, чего не хватает современной литературе и что положительно необходимо для современного человека»,²⁷ — писал он жене в мае 1907 г. О том же скажет он в статье «Разрушение личности».

С понятием «пафос» писатель связывал оптимизм мировосприятия, активное отношение к жизни, страстное стремление к ее переделке. Подобный пафос был присущ ему с первых же шагов вступления в литературу. Критики долгое время не принимали горьковского освещения действительности, обвиняя писателя в тенденциозности. Это было верхом несправедливости, так как подобный взгляд на жизнь — неотъемлемая часть его художествен-

²⁶ А. Блок. Собр. соч., т. V, изд. «Художественная литература», М.—Л., 1962, стр. 381, 384.

²⁷ Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 30.

ного мышления. Горький как-то сказал, что является человеком, органически настроенным высоко, — это был отличительный признак его духовного облика. В автобиографической трилогии убедительно показано, как вызревало чувство социального пафоса у подростка и юноши, наивно мечтающего о победе над злом. Истоками этого пафоса служили суровая жизненная правда и романтически-рыцарская мечта о защите угнетенных. Недаром С. Елпатьевский назвал писателя в одном из своих писем Ерусланом Лазаревичем и Гуаком-Непреоборимая верность. Горький с улыбкой встретил дружескую шутку, напомнив, однако, что нельзя забывать о том, что он — «кубический социал-демократ» (XXIX, 122), иными словами, о том, что основой его идеала служит уверенность в реальной победе социализма.

Горький был огорчен непониманием критикой основной тенденции его творческого развития. Вот почему ему так понравились статьи Д. Н. Овсяннико-Куликовского, который отметил у него «давнее и постоянное стремление проповедовать действительное, активное отношение к жизни».²⁸

А. В. Луначарский писал, что критический реализм страдал отсутствием «революционной страсти, то есть он был слишком мало романтичен».²⁹ Революционный романтизм, вера в близкую победу социализма были основой горьковского миропонимания. Опираясь на его творчество, критик-марксист заговорил в 1907—1909 гг. о рождении нового творческого метода, о том, что «представителем нового фазиса русской литературы в ее основном русле является романтик Горький» и что «малопомалу вокруг него группируется новая школа».³⁰ В «Сказках об Италии» позиция Горького — человека и художника — нашла свое ярчайшее выражение.

О том, что Горькому действительно удалось подметить нечто характерное в жизни людей труда, говорят отзывы ряда итальянских читателей, более близко знакомых с народной жизнью, чем критики. Так, вспоминая свою юность, Д. Джерманетто писал: «... он сумел пока-

²⁸ М. Горький. Материалы и исследования, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1944, стр. 137.

²⁹ Очерки философии коллективизма. Сборник первый. СПб., изд. «Знание», 1909, стр. 266.

³⁰ Там же, стр. 259.

зять нам в очаровательной рамке прекрасной природы Италии, в правдивых словах весь быт, нищету, бедность, страдания, героическую борьбу итальянского народа... Он научил меня лучше и глубже видеть народ, из недр которого я вышел».³¹

Характерно и более раннее свидетельство Р. Бракко, который сказал о Горьком в 1910 г.: «Он радостно волнуется, думая о более тесных сношениях между его любимой родиной и Италией, в которой он восхищается тем и любит даже то, чем мы, итальянцы, не умеем восхищаться, что мы не умеем любить в достаточной мере. И как много он знает о нас!».³²

Данное свидетельство особенно важно, так как высказано в пору, когда Горький задумал свои «Сказки об Италии».

То, что для итальянца стало обычным, не вызывающим восхищения, русским писателем было воспринято как особо выразительное, характерное. Примечательно, что Бракко не возражает против горьковского восприятия, а, наоборот, признает: «как много он знает о нас!».

3

В итальянском цикле центральное место занимают «сказки» о Матерях. Горький сразу же поставил их рядом и не разъединил затем.

Разрыв с традициями русской литературы в изображении женщины Горький считал одной из наиболее отвратительных примет литературы эпохи реакции. «Сказки об Италии», так же как и рассказы о женщинах из цикла «По Руси», противостояли в этом плане пашумевшим произведениям.

В то время как многие литераторы были увлечены воспеванием власти инстинкта, бунта плоти, Горький заговорил о женщине-матери как символе творческой силы (она неутомимо родит великих и малых творцов жизни), как олицетворению любви к миру. Сила женщины-матери проявляется, по мысли писателя, не в слепой материнской любви, а в осознании женщиной своей

³¹ Вестник Академии наук СССР, 1942, № 7—8, стр. 41.

³² Горьковские чтения. 1953—1957, стр. 602.

ответственности за творческое развитие жизни.³³ Ниловна показана подымавшейся над любовью к сыну и почувствовавшей, что у нее много сыновей. Эта же мысль вспыхивает в XXIV «сказке». Мать стоит в горьковском творчестве в одном ряду с Человеком с большой буквы.

«Сказки» о Матерях (IX—XI) — гимн во славу женщины. «Прославим женщину-мать, неиссякаемый источник все побеждающей жизни!» — так начинается легенда о Тамерлане.

Что послужило толчком к возникновению замысла о столкновении двух начал — разрушения и утверждения жизни. Некоторые литературоведы ищут ответа непосредственно в литературе о Тамерлане.

Автор содержательной статьи «Самаркандские легенды Горького» Л. Н. Ульрих полагает, что «мотив матери, потерявшей и ищущей сына», писатель мог почерпнуть из легенд о Тимуре, приведенных в книге Г. Н. Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М., 1899).³⁴ Однако есть основания полагать, что «сказка» была написана до чтения указанной книги. Упоминание о том, что «Восточные мотивы» прочитаны с наслаждением «недавно», датировано июнем 1912 г.; «сказка» же появилась в «Киевской мысли» 31 октября предшествующего года. Признание «недавно» трудно отнести к 8-месячному сроку.

С целью выявить источник «мотива матери» В. Г. Чеботарева в свою очередь сопоставила горьковскую легенду с чечено-ингушским фольклором о Тимуре, обнаружив при этом в одной из легенд близкую к горьковскому тексту беседу Тамерлана с женщиной из Индии, которая пришла к нему в поисках сына.³⁵ Эта догадка также не кажется достоверной. Неизвестно, во-первых, был ли знаком Горький с чечено-ингушским фольклором о Тимуре (он не был опубликован), а, во-вторых, запись наиболее близкой легенды, приводимой Чеботаревой, осу-

³³ См. оценку Горьким своих «сказок» о Матерях в письме к Н. В. Чертовой (XXX, 62).

³⁴ Горьковские чтения. 1959—1960. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 197.

³⁵ В. Г. Чеботарева. К вопросу о взаимовлиянии литератур. (Чечено-ингушские легенды о Тимуре и сказка М. Горького). Изв. Чечено-ингушского научно-иссл. инст. при Совете министров Чечено-ингушской АССР, 1962, т. III, вып. 3, стр. 47.

ществлена не так давно, и не исключена возможность иной связи — воздействия на фольклорный текст широкой известной горьковской «сказки». Отсюда могла возникнуть и явная переключка.

Мотив поиска похищенного ребенка связан в фольклоре не только с легендами о Тимуре. Нередок он и в сказке литературной; Г. Андерсен использовал его в своей всемирно известной сказке «Мать». Это несомненно один из источников, питавших горьковские раздумья о роли и значении матери. Эпиграф из Андерсена, предпосланный итальянскому циклу, и близость ряда мотивов в сказке «Мать» и в горьковской легенде позволяют говорить, что, будучи хорошо знаком с этой сказкой, Горький хотел дать принципиально иную трактовку материнской любви, чем у Андерсена.

Мать датского сказочника обладает самоотверженной любовью. В поисках ребенка, похищенного Смертью, она отдает тем, кто указал ей путь в царство вечного сна, все свои сокровища: красоту, чудесные волосы, ясные глаза. Она не боится страданий и согревает на своей груди больно ранившие ветки терновника. Она просит вернуть ей ребенка.

Но когда Смерть — хранительница цветов, олицетворяющая детские души, — показывает матери будущее двух детей (из которых один ее ребенок) — лучезарное и полное печали и несчастий, та покорно склоняется перед неумолимой Судьбой, не надеясь на счастье для своего малыша. Смерть оказывается сильнее женщины-матери, предначертанные законы жизни разумнее ее слепой любви. Женщина-мать, совершившая подвиг самоотречения, побеждена их неоспоримой логикой, короткий бунт сменяется тихой покорностью.

«Какая же судьба ожидала моего ребенка? Скажи мне! Спаси невинного! Спаси мое дитя от всех этих бедствий! Лучше возьми его! Унеси в царство божие! Забудь мои слезы, мои мольбы, все, что я говорила и делала!» — так говорит Мать у Андерсена.

Мать горьковской сказки не менее самоотверженна. Образ Смерти заменен в ней образом того, кто сеял вокруг себя смерть и разрушение. Грозный покоритель мира, Тимур, спрашивает мать:

«Женщина! Как же ты пришла из этой страны, неведомой мне, через моря, реки и горы, через леса?»

Почему звери и люди, — которые часто злее злейших зверей, — не тронули тебя, ведь ты шла, даже не имея оружия, единственного друга беззащитных, который не изменяет им, доколе у них есть сила в руках? Мне надо знать все это, чтобы поверить тебе и чтобы удивление пред тобою не мешало мне понять тебя!» (X, 42).

И ответила мать:

«Море я встретила только одно, на нем было много островов и рыбацких лодок, а ведь если ищешь любимое — дует попутный ветер. Реки легко переплыть тому, кто рожден и вырос на берегу моря. Горы? — я не заметила гор. . . Были леса по дороге, да, это — было! Встречались вепри, медведи, рыси и страшные быки, с головой, опущенной к земле, и дважды смотрели на меня барсы, глазами, как твои. Но ведь каждый зверь имеет сердце, я говорила с ними, как с тобой, они верили, что я — Мать, и уходили, вздыхая, — им было жалко меня! Разве ты не знаешь, что звери тоже любят детей и умеют бороться за жизнь и свободу их не хуже, чем люди?» (X, 43).

Воину-барсу, сопернику Смерти в сборе богатого урожая, противостоит не менее сильный соперник в лице Матери как вечного источника Жизни. В сердце горьковской героини нет ничего похожего на смирение. Не просить, а *требовать* пришла она. И покорно склонился перед силой *действенной* любви Матери, основанной на сознании, что сын ее — лучший ребенок мира, будущее украшение его, сам железный Тимур-ленг — олицетворение грозного разрушения.

«Вот — сидит предо мною женщина, каких тьмы, и она возбудила в душе моей чувства, неведомые мне. Говорит она мне, как равному, и она не просит, а — требует. И я вижу, понял я, почему так сильна эта женщина, — она любит, и любовь помогла ей узнать, что ребенок ее — искра жизни, от которой может вспыхнуть пламя на многие века» (X, 44).

Любовь победившей матери — любовь творческая, основанная не только на сильном желании блага своему ребенку, но и на чувстве гордости за рожденного ею человека.

В связи с центральной проблемой о борьбе двух начал — разрушения и созидания — в «сказках» был поставлен вопрос о долге женщины — матери и гражданки.

В легенде об осажденном городе, в котором родился и вырос тот, кто мечтает разрушить его, любовь к Родине раскрывается в сложном столкновении чувства гражданского долга с материнской любовью.

«Гражданка и мать, она думала о сыне и родине: во главе людей, разрушавших город, стоял ее сын, веселый и безжалостный красавец; еще недавно она смотрела на него с гордостью, как на драгоценный свой подарок родине, как на добрую силу, рожденную ею в помощь людям города — гнезда, где она родилась сама, родила и выкормила его. Сотни неразрывных нитей связывали это сердце с древними камнями, из которых ее предки построили дома и сложили стены города, с землей, где лежали кости ее кровных, с легендами, песнями и надеждами людей — теряло это сердце ближайшего ему человека и плакало: было оно как весы, но, взвешивая в нем любовь к сыну и городу, она не могла понять — что легче, что тяжелей?» (X, 53—54).

Марианна убила сына-полковника, когда убедилась, что понятие «родина» чуждо его сердцу, что опьяненный славой победителя он способен только разрушать. «И тот же нож, еще теплый от крови его — ее крови, — она твердой рукою вонзила в свою грудь и тоже верно попала в сердце, — если оно болит, в него легко попасть» (X, 58).

В свете этой легенды воспринимается и рассказ о женщине-итальянке, убившей сына-урода, который вызывал мысль о вырождении итальянской нации.³⁶

Горький дорожил отзывами читателей о своих легендах. Об успехе «Сказки» о Тимуре у женщин-читательниц свидетельствовало письмо И. Сургучева, сообщившего автору: «Приехала мать и читал я ей Вашу сказку. Она ничего не сказала — и только гордо и молчаливо улыбнулась, и улыбку такую я увидел у нее за 31 год первый раз... Хорошая, должен сказать, сказка, а стихи в конце

---

³⁶ Однако нельзя не согласиться с критиками, отмечавшими недостаточную убедительность данной «сказки».

просятся на музыку — и у меня уже вышел первый куплет».³⁷

Образ «железного хромца» не переставал интересовать писателя и в дальнейшем. В 1914 г. были опубликованы новые «Легенды о Тамерлане», но «сказка» о нем, которая ни первый взгляд как бы формально связана с итальянской темой,³⁸ никогда не включалась в новый цикл. Горький справедливо считал ее органической частью «Сказок об Италии», так как в ней был затронут дорогой для него вопрос о ценности человеческой личности, ставший одним из центральных в итальянском цикле.

Как известно, Горький полагал, что писатель, обращающийся к исторической теме, не должен допускать произвола. Как же работал он сам над редкой для своего творчества темой?

Опираясь на свидетельства историков о жестокости и честолюбии Тимура и в то же время его покровительстве людям науки и искусства, Горький дал свою интерпретацию психологического облика грозного завоевателя. Тимур разрушает жизнь, «споря в силе своей со Смертью», ради мести за рано умершего сына Джигангира. С ним в свою очередь боролись многие, но боролись «за царства и города, но — никто, никогда — за человека, и не имел человек цепи в глазах моих, и не знал я — кто он и зачем на пути моем?» (X, 44). Мать, требующая вернуть ей ребенка, пробуждает у грозного разрушителя не только воспоминание о Джигангире, но и мысль о ценности человека. Потому-то и склонил он перед ней свою голову.

Большое внимание было уделено в «сказке» воссозданию колорита эпохи. Познакомившись с рядом работ о Тамерлане, Горький избрал в качестве основного источника книгу Г. Вамбери «История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени» (т. I,

³⁷ М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1934, стр. 309.

³⁸ Указание в «сказке» на то, что женщина-мать — итальянка («Я из-под Салерно, это далеко, в Италии, ты не знаешь где! Мой отец — рыбак, мой муж — тоже, он был красив, как счастливый человек, — это я поила его счастьем! И еще был у меня сын — самый прекрасный мальчик на земле»), весьма условно, хотя выбор географического наименования, как показывает Л. Н. Ульрих, и мог опираться на исследования о связях Италии в XIV—XV вв. с тюркским миром.

СПб., 1873). Из нее были заимствованы сведения о самом Тимуре, о быте и устройстве его лагеря.

Вот некоторые детали, искусно использованные Горьким в легенде о Тимуре и Матери.

Текст Вамбери, глава XI

«Подобный лагерь состоял из десяти и даже пятнадцати тысяч палаток» (стр. 223).

«... Прекрасная Канигульская равнина,* в удивительно короткое время, уподоблялась своим пестрыми маленькими флагами на верхушке палаток громадной гряде тюльпанов, движимой ветром. Что касается до формы палаток, то преобладали круглые войлочные палатки, и теперь еще употребительные в этой стране» (стр. 224).

«Она имела четырехугольную форму, сто шагов в ширину и три копия в вышину. Средняя ее часть, похожая на павильон, держалась на двенадцати жердях золотых, покрытых голубою краской и имевших толщину человека; наверху была круглая кровля в форме полушара, а натянутые на жерди шелковые платки образовали столько же выпуклых полудуг. Кроме этого, павильон имел с каждой стороны высокий вход, поддерживаемый шестью столбами, а весь он был прикреплен более чем пятьюстами красных шнуров. Наружная сторона павильона состояла из черных, желтых и белых шелковых полос, а внутренняя — из пурпурного ковра с золотым шитьем и различными украшениями из шелка. В середине боковых сводов была самая богатая работа, а в четырех углах стояли большие орлы с распростертыми крыльями» (стр. 224).

* Ранее отмечалось, что Канигул по-персидски — «любовь к цветам».

Текст М. Горького

«Вот как это было.

Пировал Тимур-бек в прекрасной долине Канигула, покрытой облаками роз и жасмина, — в долине, которую поэты Самарканда называли „Любовь цветов“ и откуда видны голубые минареты великого города, голубые купола мечетей.

Пятнадцать тысяч круглых палаток раскинуто в долине широким веером, все они — как тюльпаны, и над каждой — сотни шелковых флагов трепещут, как живые цветы.

А в середине их — палатка Гуругана-Тимура — как царица среди своих подруг. Она о четырех углах, сто шагов по сторонам, три копия в высоту, ее середина — на двенадцати золотых колоннах в толщину человека, на вершине ее голубой купол, вся она из черных, желтых, голубых полос шелка, пятьсот красных шнуров прикрепляли ее к земле, чтобы она не поднялась в небо, четыре серебряных орла по углам ее, а под куполом, в середине палатки, на возвышении, — пятый, сам непобедимый Тимур-Гуруган, царь царей» (X, 40).

Из книги Вамбери было заимствовано описание одежды Тимурлапа (стр. 218) и его пира (стр. 227—228). Здесь использованы многие детали вплоть до слонов, выкрашенных в зеленый и красный цвет.

Вместе с реалистическими подробностями, воссоздающими исторический фон рассказа о железном Тимурленге, из книги Вамбери был почерпнут и анекдот о Кермани,³⁹ который помог Горькому создать образ бесстрашного восточного поэта.

Текст Вамбери

«Однажды Тимур был в бане с Кермани и другими литераторами того времени; разговор случайно коснулся личного достоинства людей, и Тимур спросил поэта: „Как дорого ты оценил бы меня, если бы меня продавали“. — „В двадцать пять аскеров“, — отвечал Кермани. „Да столько стоит пояс, что на мне“, — возразил Тимур. „Да я и думаю только о поясе, — возразил Кермани, — потому что ты сам не стоишь и пфеннига“» (стр. 236, 237).

Текст Горького

«На земле, на коврах, каких больше нет, — триста золотых кувшинов с вином и все, что надо для пира царей; сзади Тимура сидят музыканты, рядом с ним — никого, у ног его — его кровные, цари и князья, и начальники войск, а ближе всех к нему — пьяный Кермани-поэт, тот, который однажды, на вопрос разрушителя мира:

— Кермани! Сколько б ты дал за меня, если б меня продавали? — ответил сеятелю смерти и ужаса:

— Двадцать пять аскеров.

— Но это цена только моего пояса! — вскричал удивленный Тимур.

— Я ведь и думаю только о поясе, — ответил Кермани, — только о поясе, потому что сам ты не стоишь ни гроша!

Вот как говорил поэт Кермани с царем царей, человеком зла и ужаса, и да будет для нас слава поэта, друга правды, навсегда выше славы Тимура!» (X, 40, 41).

Творческая переработка скудых строк истории Вамбери показывает, как многопланово использовал писатель отдельные детали и эпизоды в своей «сказке». Анекдот понадобился для нового напоминания о поэте

³⁹ В настоящее время известно, что Кермани умер до прихода Тимура к власти, но Горький не ставил перед собой задачу проверять сведения из используемых источников.

как другие истины, у которого «один бог — красиво сказанное слово правды» (X, 41). В то же время анекдот этот — необходимое звено в раскрытии основной идеи легенды. «Не имел человек цены» для Тимура, но бесстрашный веселый Кермани сказал, что и сам повелитель трех стран ничего не стоит. Цену приобретает только тот, кто сест счастье, кто служит делу Жизни и созидания. Именно об этом говорит песня во славу Матери, вложенная в уста поэта. В «сказке» подчеркнута пышность и богатство двора Тимура, Мать — бедна и в лохмотьях, но оказывается, что богата-то именно она.

Лишняя речь Тимура пышности восточной фразеологии, Горький, видимо, исходил из следующего свидетельства в книге Вамбери: «Сам Тимур писал плавным и выразительным слогом, как это всего лучше доказывают часто упоминаемые его „Тюцюкат“. При этом он никогда не был особенно расположен к пышным оборотам речи и к изысканным до крайности метафорам тогдашних поэтов и официальных писателей; тот, перед кем дрожало более половины Азии, перед чьим тронном поверглись в прах столько династий, начинал свои дипломатические акты такою совершенно простою фразой: „Мен тангри кули Тимур, говорю то, что следует“. Какой резкий контраст с изысканным титулованием позднейших ханов или нищенствующих государей Бохары».⁴⁰ Этой же фразой начинается речь Тимура в горьковской «сказке».

Книга Вамбери была основным, но не единственным источником, использованным Горьким. Так, обращение Тимура к Баязету было заимствовано из книги Л. Лянгле «Жизнь Тимура» (Ташкент, 1890).⁴¹

Текст Лянгле

«Как видно, бог ни во что не ставит государства, ибо он их отдаст таким уродливым существам, как я с тобой. Ты — кривой, а я хромой» (стр. 41).

Текст Горького

«О, Баязет, как видно — пред богом ничто государства и люди,⁴² смотри — он отдаст их во власть таких людей, как мы: ты — кривой, я — хром!» (X, 44).

⁴⁰ Г. Вамбери. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени, стр. 234.

⁴¹ Некоторые дополнительные источники приведены в статье Л. Н. Ульрих (Горьковские чтения. 1959—1960, стр. 193—199).

⁴² Горький добавляет «и люди», чтобы еще раз подчеркнуть отношение Тимура к человеку.

В не очень богатой в те годы русской литературе о Тамерлане книга Вамбери занимала значительное место. Использование ее Горьким легко могло быть замечено читателем «Сказок об Италии». Но писатель, очевидно, не стремился скрыть свои исторические источники. Дело было не в отдельных «заимствованиях», а в их подчинении авторскому замыслу. Имя восточного деспота использовано для постановки большой философской проблемы. Психологический облик того, кто стал олицетворением гибели и ужаса, был создан вне прямой зависимости от литературы о Тамерлане.

Помимо «сказок» о Матерях (IX, XI), в итальянском цикле имеются еще две «сказки», не связанные непосредственно с жизнью современных итальянцев.

Представители буржуазного мира не заняли в «сказках» значительного места. Как справедливо отмечала критика, они только мелькают в них. Рассказ о деревенском богаче Лукино Луккесе, видимо предназначавшийся для цикла, не был закончен.

Упомянутые «сказки» посвящены буржуазной интеллигенции (голландцы — XV сказка, русские — XVI сказка) и поставлены, подобно «сказкам» о Матерях, рядом. Но если «сказки» о женищине-Матери органически включились в круг итальянской проблематики, как бы сближая в сознании читателя бытовой и легендарный материал, то «сказки» о чужестранцах лишены такой близости. Цель их в явном противопоставлении основных персонажей народу.⁴³

Классовая вражда предопределила борьбу батрака с кулаком, сделав его в дальнейшем сознательным борцом с социальным злом (XXV сказка). Чувство ненависти связало неразрывной цепью архитектора-горбуна и его красивую сестру, став основным двигателем их жизни. Однако, несмотря на силу этого чувства, личная ненависть, лишенная социальных основ, стала пустой и бесплодной.

«И вот они кружатся по земному шару туда и сюда, точно ослепленные птицы, бессмысленно и безрадостно смотрят на все и нигде ничего не видят, кроме самих себя» (X, 89).

⁴³ С этими «сказками» в данном плане перекликается и предшествующая им XIV «сказка».

Примечательна и «сказка» о русских (семья губернатора), являющаяся связующим звеном между двумя циклами (итальянских и русских «сказок»). Она говорит о том, что представления итальянцев о русских создали не защитники реакционной России, а те, кто сделал «грандиозное дело» в 1905 году, пробудив «к жизни весь Восток» (X, 71), и русские матросы, изумившие своей отважной помощью в дни землетрясения в Мессине (X, 94).

«Сказка» о голландцах интересна и другой, не замечаемой обычно читателем, но важной автору стороной.

В годы реакции произошел разрыв дружеских отношений Горького и Л. Андреева.⁴⁴ В начале 1910-х годов Андреев сделал новую попытку примирения, но Горький отклонил ее. Позднее, вспоминая о трагизме этой дружбы, Горький писал, что произведения Андреева в какой-то мере отражали их отношения. В них звучали отголоски их бесед и споров. Но и сам Горький не мог совсем отрешиться от того же. В XV «сказке» архитектор-горбуш строит дом для уродов, от которых он хочет освободить город, где живет его красивая сестра с искривленной душой. «Безумная идея», владеющая архитектором, явно перекликается с «идеей» Маруси из андреевской пьесы «К звездам».⁴⁵

4

«Сказки об Италии» представляют своеобразный сплав разнородного жанрового и тематического материала: социальные и лирико-философские рассказы соседствуют здесь с легендами и бытовыми сценками. Жанровое разнообразие еще более усиливало социально-романтическую целеустремленность цикла, художественно оправдывало его романтически-приподнятый тон.

⁴⁴ См.: Литературное наследство, т. 72 (Горький и Леонид Андреев). Изд. «Наука», М., 1965.

⁴⁵ Л. Андреев, Полн. собр. соч., т. IV, Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1913, стр. 238—239. — «Сказка» Горького гораздо сложнее, чем это кажется Л. П. Егоровой, которая пишет, что «в образе уроды, страшного в своем безумии и жестокости, символизируются пороки мира Желтого Дьявола» (Л. П. Егорова. У истоков советской романтической прозы. Ставрополь, 1968, стр. 39). «Сказка» истолкована здесь произвольно. Горький говорит в ней, что архитектор, приобщившийся к миру строителей, стал преодолевать свой индивидуализм. В «сказке» более страшна сестра, а не брат.

Предельно сжатые реалистические «сказки» на социальные темы пронизаны революционным пафосом; лиричны рассказы о духовном богатстве итальянцев; патетичны легенды о Матерях. И, однако, читая эти «сказки» одну за другой, читатель воспринимает их как нечто единое по замыслу и художественному воплощению.

Рассказы об итальянцах были названы Горьким «сказками». Слова «сказка» и «сказочность» часто встречаются в письмах и статьях писателя каприйских лет, обозначая, с одной стороны, восхищение красотой и необычностью увиденного,⁴⁶ а с другой — преклонение перед творческой энергией человека.

Основной лейтмотив очерка «Утро», написанного для детей, — радость «работы для красоты земли»:

«Ах, они превосходно работали, наши предки, есть за что любить и уважать великую работу, сделанную ими всюду вокруг нас!

Над этим не мешает подумать, дети, — *сказка о том, как люди работали на земле, — самая интересная сказка мира!*» (X, 209).⁴⁷

О том же говорила и статья «Сказка жизни»,⁴⁸ адресованная III Международному конгрессу семейного воспитания в Брюсселе.

«Сказочность» заключалась в созидательной работе и дружной сплоченности людей. Жизнь преображала не помощь великана-чародея и не великодушие чудесной феи, а «маленькая» работа каждого, чувствующего себя неотъемлемой частицей огромного человеческого коллектива. Еще в очерке «Землетрясение в Калабрии и Сицилии» (1908) Горький отметил черты «сказочности», которая проявилась в умелой организации и быстроте помощи пострадавшим. Воодушевление, охватившее до-

⁴⁶ «На юге — страшно интересно. И быт, и природа — все сказочное», — писал Горький А. Куприну (Архив А. М. Горького, т. VII. Гослитиздат, М., 1959, стр. 109). «Красиво здесь, точно в сказке», — сказано в письме к М. Хилквиту (Горьковские чтения. 1959—1960, стр. 12). «Но жизнь, во всем ее объеме, во всей пироте и разнообразии, — прекрасна, увлекательна, как процесс вольного и невольного совершенствования людей — она подобна волшебной сказке», — говорит Горький в письме к Э. Фильфаровой (XXIX, 121).

⁴⁷ Здесь и далее курсив мой, — К. М.

⁴⁸ Первый женский календарь на 1911 год П. Н. Армян. СПб., 1911, стр. 101—103.

бровольцев при погрузке пароходов, *«сказочно быстро* создавало умные и стройные организации, и работа шла музыкально красиво с поражающей продуктивностью». Единодушие народа производило *«впечатление сказочное, изумляющее в такой степени, что гнетущее душу впечатление трагедии, разрушения и смерти»* повсюду исчезало «при виде этой могучей картины жизни». ⁴⁹

Обогащение привычной семантики дано и в самом тексте рассказов об Италии. Зарисовка уличной сценки, которая показала, как тонко воспринимает человек труда красоту жизни, заканчивалась словами: «Поет море, гудит город, ярко сверкает солнце, *творя сказки*» (сказка III). То же находим в рассказах, посвященных героической работе людей. Строитель Симилонского туннеля говорит:

«Была работа, моя работа, святая работа, синьор, говорю я вам! И когда мы вышли из-под земли на солнце, то многие, ложась на землю грудью, целовали ее, плакали — и это было так хорошо, *как сказка!*» (сказка IV).

Ярко выражено это и в «сказке» о старом Чекко:

«Он уверен, что в его детях развились и выросли скрытые мысли его сердца, он очень гордится этим, но, зная, как мало люди верят *сказкам, которые создают сами же* они каждый день, он молчит» (X, 122).

Эпиграф из Андерсена («Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь»), ⁵⁰ предпосланный всему циклу, явился основным ключом, раскрывающим замысел и идейную целеустремленность рассказов.

В русских переводах произведений Г. Андерсена нет афоризма, совпадающего с приведенным Горьким. Писатель, очевидно, обобщил близкие по смыслу высказывания датского сказочника. «Жизнь моя — настоящая сказка, богатая событиями, прекрасная!» — так начинаются мемуары Андерсена с характерным заглавием

---

⁴⁹ М. Горький, В. Мейер. Землетрясение в Калабрии и Сицилии, стр. 74, 87.

⁵⁰ Первоначально, в первом отдельном издании «Сказок» («Сказки». Книгоиздательство писателей, М., 1912, 156 стр.), вместо «создаст» стояло «творит». Эпиграф впервые был предпослан публикации двух первых итальянских «сказок» (I и II сказки) и как эпиграф к I «сказке» повторен в издании И. П. Ладьяжников.

«Сказка моей жизни».⁵¹ Таковы же утверждения, прошедшие через ряд андерсеновских сказок. «Дриада» заканчивается репликой: «Да, наше время — сказочное, диковинное время!».⁵² В «Бузиной бабушке» сказано: «Из действительности-то и вырастают чудеснейшие сказки».⁵³ Таков же конец рассказа «Что сказала вся семья»: «Он знал всевозможные истории и сказки и все-таки сказал, и сказал от глубины сердца, что жизнь — чудеснейшая из сказок!».⁵⁴

Поэтический мир Горького и Андерсена различен, как различно и мировоззрение, но было нечто общее, роднившее весьма несхожих в своем своеобразии художников-новеллистов. Это общее проявлялось прежде всего в поисках прекрасного в обыденном, в стремлении героизировать человека и его деятельность.

В плане следования традиции андерсеновской сказки мы можем отметить у Горького родственную циклизацию, объединившую легенду (сказку у Андерсена)⁵⁵ с лирико-философским рассказом и жанровой сценкой, а также частое использование авторской сентенции (у Горького сентенций героев) для раскрытия основного звучания произведения. Называя итальянские рассказы «сказками», Горький не стремился к обновлению традиционного жанра. Об этом убедительно говорит и избранный им эпитаф. На титульном листе первого издания цикла заглавие было взято в кавычки («Сказки»); автор как бы предупреждал об условности употребленного термина. Отличный знаток русского фольклора, Горький в какой-то степени позна-

⁵¹ Г. Андерсен, Собр. соч., т. IV, СПб., 1895, стр. 1, 258, 259.

⁵² Там же, т. II, стр. 389.

⁵³ Там же, т. I, стр. 259.

⁵⁴ Там же, т. II, стр. 434. — Любопытно признание Андерсена о выборе им эпитафа к первому тому своих стихотворений: «Когда я издал в 1830 г. первый том своих стихотворений, из которых многие уже появлялись в журналах, то долго не мог выбрать подходящего к их содержанию эпитафа, и, наконец, выдумал сам такой: „Забывшие стихи — новые стихи“ (Жан-Поль).

После мне было смешно слышать, как очень начитанные люди приводили этот эпитаф, как действительно взятый из Жан-Поля» (Г. Андерсен, Избр. соч., ч. 1, СПб., 1899, стр. 145). Эпитаф к «Сказкам об Италии» вернее было бы именовать андерсеновско-горьковским.

⁵⁵ Сказки Андерсена чередовались в издаваемых им сборниках с рассказами типа «Девочка со спичками», «Веселое расположение духа», «Она никуда не годилась» и т. д.

комился на Капри и с фольклором Италии, по это не нашло прямого отражения в его произведениях. Он намеренно избегал использования сказочной фантастики, образов сказочных персонажей и традиционных сказочных приемов. Связь с фольклором приобрела иные, более сложные формы и выражалась, скорее, как бы в противопоставлении ему. Поиски чудесной жар-птицы заменила борьба за социалистические нормы жизни, скатерть-самобранку — забота коллектива о своих членах (VII сказка о свадьбе бедняков), непобедимость героя — сила могучего коллективного сопротивления.

В народных сказках о побеждающем с помощью чудесных существ герое изображается обычно трехкратная проба сил; последняя увенчивается успехом. В XXV «сказке» бедняк Чиро трехкратно добивается изгнания из родной деревни кулака Грассо, но победу герою приносит не волшебный помощник, а собственная воля и уверенность в своей правоте.

Избегает Горький также использования старой народной мудрости, воплощенной в пословицах и поговорках. Социальная борьба обогатила человека, сделал чуждыми старые житейские правила и мораль. Он не всегда сознавал это сам, но борьба нового со старым невольно втягивала его в свой круговорот, рождая новые мысли и поступки. «Сказки об Италии» насыщены афоризмами,⁵⁶ отражающими новую мудрость народа, и в этом плане они также противостоят традиционному фольклору. «Молодость — это совесть всей жизни» (XXV сказка), — говорит один из героев. «Любовь к людям — это ведь и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего» (XXIV сказка), — утверждает другой. Горьковские герои начинают понимать, что «работа — выше медных и серебряных денег, работа всегда выше платы, которую дают за нее!» (VII сказка).

Многие афоризмы близки к сентенциям, но более гибки, более легко используемы в композиционном строении произведений. В письме к М. Слонимскому 1935 г. Горький писал по поводу изображения героя революции: «Насколько необходима его речь, — ее нужно давать

⁵⁶ Горький писал в 1932 г.: «Афоризм — это краткое изречение, в котором заключена та или иная значительная мысль, проверенная опытом» (Е. Тагер. Творчество Горького советской эпохи. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 357).

маленькими порциями и в формах резко индивидуальных, в афоризмах, которые надолго остаются в памяти, входят в бытовую, в литературную речь как цитаты, поговорки, поговорки. Разумеется, я не склонен думать, что мне удастся делать так, как я советую другим, но все же я уверен, что героев писать следует именно так» (XXX, 392). Подобную же цель преследовала работа над речью в «Сказках об Италии». Некоторые афоризмы героев действительно обрели крылатость.

Становясь одним из средств, содействующих единству итальянского цикла, горьковские афоризмы подводили к выводу, данному в одной из последних «сказок»: «Нет и не будет сил, которые могли бы убить молодое сердце мира» (X, 144). Наряду с афоризмами большую роль в «Сказках об Италии» играют образы-символы, нередко сопутствующие развитию сюжетной линии рассказов.

Действие II «сказки» (встреча детей Пармы) разворачивается на площади Генуи, увенчанной статуей Колумба, «мечтателя, который много пострадал за то, что верил, и — победил, потому что верил. Он и теперь смотрит вниз на людей, как бы говоря мраморными устами: „Побеждают только верующие“» (X, 11).

Образ мечтателя, открывшего Новый Свет, вновь появляется в конце рассказа, напоминающая уже о социальных открытиях: рабочие, приютившие изголодавшихся детей забастовщиков, сродни искателям новых путей.

«Люди уходят, уводя и унося с собою детей, на площади остаются смятые цветы, бумажки от конфет, веселая группа факино и над ними благородная фигура человека, открывшего *Новый Свет*.

А из улиц, точно из огромных труб, красиво льются веселые крики людей, идущих встречу *новой жизни*» (X, 14).

Вот еще один из таких образов-символов. XVII «сказка» открывается зарисовкой весеннего солнечного дня, на улице мелькают дети — «герольды весны». В конце «сказки» снова возникает тот же, но уже социально обогащенный образ: «герольды весны» — вестники обновления жизни. О детях как будущих владыках нового мира говорят и другие итальянские рассказы. Это также один из ведущих лейтмотивов.

Единство цикла создавалось не только отмеченными особенностями и общим эмоциональным настроением произ-

ведений, но и кочующими образами, получавшими в каждой из «сказок» новое раскрытие. Одним из них стал образ города. В I и II «сказках» даны беглые зарисовки итальянских городов, похожих «на старую гравюру» (X, 7) и на «храм, возведенный трудами людей» (X, 15).⁵⁷ В V «сказке» возникает образ города как места «неутомимого боя за счастье». Это предопределяет изображение города в час заката.

«Издали кажется, как будто он — только что разрушен пожаром. . . Края черных туч тоже в огне, на красных пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений; там и тут, точно раны, сверкают стекла; разрушенный, измученный город — место неутомимого боя за счастье — истекает кровью, и она дымится, горячая, желтоватым удушливым дымом» (X, 22).⁵⁸

В «Городе Желтого Дьявола» Горький создал сатирический образ капиталистического города, города рабов и миллионеров, который взывал к мести, рождая стремление к анархическому разрушению. В «Сказках об Италии» город — место, где выковывается «страстная воля» к борьбе за новую жизнь.

Образ города вступает в V «сказке» в тесное взаимодействие с другим лейтмотивным образом — в город идет ребенок, смелые глаза которого спокойно смотрят вперед. Представитель нового поколения улавливает «томительное желание» измученного города «видеть себя красиво и гордо поднятым к солнцу»; жажда попой битвы

---

⁵⁷ Сопоставления города с храмом даны и прямо, и косвенно: город «щедро облит жарким солнцем и весь поет, как орган» (X, 7). Сопоставления эти приводят молодых исследователей к мысли, что Горький все еще в плену богостроительских идей (см., например, статью Г. М. Буровой (Уч. зап. Горьковского ун-в., 1958, вып. 49, сер. филол., стр. 91)). Однако подобный вывод опровергается общим смыслом «Сказок об Италии». Горький, как и многие другие писатели, вкладывал в понятие «храм» нечто иное. В строительстве их он видел проявление таланта народов, устремление к прекрасному. Вспомним высказывание Горького советских лет о церковном зодчестве (XXVI, 322). Об отношении Горького к эстетической стороне религии см. в статье Ю. С. Языковой «Образы и понятия религии в повести Горького „В людях“» (Уч. зап. Горьковского пед. инст., 1968, вып. 110, стр. 289—297).

⁵⁸ Рождественное изображение города в час заката дано в XI «сказке».

ли право быть хозяином жизни волнует лучших людей города. И недаром ночь «тихо, ласковым голосом матери» говорит герольду будущего: «Пора, мальчик, иди! Они — ждут» (X, 23).

XXIV «сказка» о юных социалистах, подхватывая основной мотив «сказки» о городе и ночи, как бы расшифровывает ее призыв к ребенку. Вот кем надлежало стать ему.

В XIV «сказке» город как место социальных битв приобретает уже реальные очертания: промышленные города (Милан, Турин) названы здесь превосходными мастерскими, «где формируются новые люди, растет новый мозг!» (X, 70).

Большую роль в придании единства играли также лирические зарисовки природы. Образ солнца, «источника жизни и счастья», пронизывает все итальянские рассказы: солнце обогащает землю, человек в свою очередь неустанно стремится обогатить жизнь, сделав ее свободной и яркой. Солнечность рассказов, которая щедро отразилась в образной системе, усилив их оптимистический тон, была отмечена большевистской прессой.⁵⁹

Многие зарисовки природы носят при этом характер дневниковых записей, как бы напоминая о том, что Горький воссоздает именно *свое* представление о рассказанном, что это Италия, увиденная глазами русского писателя.

В последние годы появились работы о языке «Сказок об Италии», в частности о роли сравнений и метафор, позволяющие проследить за единством стиля в горьковском цикле.⁶⁰ Изучение словаря писателя помогает вы-

⁵⁹ Доктябрьская «Правда» об искусстве и литературе. ГИХЛ, М., 1937, стр. 54.

⁶⁰ См., например, статью В. П. Ковалева «Метафоры и сравнения в „Сказках об Италии“ А. М. Горького» (Научн. межвузовская республ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. М. Горького, Тез. докл., Киев, 1968, стр. 76—78). Особенно интересна статья О. П. Семеповой «О единстве семантико-стилистической системы „Сказок об Италии“ М. Горького» (Словоупотребление и стиль Горького. Описание семантико-стилистической системы писателя. Л., 1968, стр. 43—63), в которой рассматриваются сквозные речевые образы (цветка, птицы, вина, камня и др.), приобретающие под пером Горького символический характер. Трудно, однако, согласиться с выводом исследовательницы (при анализе многообразного употребления слова «камень»), что писатель подводит в своих «сказках» к тождеству «люди —

яснить, какими средствами Горькому удалось создать яркий «ликующий» стиль, столь характерный для «сказок». Большую роль играла в этом ритмизация строя речи.

5

В апреле 1912 г. Горький писал сотруднику издательства И. П. Ладыжникова, которое ради сохранения авторских прав писателя за границей обычно выпускало его книги (на русском языке) ранее, чем они выходили в России: «Против выпуска в продажу „Сказок“ на немецком языке — я, конечно, ничего не имею, но — весьма прошу: подождите выпустить на русском.

Считая эти „сказки“ педурным материалом для чтения русских рабочих, я хотел бы сделать русское издание особенно тщательным, что и сделаю в течение лета» (XXIX, 233).

Такая работа была осуществлена для только что возникшего «Издательства писателей» в Москве, руководимого В. Вересаевым, и не вина Горького, что «Сказки», изданные там, дошли до читателя в изуродованном виде. В 1915 г., включив цикл «Сказок» в Собрание сочинений (т. XVII. Пгр., изд. «Жизнь и знание»), Горькому пришлось использовать не издание 1912 г., а тексты первых публикаций, которые легли также в основу последнего правленного автором Собрания сочинений (Берлин, изд. «Книга», 1923). Таким образом, сборник, изданный «Книгоиздательством писателей», представляет особую редакцию итальянского цикла.

В каком же направлении шла работа Горького-редактора?

Книга появилась тотчас же после публикации рассказов в периодической печати, и потому текст их подвергся

камни». Это не соответствует горьковскому восприятию жизни и человека. Сопоставление людей с камнями, сделанное в III «сказке», связано с подчеркиванием их профессии («На тротуаре в тени большого дома сидят, готовясь обедать, четверо мостовщиков, — серые, сухие и крепкие камни»), а не с выражением сущности их характеров. Рассказ о том, как отнеслись мостовщики к ребенку, бросившему лепестки цветов в их чашу с вином, опровергает и сухость, и «каменность» их. Не найдем мы такого внутреннего отождествления и в других «сказках».

лишь небольшой правке. В основном была усилена лиричность концовок рассказов. Некоторые из них заканчивались непосредственным обращением писателя к читателям, что придавало своеобразное лирическое звучание всему повествованию. Концовка рассказа о забастовке трамвайщиков сопровождалась словами: «Вы довольны, да?», а встреча детей Пармы кончалась фразой: «И захлебываясь слезами радости, сердце поет: „Братья мои... Братья мои!..“». В целом же требования, предъявляемые писателем к своему творчеству, оставались еще неизменными. Необходимо не забывать также, что рассказы, написанные в пору зрелого мастерства, вообще не столь часто подвергались Горьким значительной переработке.

Горький предполагал вначале издать «Сказки» у И. Сытина (в письме к нему они названы очерками) и тем самым обеспечить им широкое распространение, но, не получив согласия издателя, отправил сборник в новое книгоиздательство. «Сказки» произвели отличное впечатление. Перед сдачей их в набор Вересаев писал Горькому 18 сентября: «А как хорош ансамбль сказок! Сколько в них света и солнца, — и физического и духовного, и как это нужно именно в нынешнее время. И как больше начинаешь любить Вас после такой книги».⁶¹ Горький ответил на это: «... я очень рад, что книга нравится Вам и Вы находите ее своевременной. Мне бы хотелось внести в трудную, быстро утомляющую людей русскую жизнь — немножко бодрости, я буду счастлив, если мне это удастся» (XXIX, 254).

Но, приветствуя «сказки», Вересаев (вскоре он вновь писал: «... думаю, пойдут они очень сильно. Перечитал их еще раз, — и еще больше поправилось») ⁶² в то же время был встревожен возможностью цензурных репрессий. 8 сентября он сообщил Н. Клецову: «Книга великолепна, но... Кое-что в цензурном отношении вызывает опасения: стр. 20 и 148 (я поставил на полях по крестике), рассказы XIV и особенно XVII. Указываю все сомнительные места».⁶³ Тревога по поводу цензуры была выражена и в письме к Горькому. Вересаева особенно

⁶¹ Архив А. М. Горького, т. VII, стр. 286.

⁶² Архив Горького.

⁶³ ГБЛ, ф. 9, № 33.

тревожили «сказки» о рабочих; поставленные автором рядом, они, по его словам, «в ансамбле дают аромат очень сильной». В связи с этим он просил изъять из цикла «наиболее опасную» сказку о том, как Дживованни стал социалистом. Были указаны и «опасные» места в других «сказках».

Напомнив, что все «сказки» были уже напечатаны в России, Горький предложил привлечь к выявлению тревожных мест юриста Н. К. Муравьева, с мнением которого он обещал согласиться. Относительно же XVII сказки Горький писал: «Вы сами знаете, как неприятно автору нарушать свой план. Нельзя ли сказки о рабочем движении не ставить рядом, а разбить по всей книге? Может быть это сделает их менее острыми?» (XXIX, 255).

Получив согласие автора на изъятие уязвимых в цензурном отношении мест, осторожный Вересаев и не менее осторожный Муравьев еще более придирчиво отнеслись к книге. Особенно сильно пострадал рассказ о старом Чекко. В нем было изъято следующее место: «Не однажды он хотел показать письмо священнику, но долгий опыт жизни убедил его, что люди справедливо говорят: „Может быть, поп и говорит богу правду про людей, но людям правду — никогда“». Были вычеркнуты также слова русского социалиста, объяснившего Чекко, почему его сыновья, организаторы забастовки, попали в тюрьму: «Нет, — сказал русский. — Ведь вы знаете, что богатых сажают в тюрьму лишь тогда, если они сделают слишком много зла и не сумеют скрыть это, бедные же попадают в тюрьмы, чуть только они захотят немножко добра». Во фразе «он долго говорил Чекко о том, что затеяно в жизни ее честными людьми» было вычеркнуто слово «честными». Сокращения подверглись и раздумья самого Чекко о сыновьях. Снято: «Шесть долларов в неделю — это сорок лир, ого! Но они нашли, что этого мало, и двадцать пять тысяч таких же, как они, согласились с ними — этого мало для человека, который хочет хорошо жить».

В «сказке» о встрече детей забастовщиков Пармы был изъят возглас «Viva il Socialismo!». В рассказе о пропагандисте вычеркнуто утверждение «невозможно гражданское равенство без равенства материальных благ». В «сказке» о русских интеллигентах опущено высказы-

вание рыжего господина, напоминающее об аграрных волнениях: «...когда их (крестьян, — К. М.) укрощают власти — левые кричат о жестокости и зверстве».

Горький писал Вересаеву, что «сказка» о Тамерлане уже трижды была опубликована в русских газетах и что фраза «и сказали тогда цари — они всегда считают себя мудрыми» — невинна. Однако и она исчезла.

Наиболее пугала Вересаева⁶⁴ сказка о солдатах (о Джиованни), которые были посланы на усмирение крестьян, но поняли их правоту и подружились с ними. В письме к Горькому от 8 ноября вновь говорилось о боязни подвести публикацией книги издателя и об особой актуальности, а следовательно, и опасности «сказки» о солдатах «ввиду севастопольских и других событий» (X, 514). Муравьев отметил в ней места, подлежащие изъятию, но они так исказили смысл рассказа, что Вересаев решил удалить его. В целях маскировки социальной направленности сборника рассказы о рабочих были рассредоточены.

Таким образом, первое русское издание «Сказок» оказалось отлично от сборника «Сказок», вышедшего в Берлине, и последующих переизданий цикла не только произвольными урезками текста, но и своей композицией. В издании И. Ладыжникова и в последнем авторизованном тексте 1923 г. остро ощущается социальная направленность книги. Социальные идеи пронизывают первые рассказы, в свете их воспринимаются дальнейшие.

«Сказки», вышедшие в «Книгоиздательстве писателей», носят более лирический характер. Это подчеркивалось и отмеченным выше усилением лиричности концовок рассказов, и самой композицией сборника. Вот как расположены «сказки» в первом русском издании и последующих собраниях сочинений.⁶⁵

⁶⁴ О взаимоотношениях писателей см. мою статью «Сопутники. (В. Вересаев и М. Горький)» (М. Горький и его современники. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 51—78).

⁶⁵ В приводимой таблице для большей наглядности даны условные заглавия «сказок». При изданиях цикла сам Горький только нумеровал их. В сборник, изданный И. Ладыжниковым, входило 22 «сказки» (они соответствуют следующим «сказкам» последнего авторизованного Собрания сочинений: I—XXI, XXVII). Композиция сборника совпадает с изданием 1923 г., завершалась она также рассказом о празднике пасхи. XXII—XXVI «сказки» написаны Горьким позднее, в 1913 г.

«Книгоиздательство писателей», М., 1912

1. Праздник рождества
2. Город
3. Цветок
- 4—5. Рассказы об интеллигентах
6. Забастовка
7. Полдень
8. Дж. Туба
9. Заповедь отца
10. Встреча детей Пармы
11. Туннель
12. Свадьба
- 13—15. Сказки о Матерях
16. Социалист Трама
17. Вендетта
18. Пропагандист
19. Приговор
20. Старик Чекко
21. Праздник (пасха)

Изд. «Жизнь и знание», Пгр., 1915 (т. XVII)

1. Праздник рождества
2. Забастовка
3. Встреча детей Пармы
4. Цветок
5. Туннель
6. Город
7. Полдень
8. Свадьба
9. Пропагандист
- 10—12. Сказки о Матерях
13. Заповедь отца
14. Приговор
15. Как Джиованни стал социалистом
- 16—17. Рассказы об интеллигентах
18. Социалист Трама
19. Вендетта
20. Дж. Туба
21. Старик Чекко
22. Нунча
23. Кузнец Гальяри
24. Вездесущее
25. Ненависть
26. Пепе
27. Праздник (пасха)

Изд. «Книга», Берлин, 1923 (т. XIII)

1. Забастовка
2. Встреча детей Пармы
3. Цветок
4. Туннель
5. Город
6. Полдень
7. Свадьба
8. Пропагандист
- 9—11. Сказки о Матерях
12. Заповедь отца
13. Приговор
14. Как Джиованни стал социалистом
- 15—16. Рассказы об интеллигентах
17. Социалист Трама
18. Вендетта
19. Дж. Туба
20. Старик Чекко
21. Праздник рождества
22. Нунча
23. Кузнец Гальяри
24. Вездесущее
25. Ненависть
26. Пепе
27. Праздник (пасха)

Итак, цикл получил в 1912 г. характерное обрамление: в начале и в конце его стоят лирические рассказы о рождественском празднике и почти страстной субботы на том же Капри. Первый говорил о том, что «в старом храме все живое звенит детский смех — лучшая музыка земли», последний заставлял вспомнить слова «хорошей песни»: «Смерти празднуем умерщвление».⁶⁶ На первый план выдвигались черты, характеризующие эмоциональность и лиричность итальянцев, их тягу к радостям жизни, а не те социальные мотивы, ради которых и был создан прежде всего цикл «сказок». Но не автор оказался творцом такой композиции.

В годы первой империалистической войны цензура была не менее строгой, но цензурные изъятия из «Сказок», вышедших в издательстве «Жизнь и знание», были связаны лишь с религиозной темой. В том вошла «сказка» о Джиованни, снятая Вересаевым. Горький изменил здесь композицию цикла. На первое место слова были выдвиг-

⁶⁶ В «сказке» этой звучит мотив, родственный концовке повести «Лето».

нуты социальные рассказы, хотя лирическое обрамление все же, видимо ради цензуры, было сохранено.

Вересаев писал Горькому, что снятое можно будет восстановить во втором издании цикла. Но, осуществив его в 1919 г., «Книгоиздательство писателей» уже забыло о произведенных ранее усечениях и не восстановило их.

В 1923 г. лирическое обрамление книги упразднено. Цикл, получивший теперь наименование «Сказки об Италии», открылся рассказом о забастовке в Неаполе.

6

Итальянский цикл отражал «повышенное, боевое настроение пролетариата, вытекающее из сознания им своих сил»,⁶⁷ и тем самым утверждал вслед за романом «Мать» новый творческий метод.⁶⁸ «Сказки» предназначались прежде всего «для чтения русских рабочих», девять из них были опубликованы в большевистских газетах «Звезда» и «Правда».⁶⁹ Это были талантливые зарисовки повседневной итальянской действительности и в то же время страстные призывы к борьбе за новое общество.⁷⁰ Романтизм писателя отвечал идейно-эстетическим запросам нового демократического читателя. Идеино-художественное своеобразие «сказок», сочетавших социально-обнаженную трактовку темы с романтической патетикой восприятия жизни, было тотчас же отмечено В. И. Лениным, назвавшим их революционными прокламациями. Предлагая Горькому в феврале 1912 г. написать «майский листок», Ленин писал: «Хорошо бы иметь *революционную* прокламацию в типе „Сказок“ „Звезды“».⁷¹ В следующем письме он называет их «великолепными».⁷² Горький показывал, как идеи социализма просачиваются в быт итальянцев, но это явление выходило далеко за пределы национальных границ. Интернационализм его

⁶⁷ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 70.

⁶⁸ См.: К. Д. Муратова. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, 280 стр.

⁶⁹ «Сказки» эти соответствуют №№ I, II, IV, VIII, XIII, XIV, XXIV, XXV.

⁷⁰ Видеть в этих зарисовках «пример детального образного анализа отдельных сторон жизни», как это делает Г. Бурова, невозможно. (Уч. зап. Горьковского унив., 1958, вып. 49, стр. 93).

⁷¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 47.

⁷² Там же.

был подчеркнут самим автором. В 1913 г. он напечатал в журнале «Просвещение» очерк «Вездесущее» о широком распространении идей социализма и близости его языка трудящимся всех стран. В очерке дана зарисовка нескольких городов — Берлина, Нью-Йорка, Парижа, Генуи. В 1915 г. конец очерка вошел в итальянский цикл в виде XXIV «сказки».

Марксистская критика высоко оценила рассказы об итальянцах: «Порой кажется, что этот народ близок нам и давно знаком, ибо слишком родственны переживания, стремления его и русскому народу»; Горький «как бы рисует или пытается начертить некоторые особенности психики „новых людей“, борющихся в современном обществе за новую правду».⁷³ О том же говорили статьи С. Шаумяна и А. Мравяна. Так, А. Мравян писал, что после «сказок» Горького никто не имеет права «сказать, что жизнь рабочих не может вдохновить художника».⁷⁴ В то же время «Сказки» были неодобрительно встречены рядом буржуазных и либеральных критиков. Нападкам подверглась и тематика «сказок», и их наименования. Упрекая писателя в излишней публицистичности,⁷⁵ критика отказывалась видеть что-либо «сказочное» в эпизодах из жизни итальянских бедняков. «Почему эти двадцать с лишним очерков названы автором сказками? Большеиство их не заключает в себе никаких признаков примитивной фантастики, нарочитой упрощенности или условного нарушения обычной логики событий и причинной связи явлений, — признаков, характеризующих сказку»,⁷⁶ — спрашивал рецензент «Русского богатства». Но таков именно и был замысел Горького. Критика не обратила внимания на авторское подчеркивание условности заглавия и на эпиграф «Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь».

Однако и в этой критике не было единогласия. Так, В. Гусман увидел в «сказках» веру и любовь Горького к свободному человеку.⁷⁷

⁷³ М. К а л и н и н [А. К а р и н я н]. «Сказки» Максима Горького. Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе, стр. 55.

⁷⁴ Дружба. Статьи, очерки, исследования. Изд. 2-е. Гослитиздат, М., 1957, стр. 208. — Здесь же и статья С. Шаумяна.

⁷⁵ См., например, статью И. Игнатова в «Русских ведомостях» (1912, № 286, 12 декабря).

⁷⁶ Русское богатство, 1913, № 2, стр. 410.

⁷⁷ Журнал журналов, 1915, № 30, стр. 16, 17.

Глава шестая

Цикл «Русских сказок», написанных в январе 1912 г., Горький предполагал вначале напечатать в «Сборниках товарищества „Знания“», но боязнь цензурного запрета помешала этому.¹ В феврале «сказки» были отосланы в журнал «Современный мир».

Не только сам автор и К. П. Пятницкий, но и другие лица опасались за их судьбу. Так, в интервью с сотрудником «Одесских новостей» И. Бушин сказал: «В сатирическо-символическом изложении сказки эти затрагивают различные стороны современной русской действительности. При мне он [Горький] написал десять таких сказок, но думаю, что из них добрую половину придется напечатать за границей».² М. Коцюбинский в свою очередь назвал «Русские сказки» в письме к жене «ядовитыми».³

Попытки Горького организовать сатирический отдел в журнале «Современник» и его настойчивые высказывания о том, как необходим сейчас новый Щедрин, свидетельствовали об остром ощущении возросшей потребности в сатире. Для Горького Щедрин не только писатель, который «шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее», но и литератор, обладающий даром «почти пророческого предвидения тех путей, по коим должно было

¹ См. письмо Горького к К. П. Пятницкому, неверно датированное в «Архиве А. М. Горького», т. IV, М., 1954, стр. 276. Оно, судя по содержанию, относится к февралю 1912 г.

² Одесские новости, 1912, № 8659, 1 марта.

³ М. Коцюбинский, Собр. соч., т. III, Гослитиздат, М., 1951, стр. 331.

идти и шло русское общество на протяжении от 60-х годов вплоть до наших дней».⁴ Сопоставляя современную эпоху реакции с реакцией 80-х годов, Горький приходил к выводу, что «В наши дни Щедрин ожил весь»,⁵ что его герои продолжают благоденствовать, а ренегатов стало еще больше.

К наиболее примечательным свойствам щедринской сатиры Горький относил раскрытие процесса проникновения политики в быт (XXV, 316). Подобная же задача была поставлена им в «Русских сказках», давших отображение политики бездарного царского правительства в быту и общественной жизни. Близость к Щедрину проявилась и в самом замысле сатирического цикла, и в художественной манере его раскрытия. Типизированная злободневность остро подчеркивала, что и вызывало боязнь цензурного вмешательства, общность форм подавления общественной мысли на протяжении последнего тридцатилетия. Горький показывал, *во что и как* претворились «предвидения» его предшественника.

Автор «Русских сказок» давно уже тяготел к сатирическому разоблачению многообразных проявлений ренегатства и черносотенства. Сатирическими штрихами был обозначен в «Издаেকে» проповедник «раскрепощения личности», выбрасывающий в форточку солнца «ради мгновения свободы».⁶ В том же плане был создан образ устрешенного черносотенца в «Жалобах». Темы «Русских сказок», перекликаясь с темами статей «О современности» и «Издаেকে», говорили о единстве задач, которые Горький обычно ставил перед своим художественным и публицистическим творчеством.

Одной из причин, способствующих пышному расцвету ренегатства, писатель считал страх, рожденный у деятелей реакции сознанием того, что новое непреодолимо и что вместе с гибелью старого мира столь же неизбежен крах его сторонников.⁷ Распространение реакционных

⁴ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 270, 273.

⁵ Там же, стр. 274.

⁶ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. 2-е изд. Изд. «Парус». Пгр., 1918, стр. 131.

⁷ В запрещенной цензурой статье «Издаেকে» Горький писал: «Это — страх, смешанный с отчаянием, предсмертный страх, вызванный ощущением близкой гибели, и не только гибели личной, но и групповой, — ведь началась новая жизнь и отмечает их...

идей содействовало в свою очередь упадку личного достоинства, укреплению индивидуализма, понижению интереса к истинной истории своего народа.

Как и в публицистике 1908—1912 гг., центральное место в «Русских сказках» заняли вопросы культуры и гуманизма, литературы и политики. Цикл открывался «сказкой» об официальной науке. Сейчас она воспринимается как сатирическое изображение ученых, угодливо согласующих выводы своей науки со взглядами представителей власти и твердо усвоивших истину, что «наличие мудрости всего легче доказать цитатами из книг» (X, 443). Однако в годы создания «сказка» эта была весьма злободневна. Будучи направлена в адрес ученых подхалимов и проповедников пессимизма, она в то же время обличала политику в области народного образования.

Министр просвещения Л. А. Кассо, занявший этот пост в конце 1910 г., рьяно принялся за университетские реформы (так им были уничтожены выборные органы) и обуздание молодежи. Деятельность эта закончилась полнейшим разгромом Московского университета,⁸ увольнением большой группы прогрессивных профессоров и назначением на их место бездарных, по политически благонадежных, послушных велению начальства лиц.

Приведенный в «сказке» разговор министра с философом, пожелавшим стать профессором, прямо намекал на только что проведенную «реформу»:

«— Ваше высокопревосходительство, вот — я могу проповедовать, что жизнь бессмысленна и что внушениям природы не следует подчиняться!

Министр задумался: „Годится это или нет“.

Потом спросил:

— А велениям начальства надо подчиняться?

— Обязательно — надо! — сказал философ, поч-

Все эти люди — это старая, полуазиатская Русь, которой больше не быть, чтобы они ни делали, и они это чувствуют» (Ленинград, 1931, № 6, стр. 66, 67).

⁸ Горький писал И. Бунину в начале 1912 г.: «И блестящий юбилей Евгения Чирикова во дни, когда снова сотни и сотни студентов гонят, бьют, сдают в солдаты, — не утешает. Московский университет — разгромлен, да и все едва держится... И так грустно, тяжко видеть, что ловкачи, пользуясь студепческим движением, промывают себе пути ко власти молодой кровью юношества, — ценившей кровью народа!» (Горьковские чтения. 1958—1959. Изд. АН СССР. М., 1961, стр. 58).

тительно склонив вытертую книгами голову. — Ибо страсти человечья...

— Ну, то-то! Лезьте на кафедру. Жалованья — шестнадцать рублей. Только — если я предпишу принять к руководству даже и законы природы, — смотрите — без вольнодумства! Не потерплю!

И, подумав, он меланхолически сказал:

— Мы живем в такое время, что ради интересов целостности государства, может быть, и законы природы придется признать не токмо существующими, но и полезными — отчасти!

„Чорта с два! — мысленно воскликнул философ. — Дойдете вы до этого, как же...“

А вслух — ничего не сказал» (X, 443—444).

Цикл «сказок» превратился в своеобразную книгу «житейской мудрости», куда вошли фельетоны на злободневную политическую тему и рассказы о примечательных событиях из жизни либералов и ренегатов. Воссоздавалась история современного героя, показ пути, каким он «дошел до жизни такой» (см. «сказки» о барине-журналисте, литераторе Смертяшкине, либерале, увлеченном историческими параллелями, и др.). Показательность случая житейской практики подчеркивалась как использованием обычной формулы бесхитростного повествования («А еще был такой случай», «А то жил-был один барин», «А другой барин любил оправдывать себя историей»), так и ироническими сентенциями в конце рассказов («Так все молча и примерли, а отчаявшийся Игемон — после всех. Из чего следует, что даже и в терпении должна быть соблюдаема умеренность» — X, 490).

Цикл завершался сатирой на попытки «беспартийной» интеллигенции, нередко считающей себя «внеклассовой и внесословной», создать в годы обостренной классовой борьбы внепартийные органы печати. Явление это получило в 1910-е годы значительное распространение. Редакции многих старых и вновь возникавших журналов спешили сообщить об их независимости, выступая в то же время с защитой определенных партийных программ или же создавая эклектические издания. Горький, не сразу разобравшийся в подобном явлении (вспомним письмо В. И. Ленина к нему о журнале «Современник»), затем остро реагировал на подобную позицию отдельных журналов. 1 сентября 1912 г. он писал Р. М. Бланку:

«Беспартийность „Запросов жизни“ становится постепенно своеобразной партийностью без программы — худшим видом партийности: он дает широкий простор различным настроениям, но едва ли способен воспитать и организовать политическую мысль» (XXIX, 250). Сатирическая сценка, высмеивающая стремления формировать новую личность,⁹ не обращая внимания на классовое строение общества, затрагивала, таким образом, актуальную современную проблему.

Решив «создать центральный мыслящий орган, совершенно свободный от всяких зависимостей и вполне способный возвыситься надо всем и встать впереди всего, — вот как, например, козел — в стаде баранов» (X, 491), «мудрейшие из жителей» принялись лепить нового человека. Но обильные плевки при этом в сторону соседей и усердное вытаптывание полезных злаков и редких цветов не увенчались успехом: человек родился плохонький.

«На купеческой земле замесят нового человека — он или дегенератом родится, или в бюрократы попасть хочет; на дворянских угодьях — как и прежде всегда было — произрастают существа с намерениями поглотить все доходы государства, а на землях мелчан и разных мелких владельцев растут буйным чернополохом разных форм провокаторы, нигилисты, пассивисты и тому подобное» (X, 492).

Недоумение новых творцов, привыкших к перебежкам «из лагеря в лагерь», разрешает ученик второго класса мямлинской гимназии, поясняющий, почему мудрецам не удалось сотворить в луже грязи независимую личность: «Дяденьки! Земля не та! Не годится земля, честное слово, сколько вы не плюйте, ничего не выйдет!.. Ведь когда бог сотворил Адама по образу и подобию своему, — земля то ничья была, а теперь вся — чья-нибудь, вот отчего и человек всегда чей-нибудь... и дело вовсе не в плевках» (X, 494).

Примечательна литературная судьба данной «сказки». Горький надеялся увидеть свой цикл в весенних книгах «Современного мира», однако редактор литературного от-

⁹ В «Дневнике» К. П. Пятницкого (10—11 февраля 1912 г.) X «сказка» озаглавлена «Личность» (Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, М., 1958, стр. 255). То же заглавие Горький приводит в июльском письме к В. П. Краинхфельду (Архив Горького).

дела В. П. Крапихфельд не торопился с публикацией. Полагая, что «сказки» не удовлетворили в чем-то редакцию, Горький предложил Крапихфельду сказать, в какой мере они удачны: «Я не самолюбив, со мной можно говорить просто и откровенно. Мне кажется, что если бы сказки оказались достаточно удобными для журнала и ценными с точки зрения социально-педагогической, их можно бы давать два раза в год, частью как фельетоны на тему современности, частью же „вообще“ на русские темы» (X, 524).

Крапихфельд ответил развернутым письмом, в котором, соглашаясь на публикацию нового цикла, дал следующую оценку «Русских сказок»: «Называя их „прелестными“, я высказал о них свое искреннее мнение, и даже не только свое: такого же мнения о них Мария Карловна [Иорданская]; такого же мнения оказались и несколько близких мне людей, которым я дома у себя доставил большое наслаждение, прочитав им вслух только что прочитанные мною про себя Ваши сказки. Конечно, они не равноценны, а слабее всех остальных показалась мне последняя сказка: она оставляет впечатление некоторой незаконченности. И после того, как я проверил это свое впечатление, я предпочел бы, чтобы первая серия Ваших сказок заканчивалась не ею, так как именно на ней ослабевает настроение, в котором Вы удерживаете читателя на протяжении всех предшествующих сказок. Если Вы доверяете моему опыту, то, может быть, Вы согласились бы или переместить последнюю сказку, поставив ее где-нибудь среди других, или даже совсем устранить ее из первой серии, обработав ее для второй серии. Последнее мне кажется более целесообразным».¹⁰

Горький выполнил пожелание редактора, хотя и не согласился с его суждением. Прислав вместо последней «сказки» другую (о трех сыновьях статского советника Опого),¹¹ писатель опубликовал в издательстве И. П. Ладьяжникова «Русские сказки» в их первоначальном составе, сохранив и в дальнейшем повествование о независимой личности в качестве завершающего цикл 1912 г.

¹⁰ Письмо от 7 июля 1912 г. (Архив Горького).

¹¹ «Сказка», завершившая цикл в «Современном мире», не включалась позднее самим Горьким в состав «Русских сказок». Перепечатка ее дана в книге: М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Изд. АН СССР, Л., 1936, стр. 71—76.

Вопрос о социальной обусловленности идеологии затрагивался в ряде «Русских сказок». Литература и философия пессимистов была поддержана буржуазными и правительственными кругами. Издателем поэзии Смертяшкина оказался сын «знаменитого салотопа и мыловара Говорухина» («Ваши, — говорит, — вдохновения как раз то самое, еще никем не сказанное слово новой поэзии, в поиски за которым я и снаряжился, подобно аргонавту Герострату» — X, 450),¹² философ-пессимист был опекаем министром-мракобесом. Таким образом, «сказка» о человеке, который «всегда чей-нибудь», подытоживала одну из сквозных тем «Русских сказок» и потому вопреки мнению Кранихфельда была органически связана с ними. Изъятую «сказку» Горький передал без переработки в газету «Правда», где она и была опубликована 30 сентября 1912 г.

Заменившая ее «сказка» о трех братьях не давала подобного итога, однако и в ней нашли прямое отражение некоторые темы других «сказок».

В 1912 г. Горький не осуществил своего намерения продолжить цикл. Помимо одиннадцати, появившихся в «Современном мире» и в «Правде», дополнительно опубликована была только «сказка» о Смертяшкине. Ряд сатирических сюжетов, привлечших писателя, оказался неиспользованным. Об одном из них он писал Н. Иванову, выразившему желание работать в сатирическом отделе «Современника»: «А вот не улыбнется ли Вам положение инородцев на Руси? Состряпать бы эдакую дружескую беседу еврея, татарина, фиша, армянина и т. д. Сидят где-нибудь, куда заботливо посажены, и состязаются друг с другом, пачисляя, кто сколько обид понес на своем веку. А русский слушает и молчит. Долго молчал, все выслушал, молвил некое слово — да завязнет оно в памяти на все годы, пока длится эта наша безурядица и бестолочь» (XXIX, 272).

Другой сюжет был частично раскрыт в XVI итальянской «сказке», как бы связывающей между собой оба цикла — русский и итальянский. В ней воспроизводилась беседа русских на пароходе. Губернатор (Жан) предла-

---

¹² «Сказка» содержала намек на буржуазных мещанов символизма, в частности на издателя журнала «Золотое руно» — Н. П. Рябушинского.

гал свой вариант уничтожения «бунтовщиков в деревнях». Посылая эту «сказку» в «Запросы жизни», Горький писал Р. М. Бланку: «На случай, если бы Вам показался невероятным проект истребления деревенских буянов и пьяниц, сообщаю имя автора проекта: Жан Родионов, автор книги „Наше преступление“. Этим я не говорю, что видел Родионова и „слышал мудрость его из уст его“, но — что он таковые проекты развивал истекшим летом в доме своих знакомых, это я знаю из источников достовернейших».¹³

Злободневные намеки горьковской сатиры и ее прототипы легко угадывались современниками. Об этом свидетельствуют отзывы буржуазных критиков, то же отмечено и одним из первых читателей цикла. Сообщая Горькому, что из боязни цензуры заглавие «Русские сказки» заменено в журнале более нейтральным — «Сказки», Кранихфельд писал: «В соответствии с этим в трех случаях, где действие происходит „в некотором царстве, в некотором государстве“, я заменил вкрапившиеся в текст слова „Россия“, „русский“ — страной, отечеством, подданным... Кроме того, я убежден, что эти изменения цензуры ради существенного значения не имеют, и всякий читатель прекрасно поймет, что сказки эти — наши, отечественные, русские, и что героями их являемся именно мы и наши достопочтенные соотечественники, имена коих, где нужно, всегда угадываются».¹⁴

«Сказки», которые сам Горький назвал фельетонами на современные темы, порой перерастали в памфлет. Так, «сказка» о националисте, помимо едкого разоблачения национальной политики самодержавия, — постоянной темы Горького-публициста, содержала в себе злую сатиру на П. Б. Струве как типичного либерально-буржуазного ренегата.

Эта фигура давно уже интересовала писателя. Из многочисленных встреч в первый приезд в Петербург (1899) он особо выделил встречи с Н. К. Михайловским, В. В. Вересаевым и Струве (XXVIII, 128). Однако последний не оправдал представления о себе как о человеке твердой убежденности. В одном из писем

---

¹³ Архив Горького.

¹⁴ Там же.

к Р. М. Бланку в 1912 г. Горький так охарактеризовал превращение бывшего легального марксиста в вождя «московско-русской мысли»: «Гораздо вреднее Изгоева — Струве, этот каждый день имеет новые верования, он точно сито в руках грязной бабы — истории нашей современности — она просеивает сквозь него всякие события и, как сито, он пропускает муку, оставляя в себе отруби для свиней. Несомненно — он умный, образованный парень, но странным каким-то образом напоминает нам тех русских дурачков, которых так легко можно научить и молитвам, и матерщине».¹⁵

Биография героя «сказки» напоминала о социальной эволюции Струве: «Стал вспоминать прошлое — как будто все в порядке: и социалистом был, и молодежь возмущал, а потом ото всего отрекся и давно уже собственные посылы своими же ногами усердно топчет. Вообще — жил как все, сообразно настроению времени и внушениям его» (X, 465—466).

О Струве как прототипе свидетельствовала и публицистическая деятельность героя. Барин «бросился к зеркалу — действительно, лицо неясное, вроде слепо и без запятых напечатанной страницы перевода с иностранного языка, причем переводчик был беззаботен и малограмотен, так что совсем нельзя понять, о чем говорит эта страница: не то требует душу свободе народа в дар принести, не то утверждает необходимость полного признания государственности» (X, 466).

Поводом для написания «сказки» послужили националистические выступления как самого Струве, так и сотрудников возглавляемого им журнала «Русская мысль».

В 1909 г. Струве выступил со статьей «Интеллигенция и национальное лицо», в которой говорил о необходимости отказаться от идей интернационализма и стать сугубо русской, а не «общероссийской интеллигенцией».¹⁶ Эта же статья вместе с ответами на полемiku, вызванную ею, вошла в книгу Струве «Patriotica» (1911), отчетливо раскрывшую антиреволюционную идеологию ее автора.

«Сказка» о барине, который занимался журналистикой и усердно разыскивал свое «национальное» лицо, на-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Слово, 1909, 10 марта.

писанная непосредственно после выхода программной книги редактора «Русской мысли», не могла не вызвать в представлении читателя образа яркого защитника «Великой России». Защита эта сблизила национал-либерала с правительственной точкой зрения, что и было отмечено в горьковской сатире. Не найдя своего «национального лица», обеспокоенный журналист пошел за советом к знатому национальному вопросу — приставу своего участка фон Юденфрессеру.¹⁷

«Приставу, конечно, лестно, что вот — образованный человек, недавно еще в нелегальностях подзрелся, а ныне — доверчиво советуется, как лицо переменить. Хохочет пристав и, в радости великой, кричит:

— Да ничего же нет проще, милейший вы мой! Браллиант вы мой американский, да потритесь вы об инородца, оно сразу же и выявится, истинное-то ваше лицо» (X, 466).

Так и случилось. Обрадованный барин начал развивать свои националистические взгляды перед представителями народов России. Его сатирически преломленные речи явно намекали на позицию Струве в дискуссии о национальной культуре и насильственной руссификации. «Сказка» говорила о том, как ответили «инородцы» на проповедь барина, окончательно стершую его старое лицо.

«Сказка» о националисте с ее обнаженной портретностью не была одинока.

В сатирическом цикле 1912 г. большое внимание уделялось современной литературе. Две «сказки» на эту тему были опубликованы в «Современном мире», третья появилась в газете «Русское слово» (1912, 16 декабря).

Антидемократизм литературы эпохи реакции, понижение писательской этики, отрицание социально-педагогического значения искусства — все это неоднократно служило поводом для гневных выступлений Горького. Желая организовать отпор «клике бесноватых, совершающих

---

¹⁷ Фамилия блюстителя порядка (в переводе «пожиратель сурсев») характеризовала его и как проводника беззащитного национализма, и как верного слугу царского правительства, охотно опиравшегося на немецких «слуг по найму, обязанность которых держать русского человека за горло» (М. Горький. Письмо к монархисту. — М. Горький. Материалы и исследования, т. I, Л., 1934, стр. 57).

свои пляски в литературе», он еще в 1908 г. писал К. П. Пятницкому: «И мне кажется, что „Знание“, у которого уже есть традиция, должно бы выступить на бой со всей этой шайкой дряни — вроде Ивановых-Разумниковых, Мережковских, Струве, Сологубов, Кузминых и т. д. Именно — „Знание“» (XXIX, 59).

Отказ Пятницкого преобразовать сборники «Знания», введя в них публицистику, не охладил боевого духа Горького, он нашел свое проявление в его публицистических и художественных высказываниях.

«Сказки», посвященные литературе, призывали к борьбе с упадническими настроениями и их губительным воздействием на читателей, особенно на молодежь. Пошлый поэт написал стихи в тон времени о бессмысленности жизни и человеческого бытия. «А один юноша — очень хороший юноша, мучительно искавший смысла жизни, — прочитал эти стихи и застрелился.

Он, видите ли, был уверен, что автор стихов, прежде чем отвергнуть жизнь, искал смысла в ней так же долго и мучительно, как искал сам он, юноша, и он не знал, что эти мрачные мысли продаются по шестнадцати копеек строка. Серьезный был» (X, 448).

«Сказка», дополнительно опубликованная в «Русском слове», продолжила разоблачение певцов смерти и разрушения. Литератор Смертяшкин, выведенный в ней, впервые появился в статье «Разрушение личности», в которой Горький так определял причины литературного упадничества: «Проповедь смерти полезна ему [мещанину]: она вызывает в душе его спокойный нигилизм и — только. Острой пряностью мышления о гибели всего сущего мещанство приправляет жирную и обильную пиццу свою, побеждая пресыщение свое, а клиенты его, певцы смерти, господна Смертяшкины, действительно и неизлечимо отравляются страхом ее, бледнеют, вянут и жалобно кричат: „Погибаем, ибо нет личного бессмертия“» (XXIV, 70).

Типизируя облик литератора эпохи реакции (настроения, бичуемые Горьким, близки, например, М. Арцыбашеву),¹⁸ Смертяшкин имел в то же время и прямой про-

¹⁸ До публикации статьи Горький писал А. Амфитеатрову: «Смертяшкин благоденствует и гнусно клеветает на жизнь» (Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, М., 1958, стр. 41).

тотип. Им оказался Д. Мережковский, опубликовавший в 1908 г. возмущившую Горького статью «В обезьяньих лапах».¹⁹

В «сказке» об Евстигнее Закивакине, сотруднике «Анонимного бюро похоронных процессий», дано художественное раскрытие возникшего ранее образа. Показывая «рождение» и «возвышение» поэта, попавшего в тон времени, Горький остро пародировал тематику и стилистику певцов смерти, и прежде всего символистов.²⁰

Образы Закивакина, избравшего псевдоним Смертяшкин, и его супруги были сатирически расцвечены могильным словарем. Вот как изображено объяснение поэта в любви:

«Она долго ожидала этого и, унав на грудь его, воркует, *разлагаясь* от счастья:

— Я согласна *идти к смерти* рука об руку с тобой!..

Смертяшкин настолько воодушевился, что даже без особого труда стихи сочинил и прошептал их *черным* шопотом в ухо *будущему скелету* возлюбленной...

— Как *мертво!* — восхищалась Нимфодора. — Как *трупно-могильно!*» (X, 451—452).²¹

¹⁹ См. об этом в главе второй. Горький-сатирик высмеял Д. Мережковского еще в 1906 г. (см.: М. В. Теплинский. О памфлете М. Горького «Письмо в редакцию». Уч. зап. Южно-Сахалинского пед. инст., 1959, т. II, стр. 50—54.

²⁰ Впоследствии Горький писал (XXX, 275), что в числе пародируемых произведений было стихотворение З. Гиппиус «Цветы ночи» («О, почпому часу не верьте! / Он исполнен злой красоты. / В этот час люди близки к смерти, / Только странно живы цветы»). Мотивы смерти особенно сильно зазвучали во второй книге «Собрания стихов» поэтессы (М., 1910). Так, в стихотворении «Петербург» читаем: «Твое дыханье — смерть и тленье», «Из скверов тянет трупной мглой», а в стихотворении «Дождичек» дождевые голоса «О гниеньи, разложеньи, / Все твердят — не устают / О всеобщем разрушеньи, / Умираньи поют». Мотивы смерти весьма характерны и для поэзии Сологуба, одно из творений Смертяшкина напоминало его стихотворение «Живы дети, только дети». Удачно пародировалась в «сказке» также декадентская проза.

²¹ См. «трупно-холодное» в стихотворении З. Гиппиус «Все кругом» («Собрание стихов», кн. 2). Курсив здесь и в следующей цитате мой, — К. М.

Пародия и модернистский пейзаж «сказки», подчеркивающий все ту же могильность.

«Так, стильно мечтая, они сидели до той поры, пока из холодной могилы пространства, где погребены мириады погасших солнц и в мертвой пляске кружатся замороженные планеты, — пока в этой пустыне бездонного кладбища усопших миров не появился скорбный лик луны, угрюмо осветив землю, пожирающую все живое...»

Ах, это жуткое сияние умершей луны, подобное свечению гнилушек, всегда напоминает чутким сердцам, что смысл бытия — *тление, тление...*» (X, 452).

Наряду с обобщенной характеристикой декадентской литературы «сказка» содержала намеки на конкретные литературные явления, и это дало повод Сологубу выступить с протестом.²² Он увидел в ней личный выпад против себя и своей жены А. Чеботаревской.

В ответном письме Горький удивленно спрашивал, как мог талантливый поэт столь нелепо истолковать произведение, адресованное литераторам, опощившим все, в том числе и идеологию своих учителей. «Прочитав мой фельетон более спокойно, — писал Горький, — Вы, вероятно, поняли бы, что Смертяшкин — это тот безымянный, но страшный человек, который все, — в том числе и Ваши идеи, даже Ваши слова, — опроцает, тащит на улицу, пачкает и которому, в сущности, — все, кроме сытости, одинаково чуждо... Мне трудно представить, чтоб Вы сами, изнутри, без толчков извне, отождествили себя со Смертяшкиным» (XXIX, 290).

Встает вопрос: вправе ли был Сологуб так истолковать горьковскую «сказку»? Не содержала ли она вопреки авторскому утверждению, помимо общей оценки пессимистической литературы, и некоторую дозу личной сатиры?

Для того чтобы ответить на это, следует вспомнить обстоятельства, предшествующие публикации «сказки».

В эпоху реакции появилось немало произведений, в которых довольно явственно изображались современные

---

²² См. письмо Ф. Сологуба к Горькому в кн.: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 195, 196.

писатели и артисты. Горький с возмущением писал об этом.²³ Не удержался от подобного изображения и Ф. Сологуб. В апреле 1912 г. под видом неизданных эпизодов из романа «Мелкий бес» в газете «Речь» появился фельетон «Сергей Тургенев и Шарик».²⁴ Используя приемы повременской критики, Сологуб вывел в нем в грубо шаржированном виде Горького и Скитальца. Горький показан мелким, вздорным человеком, завидующим славе своих товарищей и стремящимся во что бы то ни стало завоевать успех у читателя. Расшифровка фельетона не вызывала труда, слишком явно было портретное сходство Горького с писателем Шариком, слишком прозрачно было сближение раннего горьковского творчества с «вдохновениями» сологубовского персонажа. Но автору и это показалось недостаточным. В его насквиль дано и прямое раскрытие «иносказания» — приведены точные наименования горьковских произведений («Фома Гордеев» и «Песня о Соколе») и сценка, использующая материал напумевшего в свое время инцидента в Московском художественном театре (1900).²⁵ Подобно В. Буренину, Сологуб усиленно подчеркивал «малокультурность» писателей, появившихся из низов общества. Публикация фельетона, очевидно, была вызвана горьковскими оценками пессимистической литературы, видным представителем которой являлся Сологуб. Творческая деятельность Горького представляла решительное отрицание основных принципов Сологуба-художника, однако последний не стремился к полемике с литературным направлением, во главе которого стоял автор «Песни о Буревестнике». Его задача снизить и развенчать моральный авторитет Горького-писателя и общественного деятеля.²⁶

²³ См., например, письмо к Р. М. Бланку: «... что за „новая полоса“ в русской литературе? Дымов принят портрет Мережковского, Шолом-Аш портреты Дымова, Вольнского, Бурдеса, Чирикова и т. д., и все — ужасно! Сологуб изобразил, как будто и как говорят, меня, Ропшин тоже портретист, Винниченко — также» (Архив Горького).

²⁴ Речь, 1912, №№ 101, 109, 116, от 15, 22, 29 апреля.

²⁵ Горький заявил публике, что, вместо того чтобы смотреть на него в антрактах, ей бы стоило внимательно отнестись к чеховской пьесе «Чайка», которая шла в тот вечер в театре.

²⁶ Насквиль Сологуба был высмеян в басне Д. Бедного «Шарик» (позднее «Жук и крот») в «Современном мире» (1912, № 11, стр. 190).

Собственное выступление заставило Сологуба воспринять Смертяшкина как ответный выпад.²⁷

Имя Сологуба, за творчеством которого Горький внимательно следил, быстро стало для него, подобно именам Мережковского и Струве, нарицательным.²⁸ Не отрицая таланта писателя, — Горький, в частности, высоко ценил мастерство книги «Пламенный круг» и роман «Мелкий бес», — он вместе с тем всегда порицал его художественное и общественное средо. Когда в 1909 г. П. Е. Кулаков предложил Горькому принять участие в организуемом им литературном сборнике, тот ответил, что не считает возможным стать в один ряд с людьми из «Шинювника», которые, в особенности Ф. Сологуб, кажутся ему не литераторами, а циниками.²⁹

Совпадение ряда фактов позволяет думать, что, давая едкую характеристику литературы эпохи реакции, в которой видное место занимала «сологубовщина»,³⁰ Горький не стремился к затупевыванию в своей «сказке» ее реальных основ. Скрещивание двух линий — типизированной «политико-бытовой» характеристики и проецирования ее в адрес реально существующих лиц, как бы концентрирующих идеологические устремления отдельных социальных групп, — одна из отличительных особенностей

²⁷ Ф. Сологуб писал А. А. Измайлову: «Что касается того, что у М. Горького могли быть основания сердиться на меня, скажу следующее: в главах, которые я не включил в текст „Мелкого беса“ и напечатал отдельно в „Речи“ нынче весной, есть, правда, кое-какие намеки на Горького (речь в буфете), но есть много и такого, что на образ Горького не натягивается. Списаны эти два писателя не с Горького, а с двух литераторов, с которыми я встретился в Крестцах в 1884 году, и уже потом прибавлено кое-что из позднейших наблюдений» (ПРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 7, л. 26).

²⁸ Так, говоря о людях, «не помнящих родства, не чувствующих связи с родиной», Горький писал в 1912 г. Л. А. Никифоровой: «Именует ли себя оный Ванька Пестром Струве или Сологубом — все едино — в существе его нет двух основных человеческих свойств: любви к жизни, уважения к самому себе. Он всю жизнь возится с неким мыльным пузырем, своим „я“, надувается, пыжится, хочет создать из своей пустоты „неповторимую единственную индивидуальность“ — и создает жалчайшее нечто» (Изв. АН СССР, Отд. литературы и яз., 1949, т. VIII, вып. 2, стр. 125).

²⁹ Архив Горького. — В результате переписки с Горьким Кулаков отказался от своего проекта.

³⁰ Литературное наследство, 1965, т. 72, стр. 305.

«Русских сказок». Позднее Горький писал, что, создавая *Смертяшкина*, «„в числе драки“ имел в виду и пессимизм Сологуба. Не отрицая, что издание Чеботаревской книги только положительных рецензий о Ф. К. очень развеселило меня»³¹ (XXX, 275). Хорошо был известен писателю и псевдоним Сологуба. В письмах той поры он упоминает о нем и просит выслать соответствующие номера «Речи».

Книга «О Ф. Сологубе» вызвала критические отклики, отметившие тенденциозность отбора составительницы. Строки горьковской «сказки» о жене поэта, которая «сама солила огурцы, тщательно собирала все рецензии о стихах мужа и, уничтожая неодобрительные, — похвальные издавала отдельными томиками за счет поклонников поэта» (X, 454), вместе с пародийным использованием мыслей отдельных статей сборника в отзыве домашнего критика о *Смертяшкине* не могли не вызвать не только у Сологуба, но и у других читателей определенных ассоциаций. Однако в отличие от Сологуба элементы личной сатиры не заняли в «сказке» главенствующего места. То была борьба с явлениями распада личности, с правом литератора внушать отвращение к жизни. Псевдоним Сологуба не поднялся над стремлением очернить личность чуждого ему писателя, «сказка» Горького была направлена против значительной группы литераторов, пропаганду идей которой он считал вредной. Это-то, видимо, и послужило поводом к отрицанию личной сатиры. В том же 1912 г. Л. Андреев увидел в статье «О современности» выпад против себя. В ответном письме Горький сообщал, что, говоря о культе Иуды, не имел в виду андреевского «Иуду Искарнота», речь шла «о писателях улицы, о том, как они опошляют большие идеи».³² Признание это близко тому, что Горький написал Сологубу. И в том и в другом случае он безусловно не избегал личных намеков, но частный элемент был подчинен общей задаче типизировать отрицательные явления. И здесь Горький добился несомненного успеха: *Смертяшкин* был воспринят как обобщенный сатирический образ и стал

---

³¹ О Ф. Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Сост. А. Чеботаревская. Изд. «Шиповник», СПб., 1911, 356 стр.

³² Литературное наследство, 1965, т. 72, стр. 338.

паритетным.³³ Горький дорожил этой «сказкой» и предлагал даже перепечатать ее в «Правде».³⁴

Наряду со сказкою-памфлетом и фельетоном «на современную тему» в сатирическом цикле нашел также место фельетон «на общероссийские темы» — о проповеди непротивления злу насилием, о пассивном гуманизме, об увлечении левой фразой, позволяющей легко сочетать либеральное красноречие с лозунгом «не давать». Показ последствий проповеди терпения дополнялся сатирическим изображением протеста, ограниченного узкими рамками легальности. «Сказка» о еврейских погромах разоблачала буржуазных гуманистов, пытавшихся протестовать против призыва царизма только в дозах, дозволенных властью. Вскрыв подоснову организации погромов как средства отвлечения внимания широких масс от современной организации общества («Разворотят домов полсотни, перебыют несколько еврейского народу и, устав в трудах, успокоятся в желаниях, а порядок — торжествует!..» — X, 475), Горький высмеял стремление интеллигенции вести борьбу с самодержавием путем легального воздействия на общественное мнение.

Шестнадцать гуманистов из года в год публиковали свои протесты, к которым порой присоединялись Заторканный из Мямлина, Раздергаев из Дремова, Самогрызов из Окурова. Менялись, однако, не события, а только возраст протестующих (7-летний Гриша Будущев стал уже 43-летним), да изредка присяжный поверенный Нарым выбывал в одноименный город. И все эти протесты служили вопреки желанию гуманистов все той же цели — «отвода волнений и угашения страстей».

В данной «сказке» писатель с улыбкой отмечал и свое участие в составлении подобных обращений к русскому обществу. Среди имен протестантов (Гуманистова, Хлопотунского, Кирилла Мефодиевича Словотекова³⁵ и др.)

³³ Так, А. Амфитеатров писал А. Измайлову 20 мая 1913 г. о С. Сергееве-Ценском: «Это чрезвычайно талантливый человек и мне всегда было жалко, когда он безужно танцевал *danse masabre* вместе с другими, как выражается Горький, Смертячкиными» (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 8, л. 40).

³⁴ Письмо к А. П. Тихонову 19 декабря 1912 г. (Горьковские чтения. 1953—1957. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 27).

³⁵ Примечательна история этого персонажа. Сатиру, опубликованную в журнале «Чудак» (1928), Горький подписал псевдо-

названо и имя Грохалы — прозвище юного Пешкова, упомянутое писателем в автобиографической повести «Хозяин». Тесно объединены с злободневными «сказками» и рассказы, написанные в духе гротескно-политических сказок Щедрина (воскресший писатель, встреча поэта с клоуном и др.). О широком освоении Горьким традиций политической сатиры свидетельствует создание близких к щедринским сатирических образов и формул общественного поведения. Таков человек-усмиритель, Оронтий Стервенко, напоминающий Полкана Самсоновича Редедю («Современные идилии»), такова деятельность газеты «Туда-Сюда», идущей по стопам органа «Чего изволите?», таковы же многократно повторяющаяся формула — жил «сообразно настроению времени и внушениям его», заменившая щедринское «применительно к подлости», и окрик «Не потерялию!», вызывающий в памяти персонаж «Истории одного города».

Пишущие о щедринских традициях в творчестве Горького³⁶ установили, помимо отмеченных мной, и другие переклички с Щедриным в «Русских сказках». Однако они не обратили внимания на то, что переклички эти слишком явно подчеркнуты, как бы лежат на поверхности. Явность эта несомненно входила в художественное намерение автора. Он хотел, чтобы и читатель почувствовал: щедринская Русь не умерла, реакционные явления конца XIX в. родственны явлениям нового времени.

Но связь с Щедриным не ограничилась только нарочитой подчеркнутостью живучести явлений, подмеченных

нимом «Самокритик Кириллович Словоотеков», как бы подчеркивая им преемственность словотолчения, переданного отцом (Кириллом Мефодиевичем), потомком создателей письменности своему сыну. В Собрании сочинений (т. X, стр. 475) допущена явная ошибка: «Кирилл Мефодиев Словоотеков» раздвоен: появился Кирилл Мефодиев и Словоотеков.

³⁶ Я. Е. Эльсберг. Традиции Щедрина в творчестве Горького (Горьковские чтения. 1947—1948. Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 337—376); Н. В. Яковлев. Сатира в творчестве Горького и наследие Салтыкова-Щедрина. (Вопросы советской литературы, т. V. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 64—105); И. П. Свиричев. Некоторые особенности лингво-стилистических приемов сатиры М. Горького. (На материале «Русских сказок»). Идейно-стилистические функции элементов устного народного творчества в «Русских сказках» М. Горького. Уч. зап. Магаданского гос. пед. инст., 1963, вып. I, ч. I, стр. 24—54, 168—180, и др.

его зорким взглядом. В «Русских сказках» широко используются и другие примечательные черты щедринской сатиры, в том числе скрещивание лексикки разнородных социальных групп. В «сказках» мы найдем сатирическое освоение официально-служебной речи, прощическое осмысление традиционных формул либерализма, пародирование языка и стиля модных литераторов, стилизацию манеры мещанской среды, неожиданное использование вульгарной речи. Речевая характеристика служила основным средством воссоздания облика героя. Так, например, речь старшего брата-provokатора (из «сказки» о трех братьях), копчившего свою деятельность профессурой на кафедре истории, насыщена обильным приведением единообразных исторических аналогий («Еще император Веспасиан доказывал, что деньги не имеют запаха», «Хорошо было жить триста лет тому назад! Хоть — Шуйскому служи, не хочешь — иди к Тушинскому вору, а кроме того, — Сигизмунд! Ныне же понятия исказились: совесть покупают пшочем, и везде невыгодно, везде беспокожно»),³⁷ а для речи Нимфодоры Заваяшкиной характерно тяготение к модному кладбищенству в сочетании с бытовым меркантилизмом.

«Русские сказки» широко воспроизводили картину современной жизни. Здесь осмеяны и правительственная реакция (избиение и усмирение жителей, национальная политика), и ее проявления в науке, литературе, журналистике и общественной жизни в целом. Всеобщность изображаемых явлений подкреплялась как близостью отдельных тем (репетатство, мнимая гуманность и др.), так и повтором в ряде «сказок» одних и тех же мотивов. Отметим некоторые из них.

Литератор Евстигней Закиваки (III «сказка»)³⁸ «убедительно написал: „Правду ли ты скажешь, или соврешь, / Это все едино: ты умрешь!..“», а жулик, решившийся послужить «отечеству» (VIII), подтверждал свое решение тем, что «нынче даже литераторы учат — „живи как хонь, все равно — помрешь“». Таким образом, была охарактеризована не только творческая деятельность Смертяшкиных, но и показано ее практическое воздействие на читателя.

³⁷ М. Горький. Материалы и исследования, т. II, стр. 71.

³⁸ В дальнейшем указываем только нумерацию сказок.

«Сказка» (VI) о барине, любившем оправдывать себя историей и потому раздергавшем ее по клочкам, переключается со «сказкой» о трех братьях, один из которых, провокатор, основывал свой житейский опыт на исторических параллелях.

Истребителями «живых существ», буруеваемыми одними и теми же стремлениями, являются герои VIII—X «сказок». Искоренение «инакомыслящих» приносит Оронтию Стервенко немалый доход; Игемон в свою очередь вожделем вспоминает о времени, когда люди сопротивлялись: «Доложишь куда следует, что „во вверенном мне пространстве все жители искоренены“ — отсюда награды, и свежие жителей пришлют!».

Характерна следующая деталь: любимая, по свидетельству В. М. Ходасевич,³⁹ поговорка Горького «кругом шестнадцать» была весьма своеобразно использована в его сатире.

В ряде «сказок» число «шестнадцать» обозначает иронически плату за служение реакции: министр просвещения назначает философу-пессимисту «жалования — *шестнадцать* рублей» (I), нессимстические стихи оплачиваются «*шестнадцать* копеек строка» (II), на искоренение непослушных жителей Оронтию Стервенко ассигновано «*шестнадцать* тысяч рублей» (IX).

Гуманисты (VII) — Горький не случайно указал, что их было *шестнадцать*, — не связаны непосредственно с реакцией, однако их беззубые письменные протесты мало чем отличаются от непротвиления злу насиллем. И в этом плане они также подвержены «веяниям времени».

XI (ранее X) «сказка» как бы подводила итог тому, что было показано в предшествующих рассказах, и вместе с тем раскрывала смысл обыгрываемого числительного: «Наконец, мудрейшие из жителей задумались надо всем этим: — Что такое? Куда ни глянь — *кругом шестнадцать!*». Поговорка, заимствованная из блатного словаря,⁴⁰ в данном случае использована в двух планах. Это и показ всеобщности рисуемых темных явлений, утверждение, что процесс разложения охватил все области жизни, и неизбежный вывод, заключенный в самой поговорке: круг сомкнулся, близок крах.

³⁹ Новый мир, 1968, № 3, стр. 49.

⁴⁰ На бытование поговорки указал мне И. П. Дмитраков, за что приношу ему благодарность.

Во многих работах о Горьком-сатирике говорится о широком звучании в «Русских сказках» фольклорных мотивов как следствии исключительного внимания писателя к жанру народной сказки. Однако цикл, каким мы его знаем теперь, сложился из двух, написанных в разной манере частей.

Цикл 1912 г., за исключением оставшейся в дальнейшем вне его «сказки» о трех братьях — провокаторе, продажном журналисте и черносотенце, использует фольклорные элементы в незначительной дозе, причем использование явно подчинено традициям литературной сатирической сказки, выработавшей особую форму иронического осмысления фольклорных мотивов. Сюда относятся сказочные зачины с их неизменными «Жили-были», «В некотором царстве, в некотором государстве»; сочетание подчеркнутого реализма с фантастикой отдельных образов; введение неожиданных морально-правоучительных сенсаций. Подобно итальянским, «Русские сказки» были лишены сказочной стилизации, что входило в идейный замысел автора.

Иным было отношение к фольклору в цикле «Русских сказок» 1917 г., в котором Горький говорил об империалистической войне и Февральской революции. Здесь, стремясь подчеркнуть инерцию мышления народа, ее надобно было как можно быстрее преодолеть, писатель действительно широко использовал фольклор.

Глава седьмая

1

Ко времени вступления Горького в литературу русские писатели дали изумительные живописания природы. В начале XIX столетия существовал известный разрыв в изображении пейзажа в поэзии и прозе. Пейзаж в пушкинской поэзии несравненно многозначнее по своей функции и разностороннее по воспроизведению, чем в прозе. Пейзаж Лермонтова-поэта в свою очередь богаче, чем пейзаж Лермонтова-прозаика. Реалистическая проза искала свои индивидуальные пути воспроизведения природы и человека и не сразу овладела тем, чем была уже богата поэзия, в частности пейзажной символикой. В дальнейшем эти грани начали стираться. В конце века прозаики и поэты уже близки в художественном восприятии природы.

Наибольший вклад в развитие словесного пейзажа в прозе второй половины века был внесен Тургеневым, Л. Толстым, Щедриным и Чеховым.

Тургенев восстал против риторических рассуждений по поводу природы и щедрой романтизации ее.

Тщательные наблюдения — вот что должно было лежать, по его убеждению, в основе изображения природы. В отзыве о «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Аксакова Тургенев писал: «Гремите, по сходя с места, всеми громами риторики: вам большого труда это не будет стоить; попробуйте опять и выразить, что происходит хотя бы в птице, которая смолкает перед дождем, и вы увидите, как это пелегко».¹

¹ И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, т. V, изд. «Наука», М.—Л., 1963, стр. 417. — Вспомним, как тщательно

Как пейзажист, и притом пейзажист исключительного дарования, Тургенев проявил себя прежде всего в «Записках охотника».² Здесь был воссоздан не только национальный облик русского человека, но и облик страны, его породившей. Картины природы — поля, перелески, поросшие кустарником овраги (верхи) важны и для более углубленной психологической обрисовки персонажей (вспомним рассказ «Касьян с Красивой Мечи»), и сами по себе, как неотъемлемая часть представления о родном крае, о Родине в целом. Тургенев немало сделал для того, чтобы читатель ощутил своеобразие и красоту ландшафта среднерусской равнины. Неброская по краскам природа Орловщины нашла в его лице вдохновенного певца.

Замысел «Записок охотника» был широк, и многогранной стала в них роль пейзажа. Он несет большую нагрузку как в раскрытии тематики рассказов, так и в выявлении общественно-философской позиции писателя, в становлении его взгляда на мир (см., например, очерк «Лес и степь»).

Читатели давно уже обратили внимание на точность воспроизведения природы Тургеневым, на его умение подмечать малейшие изменения в ней. Писатель улавливал оттенки в трепетании листьев и звуках засыпающей рощи, в красках занимавшей и угасавшей зари, в запахах, приносимых сменой времен года, дня и ночи. В его произведениях нет статичной природы; он любит показывать ее в движении, в моменты перехода из одного состояния в другое. При этом внимание художника чаще всего сосредоточивается на предрассветных часах, изображении восхода и заката солнца; воспроизведение зимнего, как бы застывшего пейзажа им явно избегалось.

накапливал наблюдения над изменениями природы в своих дневниковых записях Л. Толстой.

² Пейзажу Тургенева посвящены многие работы. Вот некоторые из них: А. Багрий. Изображение природы в произведениях И. С. Тургенева. (По поводу финской диссертации о Тургеневе). Русский филологический вестник, 1916, № 1—2, стр. 267—287; С. В. Шувалов. Природа в творчестве Тургенева. В сб.: Творчество Тургенева. Изд. «Задруга», М., 1920, стр. 115—139; Е. М. Ефимова. Пейзаж в «Записках охотника» И. С. Тургенева. В сб.: Записки охотника И. С. Тургенева, Орел, 1955, стр. 247—280; К. Г. Чмшкян. Пейзаж в «Записках охотника» И. С. Тургенева. Научн. труды Ереванского унив., 1958, т. 66, стр. 217—234.

Тургенев значительно расширил вместе с тем рамки функционального использования пейзажа. Это один из важнейших структурных элементов его прозы: картины природы органически связаны с развитием сюжета и раскрытием сложных душевных переживаний героев. При помощи пейзажа создавался столь характерный для тургеневских произведений лирический настрой.

Пейзаж обычно щедро окрашен субъективизмом восприятия либо самого Тургенева, либо его героев. Устанавливалась сложная взаимосвязь: созерцание объективированных картин природы оказывало воздействие на настроение и думы человека, а они в свою очередь влияли на характер восприятия природы, придавая пейзажу соответствующую эмоциональную окраску.

Вот один из характерных примеров: человек отправляется на охоту.

«Но вот вы отъехали версты четыре... Край неба алеет; в березах просыпаются, словно перелетывают галки; воробьи чирикают около темных скирд. Светлеет воздух, видней дорога, яснее небо, белеют тучки, зеленеют поля. В избах красным огнем горят лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворопки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлышет потоком; сердце в вас встрепнется, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон березовый лесок на горе; за ним болото, куда вы едете... Живее, кони, живее! Крупной рысью вперед!.. Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто... Погода будет славная. Стадо потянулось из деревни к вам навстречу. Вы обратились на гору... Какой вид! Река вьется верст за десять, тускло синяя сквозь туман; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологие холмы; вдали чибисы с криком выются над болотом; сквозь влажный блеск, разлитый в воздухе, ясно выступает даль... не то, что летом. Как вольно дышит грудь,

как быстро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханием весны!..»³

Перед нами раскрывается процесс непосредственного соприкосновения с природой: пробуждение весеннего дня бодрит человека, в свете восторженнейшего сердца воспринимаются им увиденные дали. Человек и природа как бы сливаются в едином порыве.

Богатство изобразительных средств, многогранность их функционального использования и проникновенный лиризм принесли Тургеневу славу непревзойденного пейзажиста. Горький советовал молодым литераторам искусству словесного пейзажа учиться у Тургенева и Чехова.

В творчестве Л. Толстого картины природы занимают меньшее место, чем в творчестве Тургенева, но значение их столь же велико.

Давно уже подмечено, что толстовский пейзаж связан с обратными этапами в душевной жизни героев, с важнейшими моментами в развитии сюжета. «Война и мир» и «Воскресение» в этом плане родственны. Характеризуя пейзаж Толстого, Л. М. Мышковская писала: «Это прежде всего усилитель драматического действия в те моменты, когда с наибольшей полнотой и эмоциональностью предстает перед читателем внутреннее существо человека».⁴ Пейзаж важен прежде всего своей взаимосвязью с героем и раскрывается главным образом через его восприятие. Е. Н. Купреянова, рассматривающая пейзаж Толстого в свете его эстетики,⁵ приходит к выводу, что писатель шел «от восприятия к воспринимаемому, а не наоборот». Отсюда своеобразие изображения природы, в частности преодоление метафорической условности. Сосредоточивая внимание на психологии восприятия, писатель давал понять, что одушевление и одухотворение природы произведено самим наблюдателем. Это позволяет говорить о психологизации пейзажа, наметившейся уже в творчестве предшественников (в частности, у Лермонтова), но получившей у автора «Анны Карениной» свое

³ И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, т. IV, стр. 383.

⁴ Л. М. Мышковская. Мастерство Л. Н. Толстого. Изд. «Советский писатель», М., 1958, стр. 88.

⁵ Е. Н. Купреянова. Эстетика Л. Толстого. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 138—156.

наивысшее выражение, — как наиболее примечательной черте Толстого-пейзажиста.

Иной характер носил пейзаж в творчестве писателей-демократов 60—70-х годов.⁶ Он включен в образную структуру рассказов и повестей, но не для того, чтобы прояснить характер героев или же воссоздать характерный облик данного края. Его задача усилить социальный пафос произведения. В данном случае литераторы шли по пути, проложенному М. Салтыковым-Щедриным.⁷

Щедрин мастерски владел изображением картин природы, его пейзажи запоминаются, но каждый соприкоснувшийся с ними не может не заметить намеренной ограниченности зрения Щедрина-пейзажиста. В центре его зимний и осенний пейзаж, темные краски, подчеркнутая бедность природы. Здесь нет солнца, голубого неба — оно в тучах; нет разнообразия ландшафта — только равнины, напоминающие пустыню; нет голосов жизни, пения и щебетания птиц — слышатся только вопли да стоны метелей и ветра.

Тургенев и Толстой показывали человека в тесном общении и нерасторжимом единстве с природой. Щедрин избегает этого. Тургенев запечатлевает жизнь природы в ее движении и изменении, Щедрин же усиленно подчеркивает неподвижность, оцепенение природы, как бы совпадающее с оцепенением угнетенного человека. Мрачный пейзаж призван оттенить нищету и забитость деревни; в нем, как в фокусе, сосредоточивается социальная мысль автора. У Щедрина нет нейтральных пейзажей и редки противопоставления природы и человека. Вот одна из зимних картин, определяющая основную тональность произведения.

«Саваны, саваны, саваны! Саван лежит на полях и лугах; саван сковал реку; саваном окутан дремлющий лес; в саван спряталась русская деревня. Морозно; окрестность тихо цепенет... Пустыня,

⁶ Вопрос этот мало изучен. См. одну из немногих работ: В. А. Никольский. Тема природы в демократической прозе шестидесятых годов XIX в. Уч. зап. Калининского пед. инст., 1965, т. 43.

⁷ Пейзажу Щедрина посвящены работы: О. Кудрявцева. Пейзаж у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Литературная учеба, 1940, № 8—9, стр. 90—102; К. Григорьян. Пейзаж в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. Русская литература, 1961, № 3, стр. 184—194.

безнадежная, надрывающая сердце, пустыня... Вот налетел круговой вихрь, с визгом взбуравил снежную пелену — и кажется, словно где-то застонало. Вот звякнуло вдали; порывами доносится до слуха звон колокольчика обратной тройки, то прихлынет, то отхлынет, и опять кажется, что где-то стонет. Вот залаяла у деревенской околицы ледящая собачонка, зачуйв волка, и снова чудятся стоны, стоны, стоны... Мышся, что вся окрестность полна жалобного ропота, что ветер захватывает попадающиеся по дороге случайные звуки и собирает их в один общий стон».⁸

Лирическая окрашенность еще сильнее подчеркивала субъективность взгляда автора. Пейзаж Щедрина публицистичен и вместе с тем полемичен. Он восставал против бездумного увлечения пейзажной лирикой, против использования пейзажа в качестве красивой рамы и своеобразной орнаментации прозы. В рецензии «Новые стихотворения А. Н. Майкова» говорилось: «Игривые ландшафты и надзвездные пространства, хотя и могут еще, по нужде, оставаться более или менее приятными аксессуарами, но действительного, истинно-человеческого содержания искусству ни под каким видом дать не могут».⁹ «Истинно-человеческое содержание», понимаемое в данном случае как обожание всей неприглядности современной жизни, находило прямое отражение в щедринском пейзаже. Он таит в себе большое социальное обобщение.

Оцепенение, скованность, мертвящая тишина — устойчивые приметы щедринской пейзажной лирики, независимо от того изображается ли зима, осень, лето. Угрюмый колорит пронизывает *все* картины. Даже облака, за движением которых так любит следить человек, приобретают здесь мрачную окраску и неподвижность.

«Вон и еще облако подалее: и давеча оно громадным косматым комом висело над соседней деревней Нагловкой и, казалось, угрожало задушить ее — и теперь тем же косматым комом на том же месте висит, а лапы книзу протянуло, словно вот-вот прыгнуть хочет».¹⁰

⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XI, ГИХЛ. М., 1934, стр. 354.

⁹ Там же, т. V, стр. 372.

¹⁰ Там же, т. XII, стр. 76.

«Осеннее небо, отягченное серыми облаками, так низко опустилось над городом, что, казалось, собиралось его задавить. Из облаков сеялся мелкий, но спорый дождь. .».¹¹

Облака у Щедрина сродни тучам, а весна влечет за собой лишь восприятие сырости да слякоти.¹² Гармонично сливаясь со всей образной системой, подобный пейзаж усиливал ноты горечи и сарказма.

Социальный пейзаж можно встретить и у Тургенева, но для него это только один из аспектов природописания. В творчестве Щедрина он главенствует.

Пейзаж демократической прозы 60—70-х годов, посвященной жизни народа, близок пейзажу Щедрина. Она также избегает ярких картин, в ней отсутствует радостное ощущение природы. Все здесь, в том числе и картины природы, подчинено воспроизведению тяжелых условий бытия русского человека, подчеркиванию несправедливости и нищеты народа. Отсюда преобладание изображений холода, мрака, грязи, ночи и сумерек. Вот свидетельство Г. Успенского.

«Дождь только что миновал; но небу беспрерывно неслись толпы обессиленных жидких туч, которые изредка на быстром бегу своим роняли несколько капель на землю, на гнилой подокошник моей каморки и пронесли мимо. . .

За забором, где-то вдали, видна какая-то мокрая соломенная крыша, две промокшие вороны с глухим карканьем поднялись было над нею, но тотчас же и возвратились в свои норы. . . За мокрой соломенной крышей — тучи и тучи. . . Тяжесть какая-то, которую испытываешь именно только под влиянием этих крыш, ворон, грязи и разоренья, веющего от всякой русской глуши, навалилась на меня вместе с темнотою, сумраком дождливого летнего вечера».¹³

У В. Слепцова солнце «холодное», а движение ветра — «мертвое, окоченелое движение».¹⁴ Сравнения и сопостав-

¹¹ Там же, т. XV, стр. 573.

¹² Там же, т. XIII, стр. 472.

¹³ Г. Успенский, Собр. соч., т. II, Гослитиздат, М., 1955, стр. 427.

¹⁴ В. Слепцов, Соч., т. I, Гослитиздат, М., 1957, стр. 240, 241.

ления, применяемые в пейзажных зарисовках, подчинены все тому же стремлению — показать обездоленность народа. «Небо разорвано в клочья, и по небу облака, словно рублищи нищих несутся»,¹⁵ — пишет Н. Помяловский. У Н. Успенского читаем: «Я сидел у окна и смотрел вдаль. На горе стояла мокнувшая деревенька, словно заливавшаяся слезами».¹⁶

Это не столько картины природы, сколько пейзажные иносказания. Писатели-демократы точно боятся увлечься ее красотой и всячески сдерживают себя. Пейзаж их точен, но воспринят глазами человека, улавливавшего лишь определенную гамму красок, и потому кажется нарочитым. Здесь почти полное отсутствие солнечных дней, внимание приковано к осени, к непогоде. Изредка встречающийся светлый пейзаж выполняет всю ту же функцию усиления мысли об угнетении народа. В очерке «Стенная дорога днем» А. Левитов, не избегавший изображения светлых пейзажей, писал: «Волнами света залило пустыню яркое солнце. Каждая песчинка блестит в глаза граненым алмазом, но свет ничуть не развеселяет картины. Угрюмо хмурятся густые вешки, а издали, человек словно, машет и зовет вас к себе великан-верста, как будто от тяжелого удара чьего покачнувшаяся набок».¹⁷

В статье Е. А. Есаия «Пейзаж в ранних реалистических рассказах Горького» говорится, что в демократической литературе 60-х годов природа воспринималась как «роковая, неодолимая сила».¹⁸ С этим нельзя согласиться, замысел писателей был иным. Природа рассматривалась в свете судьбы народной: обездоленный народ обездолен и бедной природой, которую в настоящее время не в силах обогатить. Не природа, а социальные условия противостоят счастью народа: нищета вызвана малыми падежами земли, неурожаем не только вследствие природных стихий, но и поневоле плохой обработки почвы. Писа-

¹⁵ Н. Помяловский, Соч., т. II, изд. «Художественная литература», М., 1965, стр. 251. — Здесь и далее курсив мой, — К. М.

¹⁶ Н. Успенский. Повести, рассказы и очерки. Гослитиздат, М., 1957, стр. 194.

¹⁷ А. И. Левитов, Соч. в одном томе, Гослитиздат, М., 1956, стр. 101. — Курсив мой, — К. М.

¹⁸ Ученые записки Ереванского русского педагогического института, 1956, т. VII, стр. 190.

тели-демократы не противопоставляли природу человеку в качестве неодолимой силы, а говорили о том, что наиболее близкая ему природа становится в силу социальных обстоятельств природой недоброй и нередко такой же обездоленной.¹⁹

Вместе с тем в ряде произведений писателей-демократов явственно просвечивает мысль, что все это не вечно, что русская жизнь таит в себе иные возможности. Упомянутый выше очерк Левитова заканчивался словами: «Ох ты, проезжая степная дорога, широкая, вдоль и поперек потом и кровью залитая! Когда это так же часто будет ходить по тебе светлая радость людская, как часто ходит теперь по тебе людское темное горе!..»²⁰ Эта же мысль развивается в очерке «Насунпротив!..»²¹

Новый шаг в обогащении литературного пейзажа был сделан А. Чеховым. Он вернулся к многообразию как самих зарисовок природы, так и художественного использования их.

Несмотря на то что еще Тургенев и Щедрин отвергли пейзаж в качестве своеобразного украшения повествования, подобный пейзаж продолжал жить в литературе 70—90-х годов. Картины природы, плохо или совсем не связанные с идейно-композиционным строем произведения, — нередкое явление в ней.

Юный Чехов высмеял увлечение пейзажными подробностями, которые были лишены уже тонкой наблюдательности. В «Каникулярных работах институтки Наденьки N» вслед за цитатой из «Затишья» Тургенева следовало собственное «сочинение» Наденьки: «Солнце то всходило, то заходило. На том месте, где была заря, летела стая птиц. Где-то пастух пас свои стада, и какие-то облака носились немножко ниже неба. Я ужасно люблю природу».²²

Пейзаж Чехова утверждался в борьбе как с рутинными приемами, так и с выспренностью картин природы. В юмореске «Что чаще всего встречается в романах, по-

¹⁹ В «Коняге» Щедрин писал: «Для всех природа — мать, для него одного — бич и истязание. Нет для него ни благоухания, ни гармонии звуков, ни сочетания цветов, никаких ощущений он не знает, кроме ощущения боли, усталости и злосчастия» (Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 199).

²⁰ А. И. Левитов, Соч. в одном томе, стр. 106.

²¹ Там же, стр. 118.

²² А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. I, Гослитиздат, М., 1944, стр. 67.

вестях и т. п.» начинающий автор выступает против пейзажного штампа «Высь поднебесная, даль непроглядная, необъятная... непонятная, одним словом: природа!!!».²³ Он отказывается от общих мест, от привнесшихся изображений лунных почей, восходов и закатов солнца.

Неповторимый чеховский тон был найден не сразу. Пейзаж в рассказах начала 80-х годов еще «нестр», он свободен от скрещивания различных влияний и несколько иронического тона в связи с этим по отношению к воспроизводимым картинам. Начало творческого пути писателя интересно не столько самим воспроизведенным пейзажем, сколько тонкими художественными обновлениями его.

Изображение непримечательной жизни рядовых людей накладывало отпечаток и на изображение природы, особенно когда она раскрывалась через восприятие самих героев. Ванька Жуков, пишущий письмо бабушке, вспоминает деревню:

«А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее большими крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звездами и млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом».²⁴

«Его пейзаж, — писал С. Д. Балухатый о Чехове, — всегда обыден, это спутник повседневной жизни человека, привычный элемент окружающей человека действительности, предстоящей всегда перед его взором; это — обычная, так хорошо знакомая и, может быть, даже всегда потому и малопримечательная, как бы надоедливая „вещь“ из мира житейского. Признаки такого пейзажа поэтому не неожиданные, а столь обыденные, легко узнаваемые, повторяющиеся».²⁵

Но как большой мастер Чехов не ограничился только этим, сделав пейзаж средоточием своей авторской мысли.

В отличие от Тургенева, рисующего картины природы крупным планом с выделением многих четко обрисованных частных деталей, Чехов тяготел к предельно сжатым

²³ Там же, стр. 60.

²⁴ Там же, т. V, стр. 260. — Курсив мой, — К. М.

²⁵ С. Д. Балухатый. Ранний Чехов. В кн.: А. П. Чехов. Сборник статей и материалов, Ростов-на-Дону, 1959, стр. 73.

изображениям, утверждая, что «описания природы должны быть весьма кратки и иметь характер à propos».²⁶ Не желая лишать читателя возможности «прочитать и закрыв глаза, ...вообразить себе изображаемый пейзаж»,²⁷ Чехов стремился воссоздать картины природы при помощи мелких деталей, идти от частных к общему.

Приемы Тургенева-пейзажиста казались Чехову устаревшими, но многое, им открытое, было усвоено молодым автором. Особенно сближает их лирический настрой произведений.

У Тургенева лирический голос автора звучит открыто. Зрелый Чехов всегда «просвечивает» в своих произведениях (утверждения, что он холодец как писатель — одна из давних, несостоятельных легенд), но позиция его раскрывается не путем привычных для литературы XIX в. авторских размышлений и разъяснений. Она скрыта в глубоком подтексте или в мимолетном вторжении в повествование. Здесь часто важна словно мимоходом брошенная фраза или восклицание. Той же цели служит лирическая насыщенность пейзажа.

Вспомним строки, открывающие рассказ «Егерь»: «Знойный и душный полдень. На небе ни облачка... Выжженная солнцем трава глядит уныло, безнадежно: хоть и будет дождь, по уж не зеленеть ей... Лес стоит молча, неподвижно, словно вematривается куда-то своими верхушками или ждет чего-то».²⁸ Дальнейшее повествование воспринимается уже в свете этой лирической окрашенности.

Весьма знаменателен в этом плане рассказ «Припадок» (1888). Он публицистичен в своей основе, но публицистичность выражена особыми чеховскими средствами — воспроизведением душевного смятения человека, которое раскрывается в значительной мере через восприятие картины природы. Описание первого снега, пропизывающее рассказ, придает ему взволнованный, лирико-публицистический настрой.

²⁶ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. XIII, стр. 215. — Не менее характерно высказывание В. Г. Короленко: «Описания природы — это соус, который должен быть подаваем в умеренных количествах при других блюдах» (В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III. М., 1936, стр. 265).

²⁷ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. XVI, стр. 235.

²⁸ Там же, т. IV, стр. 21.

Когда студент Васильев, согласившись наконец пойти в С-в переулоч, «вышел с приятелями из дому, было около 11 часов. Недавно шел первый снег, и все в природе находилось под властью этого молодого снега. В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварах — все было мягко, бело, молодо, и от этого дома выглядели иначе, чем вчера, фонари горели ярче, воздух был прозрачней, экипажи стучали глуше, и в душу вместе со свежим, легким морозным воздухом просилось чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег».²⁹

И Васильеву, выпившему в ресторане водки, правился «снег, бледные, фонарные огни, резкие, черные следы, какие оставляли по первому снегу подошвы прохожих; правился ему воздух и особенно этот прозрачный, пещный, наивный, точно девственный тон, какой в природе можно наблюдать только два раза в году: когда все открыто первым снегом и весной в ясные дни, или в лунные вечера, когда на реке ломает лед».³⁰

Посещение С-ва переулоча и то равнодушие, с каким одни продавали, а другие покупали женщин, потрясло Васильева. Чувство молодости, чистоты и свежести, которое он испытал, глядя на пушистый и «наивный» снег, было растоптано. Только что увиденные им «падшие» женщины рождали отчаянную мысль: «Их продают, покупают, топят в вине и в мерзостях, а они, как овцы, тупы, равнодушны и не понимают. Боже мой, боже мой!».

Все еще шел снег. Но теперь он вызывает иную душевную реакцию. «Хлопья его, попав в свет, лениво кружились в воздухе, как пух, и еще ленивее падали на землю. Снежинки кружились толпой около Васильева и висли на его бороде, ресницах, бровях... Извозчики, лошади и прохожие были белы.

— И как может снег падать в этот переулоч! — думал Васильев. — Будь прокляты эти дома!».³¹

Студентом овладевает отчаяние, так как он начинает понимать, что в осквернении и унижении человека ви-

²⁹ Там же, т. VII, стр. 174.

³⁰ Там же, стр. 175. — В Собрании сочинений неточность: пропущено слово «первым».

³¹ Там же, стр. 185. — В первой редакции рассказа было: «И как не стыдно снегу падать в этот переулоч!».

новат «не один только переулочек да тупые женщины». И по мере того как росло негодование и ужас, менялось и восприятие молодого снега: он уже *страшен*. Впечатлительному студенту «было страшно потемок, страшно снега, который хлопьями валил на землю и, казалось, хотел засыпать весь мир; страшно было фонарных огней, бледно мерцавших сквозь снеговые облака».³²

Васильев обладал *человеческим* талантом, «тонким, великодушным чутьем к боли вообще»; увиденное в С-вом переулке вызвало припадок душевного отчаяния, который не исчез и на следующий день. И как аккомпанемент к настроению студента в рассказе вновь возник образ снега: «Снег валил как вчера; была оттепель». Когда Васильев пришел на мост через Яузу, «черная вода, потемки, пустынные берега, покрытые снегом, были страшны».³³

Таким образом, пейзажные зарисовки, вкрапленные в рассказ, играли огромную роль в его идейно-композиционном движении. Подобное использование пейзажа — превращение скудных зарисовок в своеобразный рефрен — необычайно характерно для Чехова, но в пору появления «Припадка» своеобразие Чехова-пейзажиста было оценено немногими. Одним из этих немногих был Д. В. Григоревич, который писал автору в связи с первыми откликами на рассказ: «...несправедливо, мне кажется, останавливаться только на Васильеве и сваливать на его голову все свои неудовольствия; главное лицо здесь вовсе не он; не в нем кристаллизуется вся суть дела; оно главным образом в высоком человеческом чувстве, которое от начала до конца повести все в ней освещает и все оправдывает; меня по крайней мере чувство это преследовало, все время и хватало за душу. Вечер с сумрачным небом, только что выпавшим и падающим мокрым снегом, — выбран необыкновенно счастливо; он служит как бы аккордом меланхолическому настроению, разлитому в повести, и поддерживает его от начала до конца. Впечатления природы переданы у Вас с большим еще мастерством, чем в других Ваших рассказах; несколько строк всего, но все так глубоко прочувствовано, так ма-

³² Там же, стр. 188.

³³ Там же, стр. 192.

стерски передано, что точно сам переживаешь впечатление». ³⁴

Григорович особо подчеркнул удачу строчки «И как не стыдно снегу падать в этот переулоч!». Она говорила о многом: о равнодушии природы к социальной несправедливости и о том равнодушии, с каким молодые и как будто бы не плохие сердца (а такими обладали приятели Васильева) принимали участие в поругании человека.

Наиболее близкий Чехову в характере воспроизведения пейзажа художник И. Левитан писал ему в июне 1891 г.: «... я внимательно прочел еще раз твои „Пестрые рассказы“ и „В сумерках“, и ты поразил меня как пейзажист. Я не говорю о массе очень интересных мыслей, но пейзажи в них — это верх совершенства, например, в рассказе „Счастье“ картины степи, курганов, овец поразительны». ³⁵

Что же так поразило Левитана?

На этот вопрос ответ даст сам Чехов. Он хорошо высмеял один из распространенных подходов к искусству не только у неискушенных зрителей, но и у части критиков. Героиня повести «Три года», придя на выставку, была уверена, что вся «цель искусства именно в том, чтобы на картинах, когда смотришь на них в кулак, люди и предметы выделялись, как настоящие». ³⁶ Но неожиданно для себя Юлия Сергеевна вдруг приобщилась к искусству и поняла, что в художественном произведении важно все, вплоть до настроения, которое воссоздается не сразу уловимыми средствами и о которых так трудно рассказать другому. Юлия Сергеевна увидела пейзаж: «На переднем плане речка, через нее бревенчатый мостик, на том берегу тропинка, исчезающая в темной траве, поле, потом справа кусочек леса, около него костер; должно быть, почные стерегут. А вдали догорает вечерняя заря». И героине захотелось идти по этой тропинке, она почувствовала — художник *изобразил тишину*. «Как это хорошо написано! — проговорила она... — Посмотри, Алена! Замечаешь, как тут тихо?».

³⁴ Слово. Сборник второй. «Книгоиздательство писателей в Москве», М., 1914, стр. 214—215.

³⁵ И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания. Изд. «Искусство», М., 1956, стр. 37. — Рассказ «Счастье» был включен Чеховым в сборник «Рассказы» (1890). В своем отзыве художник, видимо, имел в виду и этот сборник.

³⁶ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. VIII, стр. 447.

Подобный пейзаж встретим и у Чехова, и у Левитана. Не все выписано («костер: должно быть, ночное стерегут»), нет ни лошадей, ни самих стерегущих. Важно, чтобы зритель сам «догадался» о том, что таится в картине, и сам «дорисовал» ее, ибо цель художника не в выписывании всех необходимых предметов или точного описания всех чувствований человека, а в искусном воссоздании целостной картины, активное участие в котором принимает и сам воспринимающий. Как тонко угасания дня, перехода в ночь, когда все точно замерло, тишина!

По такому же принципу создан и покоривший Левитана рассказ «Счастье». Он поражает единством построения, гармонией всех частей, простотой. Чехов рисует ночь и рассвет в степи.

«У широкой степной дороги, называемой большим пляхом, почевала отара овец... Овцы спали. На сером фоне зари, начинавшей уже покрывать восточную часть неба, там и сям видны были силуэты не спавших овец; они стояли, опустив головы, о чем-то думали. Их мысли, длительные, тягучие, вызываемые представлениями только о широкой степи и небе, о днях и ночах, вероятно, поражали и угнетали их самих до бесчувствия, и они, стоя теперь, как вкопанные, не замечали ни присутствия чужого человека, ни беспокойства собак».³⁷

Тягучи «мысли» овец, и древними, древними кажутся мечты о счастье, в которых все предоставлено сказочной удаче. Пастух-старик говорит о спрятанных кладях и поисках их, а его случайный собеседник, объездчик, уже потерял способность удивляться и все услышанное сопровождает безличным присловием «это бывает».

Неподвижны далекие курганы, возможно, действительно хранящие клады. Они «глядели сурово и мертво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку».³⁸

Все здесь — *тягучие мысли овец* (автор несколько раз возвращается к ним), *равнодушные курганы*, *спрятанное счастье* — явления одного ряда. Это нечто от древней

³⁷ Там же, т. VI, стр. 161, 162.

³⁸ Там же, стр. 167.

истории, застывшая, остановившаяся во времени поэзия. И точно беглым лучом солнца озаряет поэтически созданную картину мысль автора, как бы мимоходом оброненная, но концентрирующая в себе его взгляд на мир.

«Солнце еще не взошло, но уже были видны все курганы и далекая, похожая на облако, Саур-Могила с острокопечной верхушкой. Если взобраться на эту Могилу, то с нее видна равнина, такая же ровная и безграничная, как небо, видны барские усадьбы, хутора немцев и молочан, деревни, а дальпозоркий калмык увидит даже город и поезда железных дорог. Только отсюда и видно, что на этом свете, кроме молчаливой степи и вековых курганов, есть другая жизнь, которой нет дела до зарытого счастья и овечьих мыслей».³⁹

В литературе порой можно встретить замечания, что сближение Чехова и Левитана как родственных талантов неправомерно, так как у первого всегда дан жанр, всегда ощущается присутствие человека, а второй создает «чистый пейзаж». Но подобное противопоставление неубедительно. Писатель и художник близки в данном случае не точным совпадением рисуемых картин, а общностью художественного восприятия и миропонимания.

2

Горький-пейзажист несомненно опирался на достигнутое писателями XIX в., но столь же несомненно, что он в свою очередь стал поватором в изображении картин природы.

В статье «Величайший из романистов» Чарльз П. Сноу сказал, что Толстой дал почувствовать англичанину — «Россия ужасно просторная страна».

«Русская литература, — пишет Сноу, — в этом отношении — прямая противоположность нашей. Почти во всех произведениях русской литературы, и прежде всего Толстого, английский читатель ощущает дыхание необъятных просторов, бескрайних русских равнин. Интересно, а вы, читая книги ваших писателей, тоже ощущаете ветер с привольных просторов или же для вас это что-то привычное?».⁴⁰

³⁹ Там же, стр. 168.

⁴⁰ Литературная газета, 1960, № 138, 19 ноября, стр. 6.

Для русского читателя это действительно нечто привычное. Бескрайность русских равнин он почувствовал еще в «Слове о полку Игореве».

Литература XIX столетия широко отразила приволье центральной и областной России, были показаны и ее окраины. Однако для творчества большинства крупных прозаиков XIX века характерно преимущественное воспроизведение местного, родного пейзажа, а так как многие из них были уроженцами средней полосы России и Поволжья, это невольно создавало впечатление некоторой пейзажной замкнутости. Во время работы над повестью «Степь» Чехов так охарактеризовал одну из своих задач: «Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще нетронутыми, и как еще не тесно русскому художнику». ⁴¹

Идущий следом Горький щедро раскрывал эти залежи. И если Тургенев тяготел к описанию лесостепи, Бунин изображал главным образом предстепье, а Эртель прославился изображением степных просторов, то Горький в своих произведениях запечатлел степь, море, горы. Он показал и близкое ему Поволжье и края, увиденные в годы юношеских скитаний, — Кубань, Кавказ, Черноморское побережье.

В работах о литературном пейзаже прошлого века исследователи нередко говорят, что природа интересовала писателей не сама по себе, а как одна из возможностей прояснить характер человека или взаимоотношения отдельных героев.

Спора нет, в истинном художественном произведении нет нейтральных, пустых мест, все они в той или иной мере работают на сюжет, фабулу. И вместе с тем природа у многих авторов объективирована, стала самостоятельным предметом художественного изображения, вступающим во взаимосвязь с другими компонентами произведения, но не всегда играющим в нем только служебную роль.

Такова природа и в изображении Горького. Непосредственно включаясь в идейно-художественные замыслы, горьковские пейзажи знакомили читателя с необозримыми просторами страны; приобщение к ним являлось одним

---

⁴¹ А. П. Чехов, Поэтич. собр. соч. и писем. т. XIV, стр. 14.

из самостоятельных заданий рассказов. Стремясь воссоздать синтетический образ России, Горький включал в него и русскую природу, и русских жителей с их нелегкой исторической судьбой.

Соотнесение природы и человека стало достоянием литературы еще со времен Руссо, но каждый художник вносил в это соотнесение нечто индивидуальное. Горьковские пейзажи невозможно спутать с другими, они своеобразны как по своей тональности, так и по своей социальной и художественной значимости.

Реалистическая живопись щедро воспроизводила печаль русской природы. Вспомним весеннюю оттепель Ф. Васильева, с весной без солнца. Столь же бессолнечна природа у А. Саврасова, которого И. Левитан называл создателем русского пейзажа, находящего «в самом простом и обыкновенном те интимные, глубоко трогательные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже и так неотразимо действуют на душу. С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле».⁴² Задушевную грусть излучают картины самого Левитана.

Пейзажи реалистической литературы также не тяготели к яркому колориту. Ан. Григорьев писал, что поэзия Тургенева «не ловит в природе ярких оттенков, крупных явлений; напротив, она как будто с умыслом избегает их и ловит оттенки тонкие, следит природу в тонких, неуловимых ее явлениях».⁴³

У каждого писателя есть свой излюбленный пейзаж. Щедрии тяготел к воссозданию картин зимней и осенней природы, позволяющих подчеркнуть мрак русской жизни. У Тургенева преобладают весенние и летние пейзажи. Чехов любил зимний пейзаж, непогоду, туманы, вечер. У Горького, особенно в 1890—1900-е годы, не было пристрастия к изображению определенного времени года (хотя зима все же избегалась) или же определенной поры суток. Он находил очарование и в ясном дне, и в звездной ночи. Щедрии и шедшие за ним писатели-демократы стремились показать *оцененение* природы, гармонирующее с общественным и экономическим оценением русской жизни, Горький же прежде всего обращал внимание на

⁴² И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания, стр. 108.

⁴³ А. А. Григорьев, Собр. соч., вып. 10, М., 1915, стр. 7.

динамику: он любит — особенно в ранний период творчества — изображать грозу, бурю, ширь степи и моря. Он сам скажет, что не знает более величественных явлений в природе, чем гроза в степи и буря на море («Мой спутник»). Бескрайние просторы не угнетали, а, наоборот, внушали ему мысли о свободе и вольности.

Автор «Песни о Соколе» вступал в литературу как вестник социального обновления жизни, и это сказалось на его пейзаже. Глаз писателя охотнее воспринимал яркие краски, их сложную пестроту, а не серые и блеклые цвета. Природа в ранних рассказах празднична, могуча, сильна.

Художественное зрение Горького в значительной мере было обусловлено биографическим обстоятельством. Во время скитаний по Руси юный Пешков был поражен щедростью природы Кавказа. В 1905 г. писатель Горький скажет об этом: «Я так горячо люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы, ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых, певучих рек, и ее красивых, гордых детей» (XXIII, 337). Характерно и следующее признание в связи с десятилетием советской Грузии: «Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа — именно эти две силы — дали мне толчок, который сделал из бродяги — литератора» (XXV, 414). Яркость и буйность красок, свойственная природе юга, — в дальнейшем юношеские впечатления слились с впечатлениями от природы Италии, — оказали сильное воздействие на горьковское восприятие пейзажа в целом. Он улавливал яркие тона и в родной природе, под его пером волжский ландшафт изменял свою привычную окраску. Писатель не вносил в него что-то чуждое, но живописал его главным образом в те моменты, когда краски приобретали особую интенсивность и давно уже знакомая печальная картина выглядела преображенной.

Индивидуальные свойства художественного зрения Горького оказались созвучными эпохе, утверждавшей новую социальную философию, и были усилены ею. На первый план выдвигалось величие природы и богатство душевных сил человека; последние подавлены, искажены, но они существуют и должны, наконец, быть проявлены в полной мере. Тональность картин природы сли-

валась с топальностью голоса автора, призывающего человека стать творцом своей исторической судьбы.

Своеобразие Горького-пейзажиста было замечено сразу же. На выход в 1898 г. двух томов «Очерков и рассказов» откликнулись все крупнейшие критики того времени. Несмотря на значительные отличия в своих оценках, они были единодушны в утверждении, что в литературу пришел большой талант, обладающий независимостью тона и манеры письма. Изображение природы было отнесено к числу примечательных особенностей этого таланта. Н. Михайловский указывал на «превосходные пейзажи, рассыпанные в произведениях г. Горького»;⁴⁴ В. Поссе говорил, что Горький «ярко и непосредственно ново изображает страстно любимую природу»; М. Меньшиков писал, что «глубокое чувство природы, страстное влечение к ее красоте — это вынесено г. Горьким не из книг».

Горьковский пейзаж поразил необычностью своих красок, некоторые находили их даже «кричащими» (Н. Минский), и романтической приподнятостью. Молодой автор был признан певцом южно-русских степей и моря.

«От большинства очерков г. Горького веет этим свободным дыханием степи и моря, чувствуется бодрое настроение, что-то независимое и гордое, чем они резко отличаются от очерков других авторов, касавшихся того же мира нищеты и отверженности», — утверждал А. Богданович.

Появление романа «Фома Гордеев» показало, что писатель владел столь же искусным изображением и чисто русской природы.

Поражало богатство художественной палитры Горького, тяготение к изображению света и цвета. Преобладающие зрительного образа в его пейзажах бросалось в глаза.⁴⁵ В начале 1900-х годов один из внимательных читателей, В. Врядий, сделал попытку охарактеризовать игру красок

⁴⁴ Критические статьи о произведениях Максима Горького. СПб., 1901, стр. 105. — Цитаты, приводимые далее, взяты также из статей критиков, опубликованных в данном сборнике (стр. 14, 17, 43, 169, 205).

⁴⁵ См., например, в рассказах «По Руси»: «Мимо нашего дерева, омывая его обнаженные корни, торопливо — светлой эмсеею — бежит ручей, уноси красный и рыжий лист. Хорош должен быть такой лист далеко среди моря: в небе только солнце, а на синем шелке моря — одна эта красная звезда» (XI, 196).

в произведениях писателя. «Мы хотим сказать, — писал он, — о необыкновенной сочности и колоритности в накладывании красок, точности в определении всевозможных нюансов и оттенков, умелом подборе их и обилии удачных описаний цветовых эффектов в разнообразных картинах природы».⁴⁶ Среди красок особо отмечено тяготение к голубому, зеленому, синему и красному. Данное пристрастие сохранилось и в дальнейшем.⁴⁷

Привлекала свобода, с какою воспроизводились картины природы. Она поразила не только литераторов, но и художников. «Какое широкое, как песня, изображение природы, — писал М. В. Нестеров Горькому в 1901 г., — сколько страсти, удали, вместе с тем глубокой, задумчивой тоски-печали души человеческой.

Какая во всем поэтическая правда!».⁴⁸

Мажорность пейзажей усиливала романтическую окрашенность горьковского творчества, однако, за исключением аллегорических и сказочных сюжетов, пейзаж был лишен романтической условности.

Приветствуя талант Горького, Чехов писал: «Описания природы художественны; Вы настоящий пейзажист». Это признание особенно знаменательно. Художественная практика Горького и Чехова как пейзажистов была несходна, можно даже сказать, что здесь наиболее резко проявилось различие их творческих натур.

Горький не мог согласиться со всеми дружескими замечаниями Чехова, в частности с советом быть более сдержанным в описаниях природы и делать их более компактными, «этак в 2—3 строки», но Чехов вместе с тем зорко подметил шероховатости и неоправданные пристрастия молодого автора, и тот не мог не признать его правоту. Чехов указал на злоупотребление словами, чуждыми природе горьковских рассказов («аккомпанемент, диск, гармония — такие слова мешают»), на обилие эпитетов и некоторую вычурность («частые упоминания о неге, не-

⁴⁶ В. В. Радий. Краски у М. Горького. (Новый род критики). СПб., 1903, стр. 9.

⁴⁷ Об эмоциональном восприятии цвета свидетельствует признание Горького в том, что он не терпит желтого цвета (Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, стр. 288). Цвет этот действительно редко появляется в его произведениях и, как правило, в связи с отрицательными характеристиками.

⁴⁸ Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 1, Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 353.

поте, бархатности и проч. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие — и расхолаживают, почти утомляют»⁴⁹).

В дальнейшем Горький становится более требователен к отбору деталей и употреблению сравнений, избегаются аллегорические параллели между состоянием природы и человека, более скупыми делаются характеристики авторских созерцаний.

Циклы «По Руси» и «Сказки об Италии», сохранив наиболее характерные черты раннего пейзажа, показали рост художественной требовательности писателя.

3

Итак, горьковский пейзаж поразил современников своими яркими красками и оптимизмом звучания. Но не был ли жизнеутверждающий пейзаж не менее характерен и для других прозаиков начала века?

Одновременно с Горьким в литературу вступил реалист И. Бунин, которого по праву называют крупнейшим русским пейзажистом. Он изображает большей частью милую сердцу Орловщину, уже знакомую читателю по рассказам и повестям Тургенева. Многое здесь близко и вместе с тем увидено по-иному.

Для молодых авторов конца XIX—начала XX в. характерно стремление преодолеть психологизм, столь блестяще утвержденных в литературе писателями XIX столетия. Они не отрицали необходимость его, но считали, что психологизм этот должен найти теперь иные формы выражения. Горький искал психологическую основу в классовой природе человека, Андреев — в крайних проявлениях чувствующий и размышлений героя; Бунин и многих других интересовала не диалектика души в ее сложных извивах, а раскрытие нюансов настроений и чувств человека, от лица которого велся рассказ. Отсюда усиление общей эмоциональной окрашенности произведений, проявленной и в области пейзажа.

Бунинские зарисовки природы поражают тонкостью наблюдений и проникновенным лиризмом. Вот одна из картин рассказа «Эпитафия», в котором автор показал смену времен года:

⁴⁹ См. письма А. П. Чехова к Горькому в Собрании сочинений и писем, т. XVII, стр. 375, 376; т. XVIII, стр. 11, 12.

«Осень приходила к нам светлая и тихая, так мирно и спокойно, что, казалось, конца не будет ясным дням. Она делала дали нежно-голубыми и глубокими, небо чистым и кротким. Тогда можно было различить самый отдаленный курган в степи, на открытой и просторной равнине желтого жнивья. Осень убирала и березу в золотой узор. А береза радовалась и не замечала, как недолговечен этот убор, как листок за листком осыпается он, пока, наконец, не оставалась вся раздетая на его золотистом ковре. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна и вся сияла, озаренная из-под низу отсветом сухих листьев. А радужные паутинки тихо летали возле нее в блеске солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье. . . И народ называл их красиво и нежно — „пряжей богородицы“».⁵⁰

Глаз Бунина подметил изменение цвета дали, отсвет золотистых листьев, радужные паутинки сентября. Нашел он далее особые слова и для осеннего тумана.

Проникновенное приобщение к природе позволяло Бунину подмечать в ней едва уловимые порою изменения и тем самым придавать рисуемым картинам отчетливо индивидуальный облик.

«И, выйдя на крыльцо, он услышал отдаленную сопно-певучую переключку петухов и замер от восхищения. Свежо и остро пахло тем особенным воздухом, что бывает после вьюги с севера. Тихая, звонкая ночь, вся золотистая от полумесяца, низко стоявшая над горой, за долиной, мешалась с тонким светом зари, чуть алевшей на востоке. Треугольником дрожащего расплавленного золота висела там Венера и Арктур искрились высоко на западе. И все звезды, мелкие и крупные, так отделялись

---

⁵⁰ И. А. Бунин, Собр. соч., т. II, изд. «Художественная литература», М., 1965, стр. 195. — П. А. Пушкин записал следующие высказывания Бунина: «Я привык *смотреть*, художники научили меня этому искусству. Во времена Гете и Байрона в лунном свете видели только *серебристый* оттенок, теперь этих оттенков бесконечное множество»; «Поэты не умеют описывать осень, потому что они не описывают красок и неба. Французы Эредиа, Леконт де Ляль достигли необычайного совершенства в описаниях» (см. в сб.: В большой семье, Смоленск, 1960, стр. 240, 247, 248).

от бездонного неба, так были ярки и чисты, что золотые и хрустальные нити текли от них чуть не до самых снегов, отражавших их блеск. Горели огни на избам на селе, петухи как бы убаюкивали нежно-усталый, склоняющийся полумесяц. И с звонким скрипом, с визгом въезжала в ворота знакомая тройка — вся серо-курчавая от инея, с белыми пушистыми ресницами. . .» («Птицы небесные»)⁵¹

Обостренное зрение дополнялось столь же тонким слухом и не менее острым обонянием. В статье «О Бунине» А. Твардовский справедливо говорит, что «по части красок, звуков и запахов» предшествующая и современная писателю литература «не касалась таких, как у него, тончайших и разительнейших подробностей, деталей, оттенков».⁵²

Если Горький обычно стремился передать интенсивность цвета и света, то Бунин действительно тяготел к воспроизведению тончайших оттенков и деталей, восходя в этом к традициям Чехова. А. Н. Афиногенов, пораженный Буниным-пейзажистом, писал: «Как он сумел развить в себе чувство мелочей и почему никогда его описания закатов, времен года, дороги, изб и лесов не повторяются, а всегда находят особый образ, запоминающийся, как неожиданно сказанное в тишине слово».⁵³

Бунин не мыслит человека вне общения с природой, его герои обычно близки к ней. Характер связей с природой помогал выявить наиболее значимое в их душах. Изображение природы раскрывало и миропонимание самого автора. В ответ на замечание редактора «Журнала для всех», что Бунин слишком предан природе, тот ответил: «Это немного неверно, я ведь о голой и протокольно о природе не пишу. Я пишу или о красоте, т. е. значит, все равно, в чем бы она не была, или же даю читателю, по мере сил, с природой часть своей души».⁵⁴

Высказывание это перекликается с высказываниями многих писателей старого и нового времени. Каждый автор субъективно окрашивает картины природы в духе

⁵¹ Там же, т. II, стр. 345.

⁵² Там же, т. I, стр. 36.

⁵³ А. Н. Афиногенов. Дневники и записные книжки. Изд. «Советский писатель», М., 1960, стр. 318, 319.

⁵⁴ Литературный архив, т. V. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 132.

своего философско-эстетического мировосприятия. Здесь наиболее разительно проявляется то новое, что вносится им в художественное познание природы и жизни в целом. «Пейзаж выражает состояние души художника, только таким он и интересен»,⁵⁵ — сказал Л. Леонов в одной из своих бесед. Близки к этому и суждения К. Паустовского. Не менее примечательно признание художника М. Нестеров писал: «Люблю я русский пейзаж, на его фоне как-то лучше, яснее чувствуешь и смысл русской жизни, и „русскую душу“».⁵⁶

Тоскливый и скорбный пейзаж Щедрина — отражение публицистической направленности его художественной мысли. Бунин, избегавший публицистических вторжений в свое творчество, использовал вначале пейзажные зарисовки для раскрытия своих субъективных настроений, своего «я», но затем, как уже говорилось выше, пейзаж стал одним из важнейших средств выражения его исторического сознания.

Бунинские картины природы подчинены стремлению запечатлеть « всю красоту и всю глубокую печаль русского пейзажа, так неразрывно связанного с русской жизнью ».⁵⁷ Характер русского человека воспринимается писателем как порождение не только самой истории и социального русского бытия, но и как следствие тех суровых климатических условий, в которых протекала его жизнь. Неуют природы становится при этом основным слагаемым в формировании характера нации.

И по мере того как все более отчетливой становилась пессимистическая концепция исторического развития, Бунин не верит в его прогрессивность: меняются только формы, но не сущность жизни человека, — все более грустным и суровым становится его пейзаж.

«Зима наступила долгая, снежная.

Бледно-белесые под синева-сумрачным небом поля стали шире, просторней и еще пустышнее. Избы, пеньки, лозины, риги резко выделялись на первых поронах. Потом завернули вьюги и намели, павалили столько снега, что деревня приняла дикий северный вид, стала черпеть только дверями да око-

⁵⁵ Театральная жизнь, 1961, № 16, стр. 4.

⁵⁶ А. Михайлов. Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. Изд. «Советский художник», М., 1958, стр. 252.

⁵⁷ И. А. Бунин, Собр. соч., т. II, стр. 227.

шечками, еле выглядывающими из-под нахлобученных белых шапок, из белой толщи завалинок. За вьюгами подули по затвердевшему серому насту полей жесткие ветры, оборвали последние коричневые листья с бесприютных дубовых кустарников в логах, пошел тонуть в цефролазных паносах, испещренных заячьими следами, однодворец Тарас Милляев, спокои веку приверженный охоте, превратились в мерзлые глыбы водовозки, выросли ледяные скользкие бугры вокруг прорубей, накатались дороги по сугробам — и зимние будни установились. Начались по деревням повальные болезни: оспа, горячка, скарлатина» («Деревня»)⁵⁸

Изображение лета родственно этой грустной картине.

«Вечер же был сумрачный. В тучах, за окраинами вырубленного сада, за полуголой ригой и серебристыми тополями, всныживали зарницы, раскрывавшие на мгновение облачные розово-золотистые горы. Ливень, верно, не захватил Трошина леса, что темнел далеко за садом, на косогорах за оврагами. Оттуда доходил сухой, теплый запах дуба, мешавшийся с запахом зелени, с влажным мягким ветром, пробегавшим по верхушкам берез, уцелевших от аллеи, по высокой крапиве, бурьянам и кустарникам вокруг балкона. И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царил надо всем» («Суходол»)⁵⁹

И в том и в другом случае картины природы сопровождаются авторскими заключениями о суровой неизменности деревенской жизни, о все той же глухой Руси.

Глухая Русь была поэтически запечатлена в чеховском рассказе «Счастье», но автор верил в возможность ее пробуждения: он дает почувствовать, что существует иная, живая жизнь. Бунин-прозаик лишен подобного восприятия. В 1910-е годы он все решительнее изгоняет светлые тона из картин русской природы. Как верно подмечено одним из исследователей, в «Деревне» преобладающим цветом становится «серый», что и вызывает сравнение повести «с однокрасочной гравюрой».⁶⁰

⁵⁸ Там же, т. III, стр. 107.

⁵⁹ Там же, стр. 140.

⁶⁰ В. Н. Афанасьев. И. А. Бунин. Очерк творчества. Изд. «Просвещение», М., 1966, стр. 105, 106.

Своеобразен также пейзаж Л. Андреева, вобравший в себя наиболее примечательные черты его творчества. Пессимистическое мировосприятие писателя питалось не только философией А. Шопенгауэра и Э. Гартмана, но и страхом перед непознаваемостью законов мироздания и неизвестной потому предопределенности жизни Вселенной и человека.

Соотнесения жизни человечества и его деятельности с мировыми законами природы нередко приводили к так называемому космическому сознанию, стремящемуся представить мир в его целостности и мистически «прозревающему» связь духовного с материальным.

Научные завоевания на рубеже двух веков значительно усилили интерес людей искусства к вопросам мироздания.

Космос и человек, Земля и Космос — сопоставления эти потрясли Андреева. Он, по словам Горького, «видел человека существом, которое занято главным образом раздумьями о своем ничтожестве перед лицом Космоса»⁶¹ (см., например, «Анатэму»). Раздумья самого Андреева о грандиозности Вселенной и малости человека в сопоставлении с ней повлекли за собой тяготение к постановке больших, но абстрактно решаемых проблем.

Желая подчеркнуть, что истоки андреевского пессимизма были иными, чем у тех, кто превращал человека в игрушку Судьбы и Рока, отождествляемого с представлением о божественном всемогуществе, Горький ввел при попытке охарактеризовать мировосприятие своего друга понятие космический пессимизм. Отсюда же утверждение противников Андреева в символистском лагере, в частности З. Гиппиус, что мистика Андреева лишена истинного мистицизма.

Оставаясь сугубо-реалистическим, пейзаж играл активную роль в раскрытии исторической концепции Бунина.⁶² Пейзаж Андреева, лишенный полноцветных красок, в свою очередь раскрывал «душу» мировоззрения автора.

Бунин любит воспроизведение зимы и осени, при этом он чаще всего изображает вечер, ночь, предраассветные

⁶¹ Литературное наследство, т. 72. М., Изд. «Наука», 1965, стр. 404.

⁶² Космическая тема не миновала творчество Бунина; она проникла в философскую лирику поэта, продолжавшую тютчевские традиции.

часы; Андреев также тяготеет к изображению ночи и угасания дня. Но художественная манера их резко различна.

Как и при изображении характеров, Андреев избегает индивидуальной детализации природы и многообразия ее красок; пейзаж призван напомнить о холоде и ужасе жизни, о неуютности и неустроенности ее и потому предельно обобщен. Приведем один из типичных андреевских пейзажей (рассказ «В подвале»).

«Но набережная была пустыня. По ней свободно носился ледяной ветер, подымал серую тучу снега, истолченного морозом в едкую пыль, и окутывал ею все живое и мертвое, что встречалось ему на пути. С легким свистом он обвивался вокруг металлических столбиков решетки, и они блестели, как отполированные, и казались такими холодными и одинокими, что на них больно было смотреть. И такой же холодной, оторванной от людей и жизни почувствовала себя девушка».⁶³

Сопутствуя мрачным социальным судьбам и пасмурным настроениям героев, подобный пейзаж усиливал безотрадность рассказов, он всегда нарочито «кстати». Весьма характерна его лексическая окраска. В том же рассказе читаем:

«Пришла ночь. Пришла она *черная, злая*, как все ночи, и *тьмой* раскинулась по далеким снежным полям, и *в страхе* застыли *одинокие* ветви деревьев, те, что первые приветствуют восходящее солнце. *Слабым огнем* светильников боролись с ней люди, но, *сильная и злая*, она опоясывала *одинокие* огни *безысходным* кругом и *мраком* наполняла человеческие сердца. И во многих сердцах *потушила* она *слабые тлеющие* искры».⁶⁴

Близок по окраске пейзаж и в рассказе «У окна».

«Немного ниже, там, где *черный край земли сливался с смутно-черным небом*, неподвижно висел красный диск луны, казавшийся близким и *страшным*. *Безмолвный, угрюмый*, он не издавал лучей и висел над землей, как *исполинская угроза* каким-то

⁶³ Л. Андреев, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1913, стр. 157.

⁶⁴ Там же, стр. 161. — Здесь и далее курсив мой. — К. М.

близким, но *неведомым бедствием*. В немом ужасе застыли река, и болотный тростник, и *черная даль*. Костер на том берегу давно уже потух, и ни один звук не нарушал *грозной тишины*.⁶⁵

Чернота и безмолвие, угрюмость и угроза, страх и ужас — постоянные атрибуты андреевского видения. Пейзаж чаще всего, вплоть до «Сашки Жегулева», абстрактен и, как уже сказано, подчинен желанию усилить мрачный колорит произведений. А если в нем встретим погожий день, то и он дан с целью подчеркнуть одиночество человека.

«На повороте тропинки о. Василий остановился. Впереди и кругом, далеко по все стороны зыбились на тонких стеблях тяжелые колосья, над головой было безбрежное, пламенное июльское небо, побелевшее от жары, — и ничего больше: *ни дерева, ни строения, ни человека. Один он был, затерянный среди частых колосьев, перед лицом высокого пламенного неба*» («Жизнь Василия Фивейского»).⁶⁶

Повесть эта наиболее ярко выявила своеобразие андреевского дарования. Высоко оценив талант молодого автора, В. Г. Короленко вместе с тем отметил схематизм и отвлеченность его жизненного восприятия, в том числе и восприятия природы. «В описаниях г-на Андреева, — писал Короленко, — ночь совершенно отделяется от реальной природы. Она — не природа, задернутая тьмой, не ночной ветер, не холодная метель, не смесь этих явлений, рождающая общее ощущение и образ, — а отдельное существо, не сливающееся с природой ночи, а только живущее в ее обстановке своею особой жизнью». ⁶⁷

В отличие от Андреева пейзаж Горького всегда локален, соотносен с объектом изображения, конкретен. Здесь он сближается с пейзажем Бунина, но в самой конкретности Горьким был проявлен несхожий с Буниным угол зрения. Изображенное Буниным не было устремлено в будущее; горьковский пейзаж пронизан думами о родиле, отражающими исторический оптимизм писателя.

---

⁶⁵ Там же, стр. 125, 126. — Подобный пейзаж встречается у Горького крайне редко (см., например, «Солдаты»).

⁶⁶ Там же, т. III, стр. 23.

⁶⁷ В. Г. Короленко, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1914, стр. 373.

Новое поколение литераторов (И. Бунин, С. Сергеев-Ценский и многие другие) усиленно подчеркивало, хотя и различными художественными средствами, огромное воздействие печальной, мало облакшанной солнцем природы на психику русского человека.

В настоящее время возникает новая отрасль науки — геобиология, не за горами появление и геопсихологии. Литература накопила для нее исключительно интересный материал.

Подобно другим, Горький нередко отмечал связь природных явлений, и прежде всего солнечного света, с настроениями людей. Серенький день родит серенькие мысли, усугубляя тягу к пассивному восприятию жизни; в яркие дни мрачное отходит в сторону, уступая место светлым надеждам. Рисуя капризы озорпикового марта, Горький скажет: «Все глубже и шире с каждым днем голубые прорезы неба между серой массой встревоженных облаков, — и когда смотришь в эти бездонные ямы небес — жизнь становится легче, праздничней. Первые весенние цветы расцветают в душе, а потом уже — в полях» (XI, 302).

Бунин стремился подчеркнуть закономерность соотношения печального русского пейзажа с жизнью русского человека. Горький отказывается усматривать в подобных соответствиях непреодолимое. Пессимизм Бунина и Андреева чужд ему. Автор «Городка Окурова» видел темную и косую Русь и понимал, как трудно разбудить ее, но это не мешало ему отыскивать всюду то, что обещало коренным образом изменить как бы остановившуюся в своем движении жизнь. В связи с этим не мог не быть резко отличным характер его пейзажа.

Художественная мысль Горького не миновала вопросов мироздания. Большое впечатление на него произвела в свое время книга А. Гумбольта «Космос», поэтически говорившая о взаимосвязи природных явлений и возможности воспринимать землю как нечто обособленное в системе мироздания.⁶⁸ Именно так воспринималась она самим Горьким. Он знает, что земля только часть — и притом

⁶⁸ В предисловии к первому тому А. Гумбольт пояснял, что основная задача его труда проявилась «в отношении внутреннего сцепления всеобщего с частным» и в духе самой работы — «в выборе данных наблюдений, в форме и слоге сочинения» (А. Гумбольдт. Космос, кн. I. 1877, стр. XVI).

не столь уж великая — Вселенной, но это не мешает ему занять свою особую позицию по отношению к Космосу в его соотношении с землей.

В отличие от Андреева — и возможно, в некоем полемическом противостоянии ему и ему подобным — Горький заявлял, что он остается убежденным геоцентристом, что жизнь далеких миров его мало волнует, взор его прикован к земле и ее катастрофам. Космический пессимизм был чужд Горькому, так как обрекал человека на пассивность. Полемика эта, получив отражение в творчестве писателей («Дети солнца» и «К звездам»), нашла затем отзвук в ряде статей Горького. Вспомним хотя бы предисловие к книге Мортье «Всеобщая история иностранной литературы» (1925), в котором он писал, что смерть «Камилла Фламариона, человека с изумительным воображением», печалит его более, чем угасание солнца «в глубине Млечного пути».⁶⁹

Космос не пугал своей величавой грандиозностью, а, наоборот, усиливал уважение Горького к человеку как смельчаку, пытающемуся проникнуть в тайны мироздания. В соотношении двух величин — Космоса и Человека — еще сильнее, по мысли Горького, проявлялась грандиозность человеческого дерзания. В поэме «Человек» он писал:

«Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротой куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — „зачем он существует?“ — он мужественно движется — вперед! и — выше! — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба» (V, 362).

«Великие тайны творчества природы» (II, 184) волновали Горького сильно, но главным образом как *тайны жизни и созидания*,⁷⁰ в то время как Андреева привлекали

---

⁶⁹ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. Изд. «Художественная литература», М., 1941, стр. 482. — В том же 1925 г. Горький написал цитированное выше предисловие к «Сашке Жегулеву».

⁷⁰ В письме к А. К. Воронскому (1928), в котором Горький раскрывал свои взгляды на природу, говорилось: «Я убежден, что мир достаточно прочен и что в нем можно работать, не смущаясь размышлениями о гибели его» (М. Горький и советская печать, т. X, кн. 2-я. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 62).

прежде всего *тайны смерти и разрушения*. Предопределяя отношение писателей к современности, эти позиции оказали воздействие на резко отличное изображение природы.

Проблема земли и неба, решаемая многими представителями модернистской литературы в плане мистических прозрений человека, воспринималась Горьким все в том же плане постановки вопроса о дерзновенности творческого духа самого человека. Горький считал Космос прекрасной темой для поэтов и людей пауки. Его восхищала сила воображения тех и других: на заре своего развития человечество создало всемогущих богов, теперь оно заменяло их точным познанием. Горького привлекало как художественное, так и научное восприятие мира. Было бы скучно, писал он, если бы человек не поселил Космос «в древности — страхами и ужасами, позднее — богами и, наконец, — „закономерностями“». Отдавая дань уважения научным открытиям в области мироздания, Горький утверждал, что его потрясают не установленные закономерности, которые остаются для него «областью многозначных чисел», а именно воображение, интуиция и сила логики «космологов, астрофизиков и астрономов».⁷¹ Горький не дождал до эпохи практической проверки ряда закономерностей, но его увлекала мощь человеческого дерзания, еще резче оттеняющая медлительность людей в осознании закономерностей социальной жизни.

Но вернемся к изображению пейзажа. Глаз Горького-живописца охватывал одновременно и непосредственно окружающую природу, и далекий небесный свод. Его пейзаж почти всегда включает «космические образы» — солнце или же звезды и луну. В этом плане Горького можно назвать писателем-космистом. Называя себя геоцентристом, он обладал в то же время особым космическим чувствованием, присущим людям с тонко развитым ощущением всеобщности природных явлений. Среди русских прозаиков оно было наиболее сильно проявлено у Тургенева и Горького.

Цитируя в письме к В. Гольцеву строки из стихотворения Е. Баратынского «На смерть Гете» и среди них «И слышал он трав прозябанье...», И. Левитан писал: «Вот это идеал пейзажистов — изобрести свою психику до

⁷¹ Там же, стр. 62.

того, чтобы слышать „трав прозябание“. Какое это великое счастье! Не правда ли?».⁷²

Таким счастьем обладал Тургенев, подмечавший малейшие изменения в природе и не чуждый восприятию движения земли в пространстве. Именно глубочайшее приобщение к природе позволило ему сказать в «Бежинном луге»:

«Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуденная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, паперерыв мерцаая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли».⁷³

Горькому родственно подобное восприятие. Он также ощущал бег земли, но вызывалось это не созерцанием звездного неба, а буйным степным ветром и движением облаков. Рассказ «Женщина» открывается пейзажем, воспринятым романтически настроенным юношей, для которого земля, солнце, небо — нечто единое.⁷⁴

«Летит степью ветер и бьет в стену Кавказских гор; горный хребет — точно огромный парус, и земля — со свистом — несется среди бездонных голубых пропастей, оставляя за собою изорванные ветром облака, а тени их скользят по земле,

---

⁷² И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания, стр. 65.

⁷³ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. IV, стр. 107.

⁷⁴ О близости восприятия Горьким некоторых явлений природы к восприятию тургеневскому свидетельствует также переключка художественных образов. В том же рассказе «Женщина» говорится, что ветер, «гнавший землю три дня кряду», утомился и «бессильно опустил тысячи своих крыльев». Образ утомленного ветра несомненно вызывает в памяти образ ветра в «Асе»: «Ветер упал, точно крылья сложил, и замер». Близко у обоих писателей воспроизводится ощущение отрыва от земли, которое испытывает человек, когда, лежа на спине, смотрит в небо (ср. «Копалов» (III, 29) и «Касьян с Красивой Мечи» (Полн. собр. соч. и писем, т. IV, стр. 124)).

цепляются за нее, не могут удержаться и — плачут, стонут. . .

Торопливо появляется солнце, быстро исчезает, точно оно гонится за бегущей землею и устало уже — отстает, тихо падая с неба в дымный хаос на западе, где тоже горы в снежных вершинах и краснеют серые тучи, тяжелые, как всаханная земля.

Порою между массами туч ослепительно сверкает седло Эльбруса и хрустальные зубья других гор — они вцепились в облака и пытаются удерживать их. Так ясно чувствуешь бег земли в пространстве, что трудно дышать от напряжения в груди, от восторга, что летишь вместе с нею, красивой и любимой. Смотришь на эти горы, окрыленные вечным снегом, и думается, что за ними бесконечно широкое синее море и в нем гордо простерты белые чудесные земли или просто — голубая пустота, а где-то далеко, чуть видные в ней, кружатся разноцветные шары неведомых планет — родных сестер моей земли» (XI, 124—125).⁷⁵

Об особом ощущении единства земли и неба, вызываемом стенным простором, скажет Горький и в рассказе «Покойник»:

В степи чувствуешь себя, как муха на блюде — в самом центре его, чувствуешь, что земля живет внутри неба в объятии солнца, в сонме звезд, ослепленных его красотою» (XI, 212).

Писатель любит показывать человека в часы общения с почной природой, обостряющей чувство близости ко Вселенной. В автобиографической повести «Хозяин» он вспоминает:

«На земле жилось нелегко, и поэтому я очень любил небо. Бывало, летом, ночами, я уходил в поле, ложился на землю вверх лицом, и казалось мне, что от каждой звезды до меня — до сердца моего — спускается золотой луч, связанный множеством их со вселенной, я плаваю вместе с землей между звезд, как между струн огромной арфы, а тихий шум почной жизни земли шел для меня песню о великом сча-

---

⁷⁵ Родственное восприятие движущейся земли находим в «Мордовке»: «Ветер качал землю, как злая пиявка люльку любимого ребенка» (X, 271).

стве жить. Эти благотворные часы слияния души с миром чудесно очищали сердце от злых впечатлений будничного бытия» (XIV, 27).

Весьма характерно и более раннее признание в «Моем спутнике», оно хорошо отражает космизм настроений юного Горького.

«Широкий горизонт моря был пустыней, небо над ним безоблачно, и я чувствовал себя на краю земли, созерцающим пространство — эту чарующую душу загадку... Пугливое чувство близости к чему-то великому наполняло мою душу, и сердце трепетно замирало» (I, 426).

В дальнейшем ощущение единства с природой, мирозданием в целом, все более крепло, не отрывая, а, наоборот, все сильнее привязывая к земле как обиталищу человечества. Все более обострялось чувство единения с людьми. В цикле «По Руси» это раскрыто многообразно, этическое и эстетическое слито здесь воедино. Вот в весенний день сидит «проходящий» у ворот постоянного двора: «...на душе у меня удивительно хорошо, точно я сам сделал все это: солнце, небо, землю и все, что на ней. Недурно сделал и тихонько радуюсь» («Ералаш» — XI, 228). Чувство творческой сопричастности к миру раскрывается и в рассказе «Покойник»: «В небе веером раскинуты красные лучи, один из них касается моей груди, и, точно жезл Моисея, вызывает к жизни горячий поток мирных чувств: хочется крепко обнять вечернюю землю и говорить ей певучие, большие, никем не сказанные слова» (XI, 212). Не чужды «проходящему» минуты, «когда всех людей чувствуешь как свое тело, а себя — сердцем всех людей» («В ущелье» — XI, 162—163).

Внутренний мир простого русского человека обычно раскрывается Горьким путем выявления его отношения к труду, природе, богу. Это не случайно выбранные определители, а то, с чем ближе и непосредственнее сталкивался житель России. Природа несла с собой беду и радость, труд являлся единственным источником существования, религия была тем, что внушалось с детства, сопутствуя человеку на всех этапах жизни и отливаясь в своеобразные формы его мировосприятия. Вспомним милосердного бога чудесной бабушки, сурового, караю-

щего бога деда (автобиографическая трилогия) и улыбающегося бога бродяги Калынина.

Известно, какую большую роль сыграла книга в жизни Горького, не меньшую роль в утверждении позиции художника-оптимиста сыграла также природа. И как щедро отблагодарил писатель книгу в своем творчестве, так же щедро отблагодарил он и природу, раскрыв облагораживающую роль ее в духовном становлении человека.

Всем своим творчеством Горький утверждает, что общение с природой необходимо человеку как воздух. Мечтателя Коновалова тянет «в небо смотреть!» (III, 29). Природа была душевным врачевателем юного Пешкова, уводящего его от мещанских дрязг и скуки в мир прекрасного. Писатель никогда не мог забыть этого. В его книгах показано, как красота и величие природы очищали сознание от мерзостей быта, возбуждая творческую энергию.

Любовь к земле и к жизни для Горького нераздельны. Природа влекла к себе, заставляя глубже думать и чувствовать. Тот, кто был равнодушен к ней, для него ущербен.

Чувство прекрасного, рождаемое общением с природою, присуще не только автобиографическому герою ранних рассказов («Я шел в немом восхищении перед красотой природы этого куска земли, ласкаемого морем» — I, 422) и цикла рассказов «По Руси» («Как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотой!» — XI, 8), но и встреченным на пути людям.

Вспомнивая о южных ночах в горах, Горький пишет («В ущелье»): «Таковыми ночами душа одета в свои лучшие ризы и, точно невеста, вся трепещет, напряженно ожидая: сейчас откроется пред нею нечто великое» (XI, 165). Сторож Василий испытывает подобное же чувство: «А почамы просто с ума сходишь, все думается не знай о чем. И сердце растет, поет» (XI, 165).

Восхищение человека вызывает и богатая природа юга, и скромный по колориту русский пейзаж. В памяти автора воскресает образ русого молодца с лицом озорника, любующегося в солнечный день Камой и изумрудным Закамьем. «Человек улыбался; все хмельней становилась улыбка молодого — в темной бородке — лица, все ярче разгоралось оно радостью, и вдруг, сорвав картуз с го-

ловы, парень сильным размахом шлепнул его в воду золотой реки и закричал:

— Эх, Кама, матушка родная, — люблю! Не сдам!» (XI, 168).

Здесь выражение восторга, любви к родному краю, сознание собственной силы.

Изображая восприятие природы человеком, чувствующим органическую связь с нею, Горький в то же время дает понять, что ни он, ни его герои не соотносят свои непосредственные впечатления с научными представлениями. Так, например, он не раз называет землю звездой («Посеяны звезды в небо, и земля — звезда» — XI, 213). Видимо, в ответ на соответствующие замечания скептиков Горький уже после Октября, когда его мапера пейзажиста значительно изменилась, заставил своего героя признаться: «... в юности я даже писал такие стихи:

Синими очами океанов
Смотришь ты, земля моя родная,
На сестер твоих, золотые звезды,
На золотые звезды в небе синем.
О, какой тоскою светят в небо
Синей ночью очи океанов...

Кстати — для критиков: земля — звезда, это я взял взаймы у В. Гюго» (XVI, 128).

Горький-пейзажист особенно любил изображать рождение утра («очень приятны мне эти задумчивые начала дней» — XIII, 554) и угасание дня, переход от сна к пробуждению и буйство красок заката. Здесь наиболее ярко проявлялось его мастерство живописца.

В одной из работ А. Белого интересно сопоставлены устойчивые определения солнца в поэзии Пушкина, Тютчева, Баратынского. Это позволило показать, как неразрывно связаны восприятия природных явлений с мироощущением поэтов.⁷⁶ То же не менее характерно и для прозаиков. Каждый из них владел особой солнечной гаммой.

Примечательна чеховская картина — осенний восход солнца.

«Начинало, между тем, светать. Было незаметно, как небо меняло свой цвет; оно все еще казалось

⁷⁶ А. Белый. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы. — В кн. Белого: Поэзия слова. Изд. «Эпоха», Игр., 1922, стр. 7—19.

темным, но уже видны были и лошади, и ямщик, и дорога. Лунный серп становился все белее и белее, а растянувшееся под ним облако, похожее на пушку с лафетом, чуть-чуть желтело на своем нижнем крае...

Месяц побледнел и слился с мутным, серым небом, облако все стало желто, звезды потухли, но восток все еще был холоден, такого же цвета, как и все небо, так что не верилось, что за ним пряталось солнце...

Холод утра и угрюмость почтальона сообщались мало-помалу и озябшему студенту. Он апатично глядел на природу, ждал солнечного тепла и думал только о том, как, должно быть, жутко и противно бедным деревьям и траве переживать холодные ночи. Солнце взошло мутное, заспанное и холодное. Верхушки деревьев не золотились от восходящего солнца, как пишут обыкновенно, лучи не ползли по земле и в полете сонных птиц не заметно было радости. Каков был холод ночью, таким он остался и при солнце» («Почта»).

Все выдержано в холодных, угрюмых тонах, подчеркивающих холодность и беспросветность жизни почтальона. Характерен мотив, который встретим и в других зарисовках Чехова, — природа паделена даром эмоциональной оценки: бедным деревьям *противно* переживать холодные ночи, первому снегу *стыдно* падать в С-в переулок. Характерна также прямая авторская интонация, усиливающая печальную тональность рассказа: «не верилось, что за ним пряталось солнце», точно в «Егере» — «по уж не зелесеть ей». И здесь, и в «Почте» пейзаж многозначим.

Автор видит по-своему, в пору своего вхождения в литературу он даже подчеркивал это напоминанием о трафаретном воспроизведении восходов и закатов солнца, которого хочет избежать. Чехов был чуток к восприятию освещения, игре света. Изображение его в чеховских рассказах многообразно, но при воспроизведении самого солнца писатель обычно тяготел к простейшим обозначениям: «Был уже рассвет, в окно видно было, как

⁷⁷ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. VI, стр. 267, 268.

горела утренняя заря» («Скрипка Ротшильда»); «На востоке из-за гор вытянулись два зеленых луча, и это, в самом деле, было красиво. Восходило солнце» («Дуэль»); «Солнце сиряталось за кладбищем, и половина неба была багрова от зари» («Учитель словесности»); «Солнце уже зашло и на горизонте пылало широкое красное зарево, предвещавшее на завтра ветреную погоду» («Черный монах»).

К простейшим обозначениям прибегает в подобных случаях и Бунин: «Солнце еще за лесом», «солнце поднимается», «солнце медленно проходит свой небесный путь», «солнце сильно пригревало» и т. д. Писатель упоминает о солнечном тепле, о том, что жарко, или о том, что туманы сменяются солнечными днями, но торжествующее сияние солнца почти вне поля его зрения. Рассказ типа «Далекое», где много «света и радости», — одно из немногих исключений.⁷⁸

Андреев также избегает прямого изображения солнца, если же появляется оно — то багровое и тусклое («Набат» и др.).

Совсем иначе звучит солнечный образ в творчестве Горького.⁷⁹ Он выступает певцом солнца, не даром его называли солнцепоклонником. Солнце — главенствующий образ его пейзажной лирики. В повести «В людях», изумительно рассказавшей о том, как природа помогала подростку преодолевать грязь жизни, он писал: «Я как-то особенно люблю солнце, мне нравится самое имя его, сладкие звуки имени, звон, скрытый в них» (XIII, 307). С образом солнца было связано представление о радости жить, в раннем творчестве выражен беспредельный восторг перед ним. Вот ставшее хрестоматийным начало рассказа «Мальва», воспевшего солнце и море.

---

⁷⁸ В стихотворении 1901 г. Бунин восклицал: «Не устану воспевать вас, звезды!» (Собр. соч., т. I, стр. 165). В поэзии Бунина образ солнца многозначнее, чем в прозе, но и здесь он не играет ведущей роли.

⁷⁹ Нельзя не отметить, что образ солнца занимает значительное место в поэзии К. Бальмонта и А. Белого, более других символистов тяготевших к романтизму. Одна из книг Бальмонта была озаглавлена «Будем как солнце». Вместе с тем «солнечность» этой поэзии не совпадала по своему звучанию с «солнечностью» творчества Горького. Различие философско-эстетических позиций обусловило резкие отличия в характере символики данного образа.

«Море — смеялось.

Под легким дуновением знойного ветра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, *ослепительно ярко отражавшей солнце*, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В глубоком пространстве между морем и небом носился веселый плеск волн, взбегавших одна за другою на пологий берег песчаной косы. Этот звук и *блеск солнца, тысячекратно отраженного рябью моря*, гармонично сливались в непрерывное движение, полное живой радости. *Солнце было счастливо тем, что светило; море тем, что отражало его ликующий свет»* (III, 241).⁸⁰

Гимн солнцу пропет и в более поздних «Сказках об Италии»: «В небе, море и душе — тишина, хочется слышать, как все живое безмолвно поет молитву богу-Солнцу» (X, 46), ибо оно источник «жизни и счастья» (X, 15). А в цикле «По Руси», рисуя красочную осень в горах Кавказа, писатель скажет, что в этом необъятном храме все сокровища снесены «на глаза солнца», чтобы сказать ему «Твое — от Твоих — Тебе!» (XI, 8).

Несмотря на огромное число зарисовок солнечного пейзажа, Горький неистощим в своих наблюдениях, это истинная поэзия света. Он показывает изменчивость солнечного освещения в зависимости от времени года (весеннее, летнее и т. д.), суток (его претерпевают переходы от рождения утра к торжеству дня, а затем его угасанию), погоды. Он любит световую игру и находит для ее выявления множество разнообразнейших деталей. Многообразно показано и восприятие солнца, солнечных дней героями Горького.

Лучи солнца сравниваются с светлыми мечами,⁸¹ золотым дождем,⁸² золотыми лентами,⁸³ огненным вее-

⁸⁰ Курсив мой, — К. М.

⁸¹ «Облака, поглотив огненный шар солнца, раскалились и таяли, в небе запада пролились оранжевые, золотые, багровые реки, а из глубины их веером подыались к зениту огромные светлые мечи, рассыкая сипеющее небо» (X, 354).

⁸² «На террасу отеля, сквозь темно-зеленый полог виноградных лоз, золотым дождем льется солнечный свет, — золотые нити протянуты в воздухе» (X, 77).

⁸³ «У перил террасы пышно разрослись кусты сирени, акаций, косме лучи света, пробиваясь сквозь их листву, дрожали

ром,⁸⁴ павлиньим хвостом⁸⁵ и т. д. Солнце названо огненнокрылым (XI, 211) и уподоблено золотому цветку,⁸⁶ огненному зрачку неба (X, 46), золотому коню (XI, 234). Горький знает его палящим, когда оно точно плавится, ласковым, неутомимо обогащающим землю, и осенне-усталым. Ни у одного русского, да и не только русского, писателя нет такого многообразия в изображении солнца. «Сказки об Италии» кажутся пронизанными солнечным теплом и светом.

В 1916 г. вступающий в литературу И. Бабель писал: «Если вдуматься, то не окажется ли, что в русской литературе еще не было настоящего радостного, ясного описания солнца?.. Первым человеком, заговорившим в русской книге о солнце, заговорившим восторженно и страстно, — был Горький».⁸⁷

Вот восход солнца, не раз уже воспроизводимый в русской литературе и тем не менее полный у Горького нового очарования. Здесь тонко подмечены детали изумляющего перехода от ночи к утреннему свету и столь же тонко передано душевное состояние воспринимающего этот переход.

«Были те минуты перелома ночи, минуты крайнего напряжения ее пред началом рассвета, когда вся земля кажется глубоко и надолго погруженной в непробудный сон, когда полнота тишины возбуждает в душе особенную чуткость, звезды странно близки земле, а утренняя звезда ярка, точно маленькое солнце.

Но уже небо, холодно серея, незаметно теряет ночную мягкость и теплоту; лучи звезд опадают, как лепестки цветов, луна, доселе золотистая, бледнея,

---

в воздухе тонкими золотыми лентами. Узорчатые тени лежали на столе» (II, 477).

⁸⁴ «Но уже брызнули лучи солнца и, как огненный веер, распростерлись в синеве небес» (II, 237).

⁸⁵ «Предо мною в синем небе улыбается солнце, хвастливо распустив над землею павлиний хвост своих лучей.

Я ему подмигиваю: знакомо оно мне — пройдет часа два времени, и его улыбки будут печь, как огонь. Но пока мы друг другу правимся; я иду меж хлебов и пою песнь ему, владыке жизни» (XI, 226).

⁸⁶ М. Горький. Забытые рассказы. 1898—1918. ГИХЛ, Л., 1940, стр. 519.

⁸⁷ Журнал журналов, 1916, № 51, стр. 5.

опыляется серебром и уходит все дальше от земли. Вода реки неуловимо изменяет свой густой, маслянистый блеск, в ней капризно являются на миг и тотчас исчезают жемчужные отражения быстрых изменений цвета небес.

А на востоке, над черными зубцами елового леса, уже поднята — повисла тонкая, розовая пелена; она разгорается все ярче, и ее слишком нежный, сладковатый цвет приятно густеет, становится все более смелым и ярким — точно шепот робкой молитвы переходит в ликующую песнь благодарности. Еще миг, и острые вершины елей вспыхнули красным огнем, горят, как праздничные свечи во храме.

Невидимая рука бросила на воду и влачит по ней прозрачную ткань разноцветного шелка, предутренний ветер покрыл реку серебристой чешуей, — глаза устают следить за игрою золота и перламутра, багреца и зеленовато-голубых пятен обновленного солнцем неба.

Верром раскрылись первые, мечеобразные лучи, концы их ослепительно белы, и кажется, что слышишь, как с безграничных высот ниспадает на землю густой звон серебряных колоколов, торжественный звон встрече грядущему солнцу, — над лесом уже виден красный его край, — чаша, полная сока жизни, опрокинута над землею и щедро льет на нее свою творческую мощь, а с лугов в небо поднимается, точно дым кафельный, красноватый пар. С горного берега мягко легли на реку зеленые тени прибрежных деревьев, ртутью блестит роса на траве, птицы проснулись, белая чайка летит над водою, белая тень ее скользит по цветной воде, а солнце жар-птицей всплывает все выше в зеленовато-голубые небеса, где, угасая, серебряная Венера — тоже как птица» (XI, 113—114).⁸⁸

Изображение восхода проникнуто ощущением радости, творческой мощи солнца. Глаз художника неотступно следит за оттенками освещения: серый цвет вытеснен розовой пеленой, она густеет, становится все более яркой.

⁸⁸ См. также восходы солнца в рассказах «На плотях», «Утро», в «Сказках об Италии».

небо вспыхивает, начинается изумительная игра красок. Не забыты и краски земли. Не менее зорко следит Горький за гладью воды, желая запечатлеть неуловимое обновление ее. Ночная река, поглотившая все отражения, не сразу уступает место реке с зелеными теньями прибрежных деревьев. Видевший восходы солнца в средней полосе России не может не признать зоркость глаза художника.

Любовь к солнцу как олицетворению жизни нашла отражение не только в пейзажных зарисовках. Горьким широко использовалась солнечная символика, отсутствующая в произведениях Чехова, Бунина и Андреева.

Эзоповский язык, выработанный писателями второй половины XIX столетия, отождествил ряд социальных понятий с явлениями природы: «весенние настроения», «весенние потоки» характеризовали либеральное восприятие реформенной жизни, «ненастье» и «непогода» служили обозначением политического гнета. Социальный пейзаж, стоявший у истоков рождения этих образных формул, приобрел особую индизобразительность.

Однако «мышление в русле привычных представлений и повторение готовых истин пагубно для искусства».⁸⁹ Вот почему, по словам Л. Леонова, «Горький обожал еретиков». Он и сам был еретиком, создававшим вместо отвергаемой новую образность, которая более отвечала общественно-политической жизни на рубеже двух веков. В творческом воображении писателя тесно сплетенными оказались образы солнца, огня, сердца. Они то заменяют друг друга, то выступают в неразрывном единстве.

С образом солнца связывается представление о великой любви к людям: без его живительного света невозможна жизнь на земле, в безграничной отдаче своей энергии оно родственно человеческому сердцу. Сопоставление это происходит через все творчество Горького.

Сердце, которое Данко, желая спасти людей, вырвал из груди своей, *«пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям»* (I, 356). А когда Данко вывел людей из мрачного леса, они очутились *«в море солнечного света... Был вечер, и от лучей заката река казалась*

---

⁸⁹ Л. Леонов. По координатам жизни. Беседа. Вопросы литературы, 1966, № 6, стр. 102.

красной, как та кровь, что била горячей струей из разорванной груди Данко» (I, 356).

В поэме «Человек» писатель вновь возвращается к излюбленному образу, сопоставляя деятельность человека-борца с щедрой работой солнца. «Идет он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь... и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами, — он движется все — выше! и — вперед! звездой путеводной для земли» (V, 362—363).

Восприятие солнца как высшего мерила блага и красоты, зародившееся в художественно-образном сознании юного Пешкова, подготовило почву для восторженного отклика (1900) на слова ростановского героя «Мы все под полуденным солнцем / И с солнцем в крови рождены» («Сирано де Бержерак» в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник). Горький писал: «Сирано де Бержерак — это личность, та самая личность, которая, говорят, не имеет никакого значения в ходе истории, но которая, тем не менее, всегда может ускорить движение жизни, если захочет этого... *Это, знаете ли, страшно хорошо — быть рожденным с солнцем в крови!* Если б нам, людям, кровь которых испорчена пессимистической мутой, отвратительными, отравляющими душу испарениями того болота, где мы киснем, — *если б в нашу кровь хоть искру солнца!*» (XXIII, 306, 311).

Сопоставление с солнцем служило поэтической характеристикой души человека.

В 1905 г. Горький создает пьесу «Дети солнца», герой которой, ученый Протасов, говорит: «*Мы — дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно — океан энергии, красоты и опьяняющей душу радости!*» (VI, 91—92). Речь Протасова вбирает в себя художественные образы, поразившие в свое время Горького. Здесь отзвук упоминавшихся слов Сирано де Бержерака и метафоры «дети солнца», использованной в поэтической переключке старших и младших символистов, но получившей у Горького иное, социальное наполнение.⁹⁰

⁹⁰ См. статьи Л. К. Долгополова «Вокруг детей солнца» (М. Горький и его современники. Изд. «Наука», М.—Л., 1968, стр. 79—109) и В. З. Голубева «К вопросу о литературных источниках пьесы „Дети солнца“» (М. Горький. Материалы и исследования. т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 274—287).

В горьковских произведениях живет немало людей с солнцем в крови. В одной из «Сказок об Италии» инженер-изобретатель говорит рабочему социалисту: «Вы, я думаю, должны особенно чувствовать *игру весеннего солнца* в жилах, это не потому только, что вы молоды, но — как я вижу — весь мир для вас — иной, чем для меня, да?»

— Не знаю, — сказал тот, усмехаясь, — но жизнь — прекрасна!» (X, 102).⁹¹

Таким образом, солнце становится символом обогащения жизни и стремления к свободе.

Типизируя образ Нью-Йорка, Горький писал, что все здесь — «железо, камни, вода, дерево — *полно протеста против жизни без солнца*, без песен и счастья, в плену тяжелого труда» (VII, 8). Город, поклоняющийся Желтому Дьяволу — золоту, напоминал ему темницу, здесь даже огонь был порабощен.

В дальнейшем Горький преодолел односторонность своего изображения, образ города будет наделен другими чертами, но «солнечная символика» не исчезнет.

Страшному городу-темнице в «Сказках об Италии» противопоставлен город «как место неутомимой борьбы за счастье», он «охвачен томительным желанием видеть себя *красиво и гордо поднятым к солнцу*». Город «стонет в бреду многогранных желаний счастья, его волнует страстная воля к жизни» (X, 23).

Образ солнца становился все более емким. Поясняя, что вкладывается им в понятие боя за счастье. Горький уподоблял социалистический идеал солнцу. В очерке «Вездесущее» — здесь даны зарисовки Берлина, Нью-Йорка, Парижа и Генуи, свидетельствующие о широком распространении идей социализма, — негр произносит, как бы грозя кому-то: «...социализм! Он — везде: на Ганги, в Глазгоу, Буэнос-Айресе — *везде! Как это солнце*» (X, 173).

Сходная мысль высказана в романе «Мать». Находка говорит Нилловне: «Мы все — дети одной матери, непобедимой мысли о братстве рабочего народа всех стран земли. Она греет нас, *она солнце на небе справедливости*, а это небо — в сердце рабочего» (VII, 222). А позднее и сама

---

⁹¹ В IX итальянской «сказке» сказано: «Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери, — вот что насыщает нас любовью к жизни!» (X, 43).

мать, приобщившись к делу сына, скажет: «Миром идут дети!.. Молодые, здоровые, несут необоримые силы свои все к одному — к справедливости! Идут на победу всего горя человеческого, на уничтожение несчастий всей земли ополчились, идут одолеть безобразное и — одолеют! *Новое солнце зажжем*, говорил мне один, и — *зажгут!* Соединим разбитые сердца все в одно — соединят!» (VII, 508).

Эмоциональная приподнятость горьковского пейзажа отражала его восхищение как величиим мироздания, так и величиим человека, дерзновенно борющегося за более совершенную организацию общества.

С солнцем сопоставляются искусство⁹² и те социальные идеи, которые могли, по мысли писателя, сплотить людей в стремлении изменить мир. Так, в отклике на проект создания Интернациональной лиги, в задачу которой входило объединение людей доброй воли, направленной на усовершенствование социальной жизни, Горький писал: «В темном хаосе социальных отношений на наших глазах зарождается как бы *новое гордое светило — солнце, созданное из умов и воли лучших людей современности*».⁹³

Беспощадное обнажение неприглядности жизни и увечий, нанесенных национальному характеру русских людей тяжелой историей, не помешало Горькому воскликнуть «Русичи — солдцы внуки!».⁹⁴ Это восклицание — итог долгих раздумий, родивших неколебимую веру в то, что русский народ добьется революционного преобразования жизни.

В 1910-е годы в восприятие солнца был привнесен новый, существенный оттенок.

В дооктябрьский период Горький не мог воспеть труд так, как это было сделано советскими литераторами. Совсем иные эмоции связывались с этим трудом, на передний план выступала его подневольность и изнурительность. Вспомним изображение строительства мола в Феодосии («Коновалов») или труда пекарей («Двадцать шесть и одна»). Увлечение работой, чувство спаянности, рождаемое ею, возникали печасто. Одна из таких сцен запечат-

⁹² Горький писал Н. Е. Буренину в 1911 г.: «Искусство действует как солнце, оно возбуждает энергию» (XXIX, 205).

⁹³ М. Горький и др. Статьи. 1905—1906. Изд. 2-е. Изд. «Парус», СПб., стр. 107.

⁹⁴ М. Горький. Материалы и исследования, т. I, стр. 71.

лена в романе «Фома Гордеев», но подобных сцен в творчестве Горького немного.

Воспевание труда как силы, преобразующей жизнь, находило выражение в иных формах: в напоминании о его всепобеждающей силе, о том, что труд должен стать благословенным. Горький страстно хотел видеть жизнь преобразенной, вся энергия художника была направлена на это. В 1912 г. он писал Г. А. Вяткину: «До сих пор мы только жаловались и стонали, не замечая, как щедро и богата жизнь и какую прекрасной мы можем ее сделать, если только захотим» (XXIX, 292). Страстная целеустремленность создавала нерасторжимое единство формы и содержания; все элементы того или иного произведения, вплоть до пейзажных зарисовок, были подчинены стремлению усилить творческую мощь человека.

Жить в ладу с природою для Горького значило стать покорителем и умело использовать ее неисчислимые богатства. Создание второй природы — тема, введенная в русскую литературу Горьким; предшественники Горького только затрагивали ее,⁹⁵ у него же она становится сквозной.⁹⁶ В 1910-е годы в творчестве писателя продолжает звучать, все более усиливаясь, мотив монолога Васьки Буслаева, который удивил в свое время Антона Чехова:

Глянь-ко ты, господи, земля-то какова, —
Сколько она Васькой изукрашена!
Ты вот ее камнем пустил в небеса,
И ж ее сделал изумрудом дорогим!

(V, 431).

Песнопения в честь природы, а их немало в цикле рассказов «По Руси» и в «Сказках об Италии», сплетаются теперь с представлениями о второй, творимой человеком природе. В лирическом рассказе «Утро» (1910), напоминавшем детям, что «вся земля покрыта великой работой людей — наших отцов, дедов, прадедов», Горький писал:

⁹⁵ См., например, утверждение Базарова: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» (И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, т. VIII, стр. 236).

⁹⁶ В. Ермилов связывает появление этой темы с творчеством Чехова (Вопросы литературы, 1959, № 12). Однако у Чехова она также только намечена и не обладает акцентом, который привнес в ее трактовку Горький.

Благословенно солнце —
Радостный источник жизни!
Благословенна работа —
Для красоты земли!

(X, 208).

Оба — и солнце, и человек — неустанно украшают землю. В названных циклах этот мотив становится основным: солнце — щедрый источник жизни, работа! И столь же щедрым должен стать человек. Горькому важно подчеркнуть творческое начало, силу, проявляемую вечно оживающей природой и человеком.

И если Щедрин утверждал, что «из века в век *цепенеет* грозная неподвижная громада полей, словно силу сказочную в плену сторожит»,⁹⁷ то Горький видел эти поля *оживающими*. Его внимание привлекал не столько замученный Коняга, сколько человек, многообразно обогащавший жизнь. Вспомним рассказ «Покойник» (XI, 244). Мы остановились лишь на одном из элементов горьковского пейзажа — солнце. Поэтическое воспроизведение и многогранное использование этого образа в художественной структуре произведений свидетельствовали о тесной взаимосвязи замысла и его идейно-художественного воплощения.

Романтики тяготели к изображению дисгармонии между природой и человеком. В демократической литературе 60—70-х годов разоблачение социального бытия накладывало мрачный отпечаток на картины природы, которые как бы гармонировали со страшной жизнью. Горький показывает творческую сопричастность человека природе, в изображении которой преобладает оптимистический тон.⁹⁸

4

Горький считал, что рассказы следует «начинать описательно, чтоб читатель с первых строк видел и знал, где

⁹⁷ М. Е. Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 198. — Курсив мой, — К. М.

⁹⁸ Природа, враждебная человеку, не выпала из поля зрения Горького. Отклики на лев даны в очерках, посвященных землетрясениям («Сан-Франциско» (1906) и «Землетрясение в Калабрии и Сицилии» (1909)). В художественных произведениях она затронута лишь частично (см., например, «Сказки об Италии», IV).

и кто говорит, чтоб диалог не падал с небес, а исходил от реальной фигуры».⁹⁹ В качестве такого зачина им нередко привлекался пейзаж, особенно в рассказах, которые велись от лица автобиографического героя. Из одиннадцати рассказов цикла «По Руси», созданного в 1912—1913 гг., восемь открывались картинами природы. Пейзаж открывал и большую часть «Сказок об Италии». Такие зачины служили не только обозначением места и времени действия; определяя основную тональность рассказа, они предвещали также этическую оценку изображаемых событий и лиц («Рождение человека», «Женщина», «Покойник»).

Пейзаж играл значительную роль в раскрытии миропонимания автора. Сохраняя свою историко-этнографическую ценность, картины природы нередко таили в себе выражение горьковского восприятия жизни. Ранние пейзажи пронизаны острой социальной мыслью. Во второй главе «Фомы Гордеева» картина весенней Волги завершалась следующим авторским заключением: «На всем вокруг лежит отпечаток медлительности; все — и природа и люди — живет неуклюже, лениво, — но кажется, что за ленью притаилась огромная сила, — сила необоримая, но еще лишенная сознания, не создавшая себе ясных желаний и целей. . . И отсутствие сознания в этой полусонной жизни кладет на весь красивый простор ее тени грусти. Покорное терпение, молчаливое ожидание чего-то более живого слышится даже в крике кукушки, прилетающем по ветру с берега на реку. . . Заунывные песни точно просят о помощи. . . Порою в них звучит удаль отчаяния. . . Река отвечает песням вздохами. И задумчиво качаются вершины деревьев. . . Тишина» (IV, 30).

В приведенном отрывке сконцентрирована основная мысль романа. Природа не раскрыла полностью своих сил, дремлют также мощные силы народа, сознание которого еще не проснулось. Но без этого пробуждения немислимо изменение бытия человека. В романе будет показана и «удаль отчаяния» — бунт Фомы, и поиски путей для изменения жизни.

Вот еще одна из картин. В рассказе «Мой спутник» юный герой любуется морем.

---

⁹⁹ Отзыв Горького о рассказе В. Кнехта приведен в кн.: Е. Б. Тагер. Творчество Горького советской эпохи. Изд. «Наука». М., 1964, стр. 354.

«Оно жило своей широкой жизнью, полной мощного движения. Стаи волн с шумом катились на берег и разбивались о песок, он слабо шипел, впитывая воду. Взмахивая белыми гривами, передовые волны с шумом ударялись грудью о берег и отступали, отраженные им, а их уже встречали другие, шедшие поддержать их. Обнявшись крепко, в пене и брызгах, они снова катились на берег и били его в стремлении расширить пределы своей жизни. От горизонта до берега, на всем протяжении моря, рождались эти гибкие и сильные волны и все шли, шли плотной массой, тесно связанные друг с другом единством цели... Солнце все ярче освещало их хребты, у далеких волн, на горизонте, они казались кроваво-красными. Ни одной капли не пропало бесследно в этом титаническом движении водной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной целью и вот — достигает ее этими широкими, ритмичными ударами. Увлекательна была красивая храбрость передовых, задорно прыгавших на молчаливый берег, и хорошо было смотреть, как велед за ними спокойно и дружно идет все море, могучее море, уже окрашенное солнцем во все цвета радуги и полное сознания своей красоты и силы» (I, 439).

В данном случае зарисовка морского прибой (Горький — крупнейший маринист русской литературы) не снабжена пояснением, как это сделано в «Фоме Гордееве» при сопоставлении народа и могучей русской реки, но подобное сопоставление имеет место и здесь. Движение моря вызывает мысль о силе единства и воскрешает памятный лозунг: «Безумству храбрых поем мы песню!».

Пристрастие к подобному пейзажу Горький сохранил и в дальнейшем. Изображение заката солнца в «Жизни Матвея Кожемякина» сопровождается типичным авторским послесловием: «Живет в небесах запада чудесная огненная сказка о борьбе и победе, горит яркий бой света и тьмы, а на востоке, за Окуровым, холмы, окованные черною цепью леса, холодны и темны, изрезали их стальные изгибы и петли реки Путаницы, курится над пею лиловый туман осени, на город идут серые тени, он сжимается в их тесном кольце, становясь как будто все меньше, не-

пугаю молчит, затаив дыхание, и — вот он словно стерт с земли, сброшен в омут холодной жуткой тьмы» (IX, 217).

Пейзажи Окурова, в которых чувствуется призыв «Пожалей. Помогите», как бы сопутствуют центральной мысли повести: Окуров страшен тем, что не видно из него огней всего мира, а без этих огней уже невозможно жить.

Обычно, говоря о сдвигах в творчестве Л. Толстого в 90-е годы, приводят начало «Воскресения», где весенняя природа и неиспорченный еще мир детей противопоставлены взрослым людям, считавшим, «что священно и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом».¹⁰⁰ Здесь господствует морализующая мысль, пейзажная зарисовка явно подчинена ей. Отсюда и общий, несколько безликий характер весенней природы. Горький избегает прямых публицистических вторжений в область пейзажа. Социально-философские раздумья пронизывают его, но сам он не обеднен, не подчинен нарочитой мысли. Картины природы всегда конкретно зримы, что и позволило Чехову назвать Горького настоящим пейзажистом.

Горький был мастером изображения утреннего и дневного, вечернего и ночного пейзажа. Он любил тишину ночи, ночное море и небо. Оно у него обычно звездное, зовущее куда-то, приобщающее к пониманию мира. В восприятии ночного неба поэтическое чувство Горького неистоично так же, как и при любовании солнечным светом.¹⁰¹ Лирически пишет он о золотых и трепетных узорах звезд; звезды у него сверкают, горят и вспыхивают, меркнут и разгораются. Они названы золотыми пчелами, очами неба, его живыми цветами. Как и в случаях с изображением солнца, можно найти прозаические уподобления, но они редки («Становится темно, с востока напол-

¹⁰⁰ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 32, ГИХЛ, М.—Л., 1933, стр. 3, 4.

¹⁰¹ В отличие от символистов Горький не любил луну (см., например, воспевание ее Ф. Сологубом). В «Моих университетах» есть признание: «Меся очень обрадовало, когда я узнал, что она светит не своим светом, что она мертва и нет, и не может быть жизни на ней» (XIII, 606). В горьковских произведениях луна обычно сопровождается эпитетами — усталая, ленивая, бездушная, испуганная — и уподобляется красноватому шару (X, 269), оранжевому жернову (XI, 234).

зает черная туча. Звезды в небе — точно шляпки медных гвоздей, — это от того, что воздух влажен» — XI, 260).¹⁰²

Избегая, но не изгоняя окончательно привычного аллегорического изображения борьбы света и тьмы (см. приведенный выше отрывок из «Жизни Матвея Кожемякина»), Горький часто прибегает к контрастным противопоставлениям бытовых картин картинам природы, причем последние приобретают романтическую окраску. Один из первых исследователей особенностей горьковского стиля С. Д. Балухатый писал: «Горький пришел к смелому соединению в своем творчестве форм реалистических и романтических, понимая их не как взаимно исключающие литературные стили, но как только внешне различные образные системы выражения в конечном счете одних и тех же внутренних стимулов художника».¹⁰³

Стремление пронизывать пейзаж социальной мыслью было унаследовано от демократической литературы, но сама мысль и рисуемые картины природы противостояли опыту прошлого.

Гармоническое единство унылой природы и обездоленной жизни не характерны для Горького, хотя и встречаются в его творчестве. Более типично для него, особенно в 1910-е годы, противопоставление ликующей, богатой и щедрой природы темной и пассивной жизни.

Вслед за величественным пейзажем, заставляющим ощущать «бег земли», в рассказе «Женщина» следует описание сытой и равнодушной к чужой беде казачьей станицы, где даже «церковь, как будто, слеплена из мяса, обильно прослоенного жиром, тень ее тучна и тяжела: храм, созданный сытыми людьми большому, спокойному богу» (XI, 125).

В поисках работы идет юноша по дороге «между высоких — по грудь мне — хлебов». Степь рождает поток мирных чувств, усиливая любовь к земле и людям. Но «Есть хочется, а в котомке с утра — ни кусочка, это мешает думать и несколько обидно. Такая богатая земля, и так много сработал на ней человек, а кто-то голоден» (XI, 213).

¹⁰² Позднее, в послеоктябрьский период, звезды были уподоблены золотым жаворонкам («Мои университеты») и золотым ерицам («Отшельник»).

¹⁰³ М. Горький. Забытые рассказы, стр. 5.

Прекрасна и щедра земля и прекрасной могла бы стать жизнь на ней, если бы люди поняли это, говорит Горький, но многие из них «ничего не ищут и не знают, чего искать, а просто — криком кричат, чтобы избыть скуку жизни. . .

За окнами тихо плывет августовская ночь — ни шороха, ни шепота. Я смотрю на темное небо, на яркие звезды и, деревенея под тяжестью уныния, думаю:

— Неужели небо и звезды для того, чтоб прикрыть эту жизнь? Такую?» (XI, 42).

Подобные вопросы, звучащие то лирически, то гневно (XI, 256—258), пронизывают весь цикл.

Мотив *оскверненной земли* становится основным мотивом цикла «По Руси», пейзаж значительно усиливает его звучание.

Пышная осень в горах Кавказа («Рождение человека») укрепляет мысль: «Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении пред красотой!». Но тотчас же возникает раздумье о неустрашимости и противоречивости жизни: «. . . тоска жадно сосет кровь сердца, но это — не навсегда дано, да ведь и солнцу, часто, очень грустно смотреть на людей: так много потрудились оно для них, а — не удались людишки. . .

Разумеется, есть немало и хороших, но — их надобно починить или — лучше — переделать заново» (XI, 8).

Пейзаж, как и в произведениях 90-х годов, вызывает социальные раздумья, но если ранний Горький прибегал к прямым сопоставлениям явлений природы и социальной жизни (буря и революция, движение моря и спаянность человеческого коллектива и т. д.), то теперь он избегает подобных сопоставлений. Меняется характер самих раздумий, они все сильнее приобретают лирическую окраску.

Пейзаж играет обычно значительную роль в развитии центральной темы произведений. В этом плане весьма характерен рассказ «Калинин».

Бродяга Калинин привлечен «проходящего» необычным отношением к богу, нежеланием сваливать на него ответственность за все свои беды. «Это ясное отсутствие обычного — рабьего, пугливого отношения к своему богу — заинтересовало меня, и всю службу я с великим любопыт-

ством наблюдал, как человек беседует с богом, не кланяясь ему, очень редко осеняя себя знамением креста, без слез и вздохов» (XI, 184). Бывший лакей отказался от забот о рамочках и вазочках, с которых надобно сметать пыль, когда понял, что не для того родила его в муках мать. Но в душе бродяги оказались спутанными разные пачала. Проснувшаяся человеческая гордость приняла уродливые формы: Калинин стал проповедником бегства от жизни и тем самым превратился в защитника пассивного отношения к действительности. Юноша-скиталец не вступает в спор с Калининным, его жизненное credo выявляется иным путем. В выявлении этом пейзаж не оказался нейтральным.

Бурный осенний день на берегу моря рождает в сердце юноши «мятежный пламень». «Страшно хочется жить, — так жить, чтоб смеялись старые камни и белые кони моря еще выше вставали на дыбы; хочется петь хвалебную песню земле, чтоб она, опьянев от похвал, еще более щедро развернула богатства свои, показала бы красоту свою, возбужденная любовью одного из своих созданий — человека, который любит землю, как женщину, и охвачен желанием оплодотворить ее новою красотою» (XI, 190).

Любовь эта мешает примириться со стремлением отойти от зла жизни. Картина заката в конце рассказа раскрывает мировосприятие юноши-романтика. Зарисовки уходящего дня таят философски-публицистический подтекст.

Сначала говорится: «Большое красное солнце тяжело спускалось в море; между ним и водою — невысокие темные холмы облаков со снеговыми вершинами» (XI, 204). Далее зарисовка приобретает символическую окраску. Выступая в защиту пассивности, Калинин отвергает утверждение новоафонского монаха Виталия — «человек должен быть в мире ратником супротив зла». Бродяга недоволен активностью монаха, по мере своих сил украшавшего землю: «Когда мы, теперешние, прибыли сюда — был тут хаос довременный и бесово хозяйство: росло всякое ползучее растение, окаянное держидерево за ноги цапало и тому подобное! А ныне — глядите-ко, сколь великую красу и радость сотворили руки человечьи и благоление какое!» (XI, 205).

Закат воспринимается проходящим под впечатлением столкновения двух миропониманий. Он уверен в том, что нельзя устраниваться от борьбы, и догорающий закат как бы укрепляет его в этой мысли.

«В темной пустыне лежит кроваво-красная тропа — не по ней ли прошли и невидимо идут, творя плодотворно горячую кровь, лучшие люди мира?

«Справа и слева от этой живой полосы огня море странного, темномалинового цвета, дальше оно — черное и мягкое, точно бархат» (XI, 205).

Концовка произведения возвращает к уже прозвучавшим мотивам — любви к миру и устремлению к борьбе за его переделку. Вновь возникает образ горящего сердца.

«С каждым днем все более неисчислимы пути, священные мое сердце с миром, и сердце копит что-то, от чего все растет в нем чувство любви к жизни. . .

Иду во тьме и сам себе свечу; мне кажется, что я живой фонарь, в груди моей красным огнем горит сердце, и так жарко хочется, чтобы кто-то боязливый, заплутавшийся в ночи — увидал этот маленький огонь!» (XI, 206—207).

В 1910-е годы Горький вносит новый оттенок в свой излюбленный образ. Если ранее сердце человека сопоставлялось с солнцем, то теперь оно само при соприкосновении с скорбной землей кажется раненым, точно сердце, истекающее кровью.¹⁰⁴

Лиризмом, поносящим несколько иной характер, пронизаны «Сказки об Италии». Используя образное выражение самого Горького, можно сказать, что картины природы в «Сказках» полны «знойного лиризма». Здесь точно гимн пропет солнцу и работе человека на оплодотворенной солнцем земле. Сцены из итальянской жизни воспринимались в свете пейзажных зарисовок, пронизанных солнцем. Эта мажорность успливалась, как и в раннем творчестве, романтический тон итальянских рассказов.

Пейзаж в «Сказках» порой использовался в качестве своеобразной рамы. Мотивы зачинов повторяются и в конце. В сказке, посвященной обеду мостовщиков, показан душевный полдень в Неаполе. Давая зарисовку яркого и пестрого города, Горький писал:

---

¹⁰⁴ См. конец рассказа «Илушка» (XI, 87).

«Солнце — в зените, раскаленное синее небо ослепляет, как будто из каждой его точки на землю, на море падает огненно-синий луч, глубоко возаясь в камень города и воду. Море блестит, словно шелк, густо расшитый серебром, и, чуть касаясь набережной сочными движениями зеленоватых теплых волн, тихо поет мудрую песню об источнике жизни и счастья — солнце» (X, 15).

Об этой же мудрой песне напоминает и конец рассказа: «Поет море, гудит город, ярко сверкает солнце, творя сказки» (X, 17).

Рассказ о мостовщиках — мимолетная и в то же время типичная сценка итальянской жизни. Пейзажное обрамление с повторяющимися образами как бы подчеркивает эту мимолетность, напоминая в то же время об основной теме всего цикла — возможности создания человеком труда новой, земной сказки. Подобное использование пейзажа дано и в других рассказах (см., например, XII сказку).

Не отказываясь от типичного для своего раннего творчества переплетения романтического и бытового, сниженного, Горький в рассказах «По Руси» стремился к более скупому и четкому рисунку. Автобиографический герой в сравнении с автобиографическим героем 90-х годов возмужал, что весьма ярко отразилось в характере восприятия им природы и социальной жизни.

И хотя Горький по-прежнему тяготел к ярким краскам и сравнениям с драгоценными камнями и дорогими тканями,¹⁰⁵ картины природы стали более строгими, очищенными от излишней субъективности и восторженности. Место их занял проникновенный лиризм. Он был чисто горьковским, его невозможно спутать с лиризмом других литераторов. По вместе с тем он отражал общее тяготение писателей 1910-х годов к лирическому пейзажу как средству выражения авторской позиции.

¹⁰⁵ О горной речке в рассказе «В ущелье» сказано: «Хороша река, — вся в трепетном кружеве снежной пены, она бежит, играя, по цветным камням, округленным ею, камни шелковисто просвечивают сквозь янтариное, на солнце, стекло воды, точно нестрый ковер или дорогая шаль из Кашмира» (XI, 155). То же характерно и для итальянских «Сказок»: «С поля в город тихо входит ночь в бархатных одеждах, город встречает ее золотыми огнями» (X, 144). Подобных примеров множество.

Остановимся еще на одной примечательной черте горьковского пейзажа.

В письме к Р. Роллану (ноябрь 1923) Горький назвал себя антропоцентристом «в отношении к человеку» и антропоморфистом «в изображении природы». ¹⁰⁶ Он действительно не скупился наделять природу человеческими свойствами.

Вспоминая о беседе с Л. Толстым о творчестве Горького, В. Поссе писал: «Я упомянул о силе его изобразительной способности при описании природы. Но Толстой со мной не согласился.

— Нет, описывать природу Горький не умеет. „Море смеялось“, „небо плакало“ и так далее — все это ни к чему. Не следует смешивать явления природы с проявлениями человеческой души.

— Но ведь именно это смешение, — возразил я, — лежит в основе всей шародной поэзии.

Толстой на минуту задумался, но затем решительно сказал:

— Тогда это было нужно, а теперь не нужно». ¹⁰⁷

В раннем творчестве многие авторы тяготеют к уподоблению природы человеку. Чехов, советовавший Горькому быть более сдержанным, в свое время отдал дань этому сам.

«Солнце на горизонте уже целуется с землей, побагровело и скоро спрячется» («Рано!»). ¹⁰⁸

«Красный полумесяц уже ушел за холм и сторожившие его тучи темными пятнами лежали около звезд» («Враги»). ¹⁰⁹

«...пад самым его лицом тянулся млечный путь и дремали звезды»; «Окруженное легкою мутью, показалось громадное багровое солнце. Широкие полосы света, еще холодные, купаясь в росистой траве, потягивались и с веселым видом, как

¹⁰⁶ Перепица А. М. Горького с зарубежными литераторами. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 339. — В письме к М. Пришвину (февраль, 1927) Горький вновь скажет, что он «геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист. Очень крепко чувствую мою землю во Вселенной как центр ее, и человека на ней как самое главное и сущее чудо земли» (Литературное наследство, 1963, т. 70, стр. 342).

¹⁰⁷ ИРЛИ. Р. I, оп. 22, № 268, стр. 112.

¹⁰⁸ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, стр. 401.

¹⁰⁹ Там же, стр. 38.

будто стараясь показать, что это не надоело им, стали ложиться по земле» («Счастье»).¹¹⁰

Однако по мере роста требовательности к себе как художникам слова у писателей возникало стремление отказать от излишнего награждения природы действиями и чувствами человека. Природа начинала показываться сквозь призму восприятия героя, который и наделял ее способностью к одушевлению. Рассказ о степи ведется у Чехова от лица впервые едущего по ней Егорюшки и самого автора, уже не раз приобщавшегося к ее красоте. Условность оживления природы нередко подчеркивается в словесном пейзаже специальными оговорками «словно», «точно», «как будто» и т. п. Нередки и попытки почти полного изгнания антропоморфизма (природа в позднейших произведениях того же Чехова).

В начале 20-х годов Горький в последний раз правил свои дореволюционные произведения для издательства «Книга». Большая трудоемкая работа заставляла невольно изучать собственную манеру письма. Писатель не был удовлетворен ею. Новые произведения — «Заметки из дневника. Воспоминания», а затем «Дело Артамоновых» — свидетельствовали о поисках иного художественного воплощения замыслов, иной стилиевой системе. Искания эти в какой-то мере отразились и на редакции старых произведений.¹¹¹

Горький не стремился видоизменить представление о себе как художнике. Он оставил все характерное для своего предшествующего пути, не была снижена и романтическая окрыленность. Правка уничтожила главным образом всякого рода излишества и красоты стиля. Значительным сокращениям подверглись описания душевного состояния автобиографического героя, которые в пору создания рассказов (90-е годы) казались автору характеризующими тонкость постижения мира, а позднее справедливо были восприняты им как изысканности, не соответствующие облику избранного героя.¹¹²

¹¹⁰ Там же, стр. 161, 169.

¹¹¹ О правке Горьким Собрания сочинений в издательстве «Книга» (1923—1927 гг.) см.: А. А. Тарасова. Из творческой лаборатории Горького. Изд. «Наука», М., 1964, 160 стр. (Институт мировой литературы).

¹¹² См., например, правку рассказа «Старуха Изергиль».

Горький немало раздумывал над изображением картин природы в русской литературе. Об этом достаточно убедительно говорят письма к начинающим авторам, беседы о ремесле, заметки для себя. Взыскательное прочтение старых произведений привело писателя к заключению, что он слишком увлекался воспеваниями природы. Не могло же броситься также в глаза изобилие уподоблений ее человеку. Но следовало ли с этим бороться? В отличие от многих, в том числе от Л. Толстого, зрелый Горький отказался осудить антропоморфизм как нечто несоответствующее психике современного человека. Устрашая в 20-е годы в своих произведениях некоторые излишества в подобных уподоблениях, Горький вместе с тем оставил запись, видимо, относящуюся к тому же периоду: «Мне кажется, что антропоцентризм и антропоморфизм навсегда пребудут исходными точками мышления о мире и смысле бытия. Бесполезно уклоняться от этого, ибо человек на века замкнут в этих формах мышления так же, как во времени и пространстве».¹¹³

Данное замечание будет развито затем в статье «О том, как я учился писать» (1928): «Воображение тоже, в сущности своей, мышление о мире, но мышление по преимуществу образами, „художественное“; можно сказать, что воображение — это способность придавать стихийным явлениям природы и вещам человеческие качества, чувствования, даже намерения. . .

Есть люди, которым кажется, что антропоморфизм неуместен и даже вреден в искусстве словесном, но люди эти сами говорят: „мороз щипал уши“, „солнце улыбалось“, „настушил май“, они не могут не говорить: „дождь идет“, хотя дождь не обладает ногами, „погода подлая“, хотя явления природы не подлежат нашим моральным оценкам» (XXIV, 469, 470).

Антропоморфизм был присущ и поздним произведениям Горького.

После Октября пейзаж стал занимать в горьковском творчестве меньшее место. Тому несколько причин. Одна из них — недовольство гимнами красоте и мощи природы, которые стали возбуждать у писателя «чувство недоумения и даже протеста» (XXIV, 265). Ранее подобные песнопения были необходимы для усиления призыва к отказу

¹¹³ Архив Горького.

человека от своей пассивности, дремы. Теперь перед советской литературой возникла в качестве первоочередной задача изобразить человека, преобразующего не только социальную структуру, но и окружающий его материальный мир. В статье «О М. М. Прищвине» Горький писал:

«Обычно люди говорят Земле:

— Мы — твои.

Вы говорите ей:

— Ты — моя!» (XXIV, 266).

Такое отношение Горький считал наиболее отвечающим новой эпохе.

Но могла оставаться прежнею функция пейзажа и в произведениях, ставящих своей целью показать, какими были люди до Великого переворота.

В 20-е годы Горький меняет свою стилевую систему, в том числе манеру воспроизведения пейзажа, отказываясь прежде всего от эмоционально-приподнятого, романтического тона. Весьма примечателен «Рассказ об одном романе», в котором Горький иронизирует над присутствием ему ранее изображением природы.

Пейзаж теперь сугубо реалистичен, заземлен, исчезают яркие краски, лишь изредка врываются в него лирические нотки. Сохранился острый интерес к свету, к проблеме освещения, но само солнце почти не появляется (оно чаще всего зимнее), преобладает изображение непогоды, осени, зимы. Пейзаж становится более лаконичным и все чаще начинает звучать в унисон с жизнью героев.

И если картины природы дооктябрьского творчества Горького напоминают живопись масляными красками, то после Октября они становятся более похожи на произведения гравера.

З а к л ю ч е н и е

Раздумывая над своей писательской судьбой, М. Пришвин написал: «Что меня в свое время не бросило в искусство декадентов? Что-то близкое к М. Горькому. А что не увело к Горькому? Что-то близкое во мне к декадентам, отстаивающим искусство для искусства...»

Я тем спасся от декадентства, что стал писать о природе».¹

В этих словах ключ к пониманию позиции ряда художников 1910-х годов. Творчество Горького привлекало своей непосредственной близостью к народу, своим выражением его настроений и надежд. Как и А. Блоку, многим литераторам казалось, что если действительно существует выразитель многомиллионной России на повом историческом этапе, то это именно Горький. Нельзя было отказать художнику в глубине и своеобразии раскрытия русской жизни. У него были свои темы, свое освещение увиденного, свои излюбленные художественные приемы. То, что Горький — открыватель новых путей в литературе, для современников было уже несомненно. Однако социальная заостренность его произведений — Горький следовал в этом заветам классической литературы — для многих была неприемлема. Предстояло как бы сделать выбор между искусством, далеким от жизненных битв, и искусством, открыто говорящим о связи с ними. Новое поколение писателей не могло не видеть ограниченности симво-

---

¹ М. Пришвин. Незабудки. Вологда, 1960, стр. 78, 79.

лизма и метания крупнейших представителей его. Было ясно, что символизм как литературное течение изжил себя, хотя некоторые молодые литераторы не избегли увлечения им. В то же время новый творческий метод, проявленный в творчестве Горького, не нашел еще в те годы большого числа сторонников.

Для 1910-х годов, которые критика называла временем возрождения реализма, характерно стремление найти новый путь, уводящий от символизма, но не совпадающий с открыто социальным искусством. Желание по-новому раскрыть свое отношение к миру, свое художническое «я» привело к усилению в литературе лирического начала, пейзажной живописи и нового использования символики.

Новые художественные искания в какой-то мере совпадали с исканиями Горького («По Руси», «Сказки об Италии», «Детство»). В них также сильно проявление авторской личности, открытое звучание авторского голоса. Но этот голос оставался все тем же голосом Горького, воспринимавшим себя в неразрывной связи с народной почвой. Выступая против цинизма, охватившего русское общество в годы реакции, Горький справедливо говорил: «... для меня — все это — личное, ибо я — больше чем кто-либо другой — имею право назвать себя демократом и по крови, и по духу».²

Революционная переделка жизни ощущалась Горьким как настоятельная потребность времени, как одна из ее ближайших задач. Вот почему он всегда был готов к отстаиванию революционных идей, к защите своих социально-художественных позиций. В 1913 г. Горький сообщил А. И. Тихонову с усмешкой: «Будучи на острове, Ляцкий» сказал одному туземцу: „Горький все еще чувствует себя пекарем, а на людей смотрит как на тесто, я знаю, что он сам писал в Россию нечто подобное“.

Не помню, писал ли я „нечто подобное“, но грешен! — мог написать...».³

---

² Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература». М., 1966. стр. 43.

³ Горьковские чтения. 1953—1957. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 35, 36.

Мог и написал. В «Рождении человека» читаем: «... не удались людишки. Разумеется, есть немало и хороших, но — их надобно починить или — лучше — переделать заново» (XI, 8).

Деятельность Горького — писателя и общественника в годы нового революционного подъема показывает, как многогранна и плодотворна была его работа и как много сделал он, чтобы пробудить социальные чувства и мысль своих современников.

Именной указатель*

- Аввакум, протопоп 101
Аверьянов М. В. 15
Айхенвальд Ю. И. 85
Аксаков И. С. 109
Аксаков С. Т. 206
Алерамо С. 148
Амендола Д. 152
Амичис Э. де — см. Де Ами-
чис Э.
Амфитеатров А. В. 15—18, 21,
28, 37, 38, 40, 97, 99, 111, 113,
123, 195, 201
Ангарский Н. С. см. Кле-
стов Н. С.
Андерсен Г. 162, 172, 173
Андреев Л. П. 5, 9, 47, 70, 75,
77, 131, 170, 200, 227, 232—
236, 244, 248
Андреева М. Ф. 41, 61, 156
Аничков Е. В. 9, 42, 43
Ариян П. П. 171
Арцыбашев М. П. 9, 10, 47, 74,
76—79, 81, 82, 133, 195
Астров С. Г. 39
Афанасьев В. П. 231
Афиногенов А. Н. 229
Аш Ш. 198
- Бабель И. Э. 246
Багрий А. В. 207
Базаров В. (псевд. Руд-
нева В. А.) 31, 49—51, 53
Байрон Д. 228
- Бакунин М. А. 94, 102
Балухатый С. Д. 215, 257
Бальмонт К. Д. 39, 244
Баранцевич К. С. 46, 69
Баратынский Е. А. 237, 242
Бауэр О. 51
Баязет (Баянд I) 168
Бебутов И. Д., кн. 62
Бедный Демьян 199
Белоусов И. А. 24, 36
Белый А. 69, 242, 244
Березин М. Е. 24
Бернацкий В. А. 81
Бехтерев В. М. 81
Биссолати Л. 41
Бланк Р. М. 36, 66, 81, 188, 192,
193, 198
Блок А. А. 10, 147—149, 158,
266
Богданович А. П. 225
Боголюбов С. П. 7, 16
Богучарский В. Я. 22, 40, 50—
54, 57
Бракко Р. 156, 157, 160
Бриан А. 16
Бродский И. И. 80
Бруно Д. 75, 147, 152
Брюсов В. Я. 10
Бунин И. А. 20, 37, 39, 93, 103,
107—110, 113, 114, 121—123,
136, 155, 185, 187, 222, 227—
232, 234, 235, 244, 248
Бурдес Б. П. 198

* Составлен А. Д. Алексеевым.

- Буренин В. П. 198
 Буренин П. Е. 251
 Бурова Г. М. 176, 183
 Бухгейм Б. 149
 Быков П. В. 15, 16
 Быховский П. Я. 51
 Бялик Б. А. 44
- Вагнер Р. 102
 Вамбери Г. 165—169
 Василевский И. М. (Не буква)
 143
 Васильев Ф. А. 223
 Венгеров С. А. 10, 86
 Верга Д. 157
 Вересаев В. В. 14, 15, 30, 31,
 45, 50, 61, 79, 109, 121, 178—
 183, 192
 Вико Д. 152
 Вишниченко В. К. 198
 Вихровский Н. 42
 Владимирский М. Ф. 34
 Водозов В. В. 17, 18, 23, 24,
 40, 42, 55, 57
 Волошин М. А. 15
 Вольнский А. Л. 94, 198
 Вольский Н. В. 50
 Воровский В. В. 121
 Воронский А. К. 236
 Вradий В. П. 225, 226
 Вяткин Г. А. 252
- Гарибальди Д. 147, 148, 156
 Гарольд (псевд. Левинского
 И. С.) 38
 Гартман Э. 232
 Герцен А. И. 130
 Гершензон М. О. 7, 22, 42
 Гете И.-В. 228, 237
 Гиммер Н. Н. см. Суханов П.
 Гишпиус Э. Н. 37, 48, 74, 145,
 196, 232
 Глебов П. 143
 Гликберг А. М. (псевд. Саша
 Черный) 38, 39, 42, 57
 Гоголь Н. В. 150
 Голиков В. М. (псевд. Wega)
 38
 Голубев В. З. 249
 Голубева О. Д. 10, 46
 Гольфарелли 149
 Гольцев В. А. 237
 Гончаров И. А. 95, 96, 134
 Городецкий С. М. 10, 69
- Гребенщиков Г. Д. 39, 43, 47
 Григорович Д. В. 218, 219
 Григорьев А. А. 223
 Григорьян К. Н. 210
 Груздев И. А. 90, 117, 226
 Грузенберг О. О. 8
 Грузинский А. Е. 73
 Гумбольдт А. 235
 Гусман Б. 184
 Гюго В. 242
- Дан Ф. И. 31
 Данте А. 101
 Де Амичис Э. 63
 Делевский Ю. 51
 Деледда Г. 157
 Дерман А. Б. 84
 Де Филиппо Э. 157
 Джерманетто Д. 155, 159
 Джусти В. 156, 157
 Дикман М. И. 96
 Дмитраков И. П. 204
 Долгополов Л. К. 249
 Достоевский Ф. М. 43, 44, 77,
 94, 101, 117
 Дымов О. И. 198
- Егорова Л. П. 170
 Екатерина II 61
 Елачич Е. А. 51
 Елпатьевский С. Я. 159
 Еремушкин В. Г. 125, 126
 Ермилов В. В. 252
 Ершов П. П. 99
 Есаин Е. А. 213
 Ефимова Е. М. 207
- Жорес Ж.** 41
- Зайцев Б. К. 74
 Золотарев А. А. 40, 90, 91, 123
 Золя Э. 130
- Иванов Вяч. И. 10, 69
 Иванов Е. П. 148
 Иванов П. 38, 191
 Иванов-Разумник Р. В. 195
 Игнатов И. Н. 184
 Изгоев А. С. 193
 Измайлов А. А. 130, 144, 199,
 201
 Изюмский В. 37
 Иорданская М. К. 77, 190
 Иорданский Н. И. 25, 51

- Кама 35
 Кандалаки Н. В. 35
 Карпийн А. Б. 184
 Каролин-Петропавловский Н. Е.
 70—73, 88, 89, 91
 Карпинский В. А. 61
 Картожинский О. М. см. Нор-
 вежский О.
 Кассо Л. А. 187
 Катков М. Н. 56
 Каутский К. 62
 Келдыш В. А. 125, 126
 Керманн (Жирманн Х.) 167, 168
 Клестов Н. С. 9, 15, 50, 179
 Ключевский В. О. 108
 Кнехт В. А. 254
 Ковалев В. П. 177
 Кола ди Ренцо 147
 Коллонтай А. М. 141, 145
 Колтоновская Е. А. 84
 Колумб Х. 175
 Колядин Г. 144
 Корпилов А. А. 51, 52
 Коробка Н. И. 84
 Короленко В. Г. 64, 69, 77, 88,
 89, 93, 102, 103, 105, 111, 125,
 137, 138, 141, 216, 234
 Королицкий М. 143—144
 Коцюбинский М. М. 9, 35, 37,
 72, 88, 122, 123, 138, 185
 Кочевой П. М. 9
 Крапихфельд В. П. 14, 20, 44,
 51, 61, 189—192
 Красин Л. Б. 116, 118
 Кривнев-Миролюбов К. 35, 43,
 47
 Кришнаварма 35
 Крупская Н. К. 80
 Крутикова Л. В. 103
 Кудрявцева О. А. 210
 Кузмин М. А. 195
 Куклин Г. А. 61
 Кулаков П. Е. 36, 199
 Купреялова Е. Н. 209
 Куприн А. И. 10, 46, 69, 82,
 171
 Кускова Е. Д. 22, 40, 51, 57
- Ладыжников И. П. 13, 14, 24—
 26, 42, 62, 125, 172, 178, 181,
 190
 Левинский И. С. (псевд. Га-
 рольд) 38
- Левитан И. И. 219—221, 223,
 237, 238
 Левитов А. И. 213, 214
 Левницкий П. 81
 Леконт де Лиль Ш.-М. 228
 Ленин В. И. 3, 4, 16, 18, 25, 47,
 57—62, 65, 66, 79, 80, 95, 96,
 105, 117, 118, 138, 153, 183,
 188
 Леонов Л. М. 230, 248
 Лермонтов М. Ю. 206, 209
 Лесков Н. С. 94, 102, 103, 116
 Лещенко Д. И. 18
 Лихачев Д. С. 94, 95
 Ллойд-Джордж Д. 16
 Лонго Л. 152
 Лопатин Г. А. 15
 Луначарский А. В. 4, 8, 47, 51,
 52, 121, 157, 159
 Львов-Рогачевский В. Л. 50, 51,
 57, 72
 Лянгла Л. 168
 Ляцкий Е. А. 9, 18—25, 27, 29—
 32, 35, 37—42, 46—57, 61, 132,
 145, 267
- Мадзини Д. 147, 152
 Майков А. П. 211
 Максимов П. Х. 109, 124
 Малиновская Е. К. 147
 Маненков В. Я. см. Старостин-
 Маненков В. Я.
 Маркс К. 148
 Мартов Л. (псевд. Цедер-
 баума Ю. О.) 26, 30, 32, 50
 Маслов П. П. 30, 31, 50
 Мейер В. 153, 172
 Меньшиков М. О. 225
 Мережковский Д. С. 47, 48, 51,
 52, 74—76, 78, 151, 195, 196,
 198, 199
 Мешков Н. В. 13
 Миклашевский М. П. (псевд.
 Неведомский М.) 25, 30, 144
 Мильерац А. 16
 Минский Н. М. 225
 Миролюбов В. С. 12, 16—18, 20,
 77
 Михайлов А. И. 97, 230
 Михайлов Г. Н. 82
 Михайловский Н. К. 192, 225
 Моравиа А. 157
 Мортье Р. 236
 Мравян А. 184

- Муништейн Л. Г. (псевд. Lolo) 38
 Муравьев Н. К. 14, 27, 29—32, 46, 50, 180, 181
 Муратова К. Д. 100, 183
 Мышковская Л. М. 209
- Наживин И. Ф. 43
 Натансон М. А. 47
 Певедомский М. — см. Миклашевский М. П.
 Нестеров М. В. 97, 226, 230
 Нпкифорова Л. А. 87, 199
 Никольский В. А. 240
 Нинов А. А. 25, 37
 Новосельский С. А. 81
 Норвежский О. (псевд. Картожинского О. М.) 69
- Овсяннико-Куликовский Д. П. 28, 73, 124, 127, 159
 Ойетти У. 64
 Осоргин М. А. 64, 149
 Оствальд В. 33
- Павлов И. П. 403
 Павлович М. П. 28, 31
 Пасколи Д. 148, 149
 Паустовский К. Г. 230
 Певин П. И. 9, 16—18, 24, 29, 30, 46, 49—51, 53—57
 Перцов П. П. 130
 Петров Г. С. 81
 Петров С. Г. см. Скяталец
 Пешкова Е. П. 6, 21, 103, 111, 122, 123, 133, 155
 Пиксапов Н. К. 100
 Пильский П. М. 42
 Плеханов Г. В. 22—24, 31, 40, 47, 57, 75, 132, 145
 Победоносцев К. П. 56
 Покровский М. Н. 28, 51
 Полетаев П. Г. 59
 Поляк Л. М. 125
 Помяловский Н. Г. 133, 213
 Поссе В. А. 21, 90, 225, 262
 Потанин Г. Н. 161
 Потапенко И. Н. 15, 57
 Потемкин Л. П. 15
 Потресов А. П. 26, 30, 32, 50
 Пратель А. 33
 Приживин М. М. 79, 123, 144, 262, 265, 266
 Прокопович С. П. 51, 57
- Пупешников П. А. 108, 228
 Пушкин А. С. 99, 206, 242
 Пятницкий К. П. 10—13, 72, 90, 185, 189, 195
- Ремизов А. М. 10
 Рильке Р.-М. 116
 Родионов И. А. 97, 192
 Роллан Р. 118, 262
 Роншин В. (псевд. Б. В. Савинкова) 20, 47, 198
 Ростан Э. 249
 Рубинштейн Б. П. 122
 Руднев В. А. см. Базаров В.
 Руссо Ж.-Ж. 223
 Рысс П. Я. 149
 Рыбушинский П. П. 191
- Сабашников М. В. 13
 Савельев М. А. 60
 Савинков Б. В. см. Роншин В.
 Саврасов А. К. 223
 Садовский Б. А. 52
 Салтыков-Щедрин М. Е. 100, 185, 186, 202, 206, 210—212, 214, 223, 230, 253
 Саша Черный см. Гликберг А. М.
 Свириев И. П. 202
 Семенова О. Н. 177
 Серао М. 157
 Серафимович А. С. 46, 121
 Сергеев-Ценский С. Н. 9, 10, 14, 121, 201, 235
 Скворцов-Степанов Н. П. 28, 49, 50, 53, 55
 Скяталец (псевд. Петрова С. Г.) 5, 198
 Скороходов П. А. 105
 Слепцов В. А. 212
 Слонимский М. Л. 174
 Сноу Ч.-П. 221
 Соловьев С. М. 108, 124
 Сологуб Ф. К. 10, 37, 38, 47, 74, 195—200, 256
 Станкевич В. Б. 40, 42
 Старк Л. Н. 39, 40
 Старостин-Мапенков В. Я. 72, 88
 Степанов И. И. — см. Скворцов-Степанов И. И.
 Струве П. Б. 27, 56, 192—195, 199
 Суворин А. С. 48
 Суп Ят-сен 35, 36

- Сургучев И. Д. 39, 144, 164
Суханов Н. (псевд. Гим-
мера Н. II.) 57
Сытин И. Д. 12, 25, 46, 112, 179
- Тагер Е. Б. 128, 174, 254
Тамерлан (Тимур) 161—169, 181
Тарасова А. А. 263
Твардовский А. Т. 229
Теплийский М. В. 196
Тимофеев Б. 37
Тимофеева В. В. 39
Тимур — см. Тамерлан
Тихонов А. Н. 49, 50, 53, 55, 56,
103, 115, 201, 267
Тихонов В. А. 24
Тодоров П. 35
Толстой А. Н. 79
Толстой Л. Н. 62, 76, 77, 93, 94,
100, 101, 111, 112, 116—118,
123, 124, 137, 138, 141, 206,
207, 209, 210, 221, 256, 262,
264
Трифонов Н. А. 4
Трояновский А. А. 58, 60
Трубников А. А. 149, 150
Тургенев И. С. 93, 101, 134,
206—210, 212, 214—216, 222,
223, 227, 237, 238, 252
Туркин А. Г. 94
Тютчев Ф. И. 232, 242
- Ульрих Л. Н. 161, 165, 168
Успенский Г. И. 100, 212
Успенский Н. В. 213
Ухмылова Т. К. 25
- Федоров А. М. 57
Ферраро К. 64
Фильварова Э. 91, 171
Фламарион К. 236
- Хамов К. Н. 112
Хилквит М. 171
Хлодовский Р. И. 146
Ходасевич В. М. 204
Христиан Г. 47, 155
- Цыперович Г. В. 28, 31, 40, 42
- Чаадаев П. Я. 101
Чеботарева В. Г. 161
Чеботаревская А. Н. 197, 200
Черемнов А. С. 38, 39, 123
Чернов В. М. 16—18, 20
Черный Саша см. Глик-
берг А. М.
Чернышевский Н. Г. 22
Чертова Н. В. 161
Чехов А. П. 77, 88, 90, 94, 116,
198, 206, 209, 214—223, 226,
227, 229, 231, 242—244, 248,
252, 262, 263
Чешихин-Ветринский В. Е. 103
Чириков Е. Н. 46, 187, 198
Чмшкян К. Г. 207
Чуковский К. И. 10
- Шаляпин Ф. И. 99
Шаумян С. Г. 184
Шекспир В. 101
Шмелев И. С. 79
Шопенгауэр А. 232
Шувалов С. В. 207
- Щеголев П. Е. 47, 48, 50, 54, 55,
57
Щепкина-Куперник Т. Л. 249
- Эльсберг Я. Е. 202
Эрдия Х.-М. 228
Эртель А. И. 222
- Юнович М. М. 8
Юшкевич П. С. 51
- Язикова Ю. С. 176
Яковлев Н. В. 202
Яровицкий А. В. 103
- Lolo см. Мунштейн Л. Г.
Wega см. Голиков В. М.

О г л а в л е н и е

	Стр.
От автора	3
Глава первая	9
Издательские планы Горького. История редактирования журнала «Современник». Горький и журнал «Просвещение». Попытка организации Русского историко-общественного музея. Горький и Италия.	
Глава вторая	65
Борьба Горького с пессимистической литературой. Полемичность воспоминаний о Н. Е. Карамшине-Петропавловском и рассказа «Случай из жизни Макара». Характер горьковского автобиографизма.	
Глава третья	93
Споры о национальном характере в литературе 1910-х годов. Особенности позиции Горького и Бунина. Поиски Горьким определения новых черт русского характера.	
Глава четвертая	120
Замысел трех циклов рассказов, их взаимосвязь. Цикл «По Руси», его проблематика, образ «проходящего». Рассказы «Кладбище», «Шилушка», «Покойник». Публицистическая направленность рассказов. Оценка цикла в дооктябрьской критике.	
Глава пятая	146
«Сказки об Италии», их реальная основа. «Сказки» о Матерях. Источники «сказки» о Тимуре. Художественные особенности «Сказок». Первое издание цикла в России, его композиция. Оценка «Сказок об Италии» в печати 1910-х годов.	

	Стр.
Глава шестая	185
«Русские сказки», их сюжеты и прототипы. Горький и Щедрий. Переключка «Русских сказок» со «Сказками об Италии».	
Глава седьмая	206
Горький-пейзажист. Предшественники Горького. Современные пейзажисты. Образ солнца в творчестве Горького. Своеобразие горьковского пейзажа.	
Заключение	266
Именной указатель	269

Ксения Дмитриевна Муратова

М. ГОРЬКИЙ НА КАПРИ
(1911—1913)

*Утверждено к печати
Институтом Русской литературы
(Пушкинский дом) АН СССР*

Редактор издательства А. Л. Лобанова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Э. В. Коваленко
и Ф. Я. Петрова

Сдано в набор 26/IV 1971 г. Подписано к печати
9/VIII 1971 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ.
л. 8⁵/₈ = 14.48 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.13.
Изд. № 4515. Тип. зак. № 210. М-43581.
Тираж 12500. Бумага № 2. Цена 1 р. 15 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164 Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034 Ленинград, 9 линия, д. 12